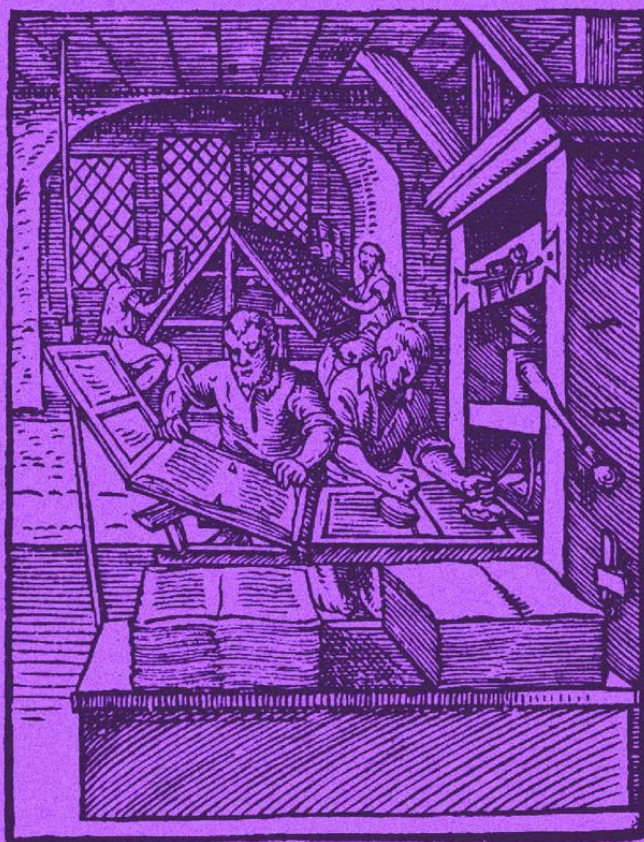

Слава, которой была Греция

Дж . К. Стобарт

The Glory That Was Greece: a survey of Hellenic culture and civilisation

J. C. Stobart

Дж . К. Стобарт

Слава, которой была Греция: обзор эллинской культуры и цивилизованности

Содержание

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

Введение

Эллинизм

Земля и ее люди

ЕГИПЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Новая глава истории

Крит, порог Европы

Прогресс египетской культуры

Дворцы на Материке

Создатели эгейского искусства

II ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК

Захватчики с Севера

Гомер и ахейцы

Щит Ахиллеса

Короли и боги

Искусство эпического периода

Дом Героя

Мир Гесиода

III ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ

Пришествие Аполлона

Легкая атлетика

Спарта

Афина Паллада

Тирания и культура

Иония

Запад

IV ВЕЛИКИЙ ВЕК

Расцвет Афин

Фидий

Иктинус и строители храмов

Трагедия и комедия

Помощь

V ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК

Афины

Спарта и Фивы

Культура четвертого века

Скульптура

Другие Искусства

Литература и философия

VI МАКЕДОНСКИЙ МИР

Александр и его работа

Александр в искусстве

Александрия

Афины и их философы

VII ЭПИЛОГ

Глоссарий

БИБЛИОГРАФИЯ

ФОТОГРАВИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ

ГОЛОВА И БЮСТ АФРОДИТЫ МЕЛОССКОЙ

, выгравированные Эмери Уокером по фотографии оригинала, сделанной Mansell & Co. в Лувре, Париж. См. стр. 251.

Фронтиспис

ВСТРЕТИТЬСЯ ЛИЦОМ К ЛИЦУ
С МАЛЬЧИКОМ-
ПАЖОМ

160

ВИКТОРОМ. БРОНЗА, ПЯТЫЙ ВЕК до н.э.

Гравировка Эмери Уокера по фотографии Брукмана оригинала в Глиптотеке, Мюнхен. См. стр. 160

112

ВАЗОВАЯ ТАРЕЛКА (ЦВЕТНАЯ)

Коринфская ваза (рис. 1) Британский музей, Второй вазовый зал, витрина 8,

Краснофигурная ваза 1375 года (Рис. 2) Британский музей, Третий вазовый зал, витрина 17, Е 453

Чернофигурная ваза (Рис. 3) Британский музей, Второй вазовый зал, витрина I, В 134

Белая полихромная ваза (Рис. 4) Британский музей, Третий вазовый зал, витрина F, D 60

ТАРЕЛКА

1 АКРОПОЛЬ АФИНЫ (рис. 1) 6

С фотографии

1 ЦИТАДЕЛЬ КОРИНФА (рис. 2)

С фотографии английской фотокомпани, Афины. На переднем плане колонны старейшего храма Греции

2 ОЛИМПИА: ДОЛИНА АЛФЕЯ 8

С фотографии Алинари. Образец греческого пейзажа на одной из немногих хорошо орошаемых равнин

3 В ДОЛИНЕ ТЕМПЕ 10

С фотографии английской фотокомпани, Афины. Знаменитый перевал, на

	котором была предпринята тщетная попытка отразить персидское вторжение в 480 году до н.э.	
4	АССИРИЙСКИЙ РЕЛЬЕФ: ЦАРЬ АШШУРНАСИРПАЛ (ДЕВЯТЫЙ век до н.э.) С фотографии Mansell & Co. с плиты 36 в галерее Нимруд, Британский музей. Образец стилистического восточного искусства на самом высоком уровне. <i>См.</i>	18
5	ФАЯНС Из ХРАМОВОГО ХРАНИЛИЩА ВТОРОГО ДВОРЦА, КНОССОС, КРИТ , Богини-змеи (рис. 1). <i>См.</i> Дикий козел и детеныш (рис. 2) , Написанные по факсимиле в музее Эшмола в Оксфорде Дианой Р. Уилсон по специальному разрешению. <i>См. стр. 22.</i> Согласно греческой мифологии, Зевса вскормила коза на Крите	22
6	ФРЕСКА “ВИНОЧЕРПИЙ” Из статьи сэра А. Дж. Эванса в <i>Monthly Review</i>, март 1901 г.; с любезного разрешения мистера Джона Мюррея. <i>См. стр. 25 и 32</i>	24
7	"БЫЧЬЯ ГОЛОВА". РЕЛЬЕФ В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ НА РАСКРАШЕННОЙ ШТУКАТУРКЕ. КНОССОС, Крит, Нарисовано по факсимиле в Музее Эшмола в Оксфорде Дианой Р. Уилсон по специальному разрешению. <i>См. стр. 25.</i> Бык - очень частый предмет художественного изображения в Кноссе, где,	26

	по-видимому, была в моде коррида	
8	ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА, МИКЕНЫ	30
	С фотографии английской фотокомпании, Афины. Показ скульптуры и каменной кладки доисторической Греции. <i>См.</i> <i>стр. 29</i>	
9	ВАФЕЛЬНЫХ ЧАШЕК	32
	коллотипная табличка, из факсимиле в Британском музее, Первый вазовый зал, корпус В. Два золотых кубка, найденных на территории Спартании. Рисунок рельефно выбит с обратной стороны. На одном изображен загон дикого скота в ловушку, на другом - прирученный скот, идуший на пастбище. Сосуды размером примерно с современную чайную чашку. <i>См. стр. 30</i>	
10	ИНКРУСТИРОВАННЫХ ЛЕЗВИЙ КИНЖАЛОВ	34
	Коллотипная пластинка из коллекции электротипов в Британском музее, как пластина 9. Они демонстрируют одежду и оружие эгейского народа. Все, кроме клинка, является реставрацией. <i>См.</i>	
11	ВАЗА-ВОИН из ЧЕРНОГО СТЕАТИТА (рис. 1)	38
	, Эти вазы изначально были покрыты листовым золотом. Эти темы еще не были полностью объяснены. Вероятно, вся ваза посвящена атлетическим единоборствам: бегу и прыжкам в верхней зоне, корриде во второй и боксу в третьей и четвертой	

11	ФРАГМЕНТ СЕРЕБРЯНОЙ ВАЗЫ (рис. 2) Коллотипная пластина из факсимиле в Британском музее, как пластина 9. См. стр. 38. Речь идет об осаде города. Мы замечаем, что здесь, как и на предыдущих иллюстрациях, воины изображены почти обнаженными. Они сражаются пращами и стрелами и защищаются огромными плетеными щитами	
12	ВАЗА “ФРАНСУА” Коллотипная пластина, с фотографии Алинари. См. стр. 43 и 57. Шедевр ранней аттической школы вазописи. Подписано Эрготимом и Клитасом, шестой век до н.э. Сцены мифологические	42
13	ГЕРМЕС КРИОФОРΟΣ (ПОГОНЩИК ЯГНЯТ) С терракотового рельефа, Британский музей, терракотовая комната, витрина С, В 486. Прекрасный образец архаичной рельефной работы, изображающий Гермеса в образе аркадского бога-пастуха	66
14	ПАНОРАМА ДЕЛЬФ С фотографии английской фотокомпании, Афины. См.	68
15	“АПОЛЛОН” ИЗ ОРХОМЕНА , с фотографии оригинала, хранящейся в Национальном музее, английской фотокомпании, Афины. См. стр. 69 и 70	70

16	“АПОЛЛОН” Из ТЕНЕА, Коллотипная пластина , с фотографии Ханфштенгля оригинала в Мюнхене,	72
17	“АПОЛЛОН из СТРЭНДЖФОРДА”, С фотографии оригинала Mansell & Co. в зале архаики Британского музея. Эти три фигуры могут указывать на прогресс ранней греческой скульптуры в изображении человеческой фигуры. Нет особых оснований называть эти фигуры “Аполлонами”. С таким же успехом это могут быть люди-атлеты	74
18	ГОЛОВА АПОЛЛОНА С ЗАПАДНОГО ФРОНТОНА ОЛИМПЦИИ Коллотипная табличка с фотографией мрамора в Олимпии, сделанной английской фотокомпанией, Афины. См.	76
19	“ДИСКОБОЛ” МИРОНА (рис. 1) - По фотографии Андерсона, сделанной с оригинала, находящегося в частной коллекции в Риме. На копии, хранящейся в Британском музее (рисунок приведен на стр. 80), голова изображена в обратном порядке. См.	80
19	, “ДИАДУМЕН” ПОЛИКЛЕТА (рис. 2) С фотографии издательства Mansell & Co. Он повязывает гирлянду победителя себе на лоб. Это, пожалуй, лучшая из нескольких копий, сделанных со знаменитого оригинала, но	

	она сильно отреставрирована и, вероятно, является не очень точной копией	
20	“ДОРИФОРА” ПОЛИКЛИТА (рис. 1)	82
20	С фотографии Броги “АПОКСИОМЕНА” (рис. 2)	
	С фотографии Алинари. <i>См. стр. 81.</i> Недавняя находка Агиаса (Стр. 51) доказала, что это не настоящий образец работы Лисиппа	
21	ВОЗНИЧИЙ: БРОНЗА	84
	С фотографии Mansell & Co., сделанной с оригинала в Дельфах, как предполагалось ранее. <i>См. стр. 81</i>	
22	ВИД СОВРЕМЕННОЙ СПАРТЫ С ГОРОЙ ТАЙГЕТ	86
23	С фотографии английской фотокомпании, Афины. <i>См. , Коллотипная табличка "</i> <i>, с фотографии Андерсона. Представляет участницу женского забега пешком, который проходил в Олимпии в честь Геры. Оригинал, должно быть, был выполнен в бронзе, но эта мраморная копия воспроизводит его архаичный характер. См. стр. 83</i>	"
24	АФИНА ПРОМАХОС Из ПАНАФИНЕЙСКОЙ АМФОРЫ <i>, взятой из вазы В 140 во Втором вазовом зале Британского музея (случай I). См. стр. 95 и 112</i>	94
25	ДЕМЕТРА, ПЕРСЕФОНА И ТРИПТОЛЕМЕЙ (ЭЛЕВСИНСКИЙ РЕЛЬЕФ) С фотографии оригинального	98

	мраморного рельефа в Афинах, сделанной английской фотокомпанией. См. с. 98	
26	АФИНА ПОЛИАС С фотографии оригинальной бронзовой статуэтки в музее Акрополя, сделанной английской фотокомпанией, Афины. См. стр. 102	102
27	КОРИНФСКИХ ВАЗ Коллотипная табличка, с фотографии оригиналов в Британском музее, Второй вазовый зал, витрина 8, А 1430, и витрина 16, В 29. Стиль этих ваз можно отличить по фиолетовым тонам окраски и восточному характеру рисунка. Смотрите вазную табличку, рис. 1, и стр. 105	104
28	СТАРЫЙ ХРАМ В КОРИНФЕ По фотографии английской фотокомпании, Афины. См.	108
29	СТЕЛА АРИСТИОНА (рис. 1) , По фотографии оригинала, сделанной английской фотокомпанией, Афины, в Национальном музее. См. на стр. 114	114
29	ГАРМОДИЯ (рис. 2) С фотографии оригинала, сделанной Алинари в музее Неаполя. См. стр. 116	
30	СКУЛЬПТУРНАЯ КОЛОННА ИЗ СТАРОГО ХРАМА АРТЕМИДЫ В ЭФЕСЕ (рис. 1) По фотографии оригинала, сделанной Mansell & Co. в Британском музее. Он был посвящен, как видно из надписи, царем Крезом. См. стр. 123	122

30	РЕЛЬЕФ ИЗ ГРОБНИЦЫ ГАРПИЙ: СЕВЕРНАЯ СТОРОНА (рис. 2)	122
	С фотографии оригинала Mansell & Co. в зале архаики Британского музея. В центре - воин, отдающий свои доспехи Плутону. Справа и слева - Судьбы ("Гарпии"), уносящие души умерших. В правом углу изображена женщина в трауре. <i>См. стр. 123</i>	
31	РЕЛЬЕФЫ С "ТРОНА ЛЮДОВИЗИ"	124
	По фотографиям Алинари оригиналов в Риме. <i>См. стр. 124</i>	
32	РЕЛЬЕФЫ С "ТРОНА ЛЮДОВИЗИ"	126
	Коллотипной пластины, с фотографий оригиналов, хранящихся в Музее изящных искусств, Бостон, Массачусетс, США, с любезного разрешения директора. <i>См. стр. 125</i>	
33	ХРАМ ПОСЕЙДОНА В ПЕСТО	128
	С фотографии. <i>См. на стр. 128</i>	
34	МЕТОПЫ ИЗ ХРАМА ГЕРЫ В СЕЛИНЕ	130
	Персей и Горгона (рис. 1) Гера и Зевс (рис. 2) По фотографиям оригиналов, сделанным Алинари, которые сейчас находятся в музее Палермо. <i>См. стр. 130</i>	
35	РАННИХ МОНЕТ СИЦИЛИИ И ВЕЛИКОЙ Греции,	132
	Сфотографированных по слепок в Британском музее. <i>См.</i> Случай I, раздел С.	

1. Серебряная Наксосская дидрахма, № 31
,, с изображением головы Диониса, увитой плющом.
Реверс: виноградная гроздь и надпись
2. Серебряная дидрахма из Тарента, № 7,
Реверс: Архаическая голова, ?
Тарас. *Аверс:* Тарас (герой города) верхом на дельфине, ракушка и надпись
3. Серебряная тетрадрахма Катаны, № 25,
Реверс: Крылатая Победа, держащая венок. *Аверс:* Бог реки в виде быка с головой человека, рыба внизу и водоплавающая птица сверху
4. Серебряная тетрадрахма Сиракуз, № 35,
Реверс: Голова Аретузы в окружении дельфинов. *Аверс:* запряженная четверкой лошадей колесница Победы над

36 [МАРАФОНСКОЙ РАВНИНОЙ](#) 134

С фотографии английской фотокомпании, Афины. [См. с. 134](#)

37 [САЛАМИНСКИЙ ЗАЛИВ](#) 138

По фотографии английской фотокомпании, Афины. [См.](#)

38 [ПЕРИКЛ](#) ,

С фотографии оригинала, сделанной Mansell & Co. в Британском и Ко, в музее имени Кресиласа. [См. стр. 142](#)

39 [ФРОНТОННЫХ ФИГУР ИЗ ХРАМА АФАЙИ В ЭГИНЕ](#) 142

По фотографиям Брукмана оригиналов из Мюнхена. [См.](#)

	стр. 147	
40	СКУЛЬПТУР ВОСТОЧНОГО ФРОНТОНА ПАРФЕНОНА	146
	По фотографиям Mansell & Co. оригиналов в зале Элджина, Британский музей. <i>См. на стр.</i> 151	
41	ФРАГМЕНТЫ ВОСТОЧНОГО ФРИЗА ПАРФЕНОНА, на которые ссылается	148
	рисунков, 30-48 в Британском музее. <i>См. на стр. 154</i>	
42	ФРАГМЕНТЫ ЗАПАДНОГО ФРИЗА ПАРФЕНОНА, на которые ссылается	150
	рисунков, 2-3, 16-19 и 28-30 в Британском музее. По фотографиям Mansell & Co. оригиналов и слепков, хранящимся в Британском музее. (Некоторые мраморные скульптуры до сих пор находятся <i>на месте</i> в Афинах.) <i>См.</i>	
43	ЩИТ “СТРЭНДЖФОРД” (рис. 1)	152
	. С фотографии мраморной копии в Британском музее, сделанной компанией Mansell & Co. Говорят, что древнегреческий образ, поражающий амазонку, является портретом самого Фидия. <i>См.</i>	
43	РЕКОНСТРУКЦИЯ АКРОПОЛЯ (рис. 2)С	
	, по рисунку Р. Бона из Британского музея. <i>См.</i>	
44	ЛЕМНИЙСКАЯ АФИНА	154
	, с фотографии мрамора Тамме из Дрездена, выполненной Фуртвенглером с головы в Болонье. <i>См.</i>	

45	ГОЛОВА ЛЕМНИЙСКОЙ АФИНЫ	156
	, Коллотипная табличка, с фотографии мрамора, сделанной Алинари в Болонье. <i>См. стр. 158</i>	
46	СТАТУЯ МАРСИЯ В ЧЕСТЬ МАЙРОНА	158
	С фотографии Mansell & Co. оригинальной бронзовой статуи в Британском музее в честь Майрона. <i>См.</i>	
47	ПОБЕДА ПЕОНИЯ (рис. 1)	162
	С фотографии оригинала в Олимпии	
47	, “СПИНАРИО” (рис. 2)	
	С фотографии оригинала во Флоренции. <i>См. с. 161</i>	
48	ПАРФЕНОН: СОВРЕМЕННЫЙ ВИД С СЕВЕРО-ЗАПАДА	164
	По фотографии английской фотокомпании, Афины. <i>См. с. 163</i>	
49	ХРАМ НИКИ АПТЕРОС (БЕСКРЫЛОЙ ПОБЕДЫ) (рис. 1)	166
	По фотографии английской фотокомпании, Афины. <i>См.</i>	
49	КАРИАТИДНОЕ КРЫЛЬЦО ЭРЕХТЕЯ (рис. 2)	166
	, По фотографии. <i>См. стр. 166</i>	
50	“ТЕЗЕУМ”, АФИНЫ	168
	По фотографии английской фотокомпании, Афины. Действительно храм Гефеста. <i>Видишь с. 167</i>	
51	“АГИАС” ЛИСИППА	170
	С фотографии английской фотокомпании, Афины. Мраморная статуя, недавно обнаруженная в Дельфах. Ее можно идентифицировать как	

	современную копию бронзовой работы Лисиппа, и это наше единственное достоверное свидетельство его стиля. См. стр. 169 и 218	
52	ХРАМ АПОЛЛОНА В ФИГАЛЕЕ (БАССЕЙ)	172
	По фотографии английской фотокомпании, Афины. См. стр. 169	
53	ФРАГМЕНТЫ ФРИГЕЙСКОГО ФРИЗА	174
	По фотографиям Mansell & Co. оригиналов, которые сейчас находятся в Британском музее (Фигалейский зал). См. стр. 170	
54	ТЕАТР В ЭПИДАВРЕ	176
	По фотографии английской фотокомпании, Афины. Лучший сохранившийся образец греческого театра. В центре находится круглый <i>оркестр</i> , где танцевал и пел хор, а за ним - остатки сценических построек. В центре оркестра находился алтарь Диониса. Этот театр был построен примерно в середине четвертого века до нашей эры. Зрительный зал вмещал около 15 000 зрителей. См. стр. 175	
55	ПАМЯТНИК ЛИСИКРАТУ В АФИНАХ	182
	С фотографии Ромайдеса. См. стр. 182. Весь памятник послужит основой для призового треножника,	
56	КРАСНОФИГУРНОЙ ВАЗЫ И КОЛЛОТИПНОЙ ПЛАСТИНЫ PYXIS , из оригиналов в Британском музее, Третий вазовый зал:	184

Ваза E 155; Pyxis D 11 (см. иллюстрацию, стр. 45). Ваза представляет собой изящный кантарос с двумя ручками конца пятого века. Фон окрашен в черный цвет, а фигуры оставлены красными. См. с. 191

На Пиксисе (шкатулке для драгоценностей леди) изображена свадебная процессия, нарисованная красками на светлом фоне. Невесту ведут к семейному алтарю, перед ней играет на флейте. См. с. 191

57 БЕЛЫЕ ПОЛИХРОМНЫЕ ВАЗЫ (LECYTHI) 186

Коллотипная табличка, из оригиналов в Британском музее, Третья вазовая комната, вазы D 54 и D 60 в футляре F. Сосуды, специально окрашенные для содержания масла, используемого на похоронах, и захороненные в гробнице. Юноша в траурном одеянии держит в руках банку с маслом и смотрит на памятник своему покойному другу. Сравните вазную пластину, рис. 4, и смотрите стр. 191

58 ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА [НАДГРОБНЫЙ РЕЛЬЕФ] 188

, с фотографии оригинала, сделанной Алинари в Риме. См.

59 СКОРБЯЩАЯ АФИНА ,

, С фотографии оригинала, сделанной английской фотокомпанией в афинском музее. См.

60 ДВА НАДГРОБНЫХ РЕЛЬЕФА ,

	Из КЕРАМЕЙКОСА, АФИНЫ	
	Из фотографий оригиналов в Афинском музее. <i>См. стр. 193</i>	
61	АПОЛЛОН ЗАУРОКТОНОС (ИСТРЕБИТЕЛЬ ЯЩЕРИЦ) (рис. 1)	194
	Коллотипная табличка, с фотографии оригинала, сделанной Андерсоном в Ватикане. <i>См. стр. 217</i>	
61	"КНИДСКАЯ АФРОДИТА" (рис. 2)	
	Коллотипная табличка с фотографией Mansell & Co. <i>См. стр. 214.</i> Эта ватиканская статуя Афродиты никогда не фотографировалась в своей первоначальной наготе, но был сделан слепок, и с него была сделана эта фотография	
62	ГОЛОВЫ ДЕВУШКИ	196
	С фотографии Брукманна оригинала в Мюнхене. <i>См.</i>	
63	МРАМОРНЫЙ ФАВН В ЧЕСТЬ ПРАКСИТЕЛЯ (рис. 1)	198
	- По фотографии копии, сделанной Андерсоном в Капитолийской галерее, Рим. <i>См. на с. 214</i>	
63	"ЭРОС ЦЕНТОЦЕЛЛЫ" (рис. 2)	
	С фотографии копии, сделанной Андерсоном в Ватикане. <i>См. с. 215</i>	
64	ГОЛОВА ЮНОШИ (рис. 1)	202
	С фотографии Броги из бронзы в Неаполе. <i>См. стр. 215</i>	
64	КРЫЛАТАЯ ГОЛОВА ГИПНОСА (СПЯЩЕГО) (рис. 2)С	
	фотографии Mansell & Co. оригинала из бронзы в Британском музее. <i>См.</i>	

65	ГЕРМЕС ПРАКСИТЕЛЯ , С фотографии оригинала в Олимпии, сделанной английской фотокомпанией, Афины. См.	204
66	ГЕРМЕС ПРАКСИТЕЛЯ: ГОЛОВА С фотографии оригинала в Олимпии, сделанной английской фотокомпанией, Афины. См. с. 215	206
67	АПОЛЛОН И МАРСИЙ С фотографии рельефа с Мантинеи, сделанной Английской фотокомпанией, Афины. См. стр. 216	208
68	МЕЛЕАГР: ГОЛОВА ПОСЛЕ СКОПАСА С фотографии мрамора, сделанной Андерсоном в Риме. Голова, которая не принадлежит телу, была признана представляющей стиль Скопаса (четвертый век до н.э.). См. на стр. 218	210
69	"ДЕМЕТРА КНИДОССКАЯ" По фотографии мрамора Mansell & Co. в Британском музее. См. стр. 219	212
70	СКУЛЬПТУРНАЯ КОЛОННА ИЗ ХРАМА АРТЕМИДЫ В ЭФЕСЕ По фотографии оригинала, сделанной Mansell & Co. в Британском музее. Это принадлежало новому храму, построенному после пожара 356 г. до н.э. См. стр. 219	214
71	, на котором ИЗОБРАЖЕН ЮНОША. ОТ CERIGO С фотографии бронзовой статуи в Афинах, сделанной английской фотокомпанией.	216

	См.	
72	“ЛЮДОВИЗИ” АРЕСА	218
	" С фотографии мрамора, сделанной Андерсоном в Риме. Купидон между ног бога, безусловно, является более поздним дополнением. См. стр. 220	
73	МЕДУЗА “РОНДАНИНИ” (рис. 1)	220
	С фотографии Брукманна мраморной копии в Мюнхене. Оригинал был выполнен в бронзе. См. стр. 220	
73	, РЕЛЬЕФ ИЗ МАВЗОЛЕЯ (рис. 2)	
	С фотографии оригинала фирмы Mansell & Co. из Британского музея. Изображает битву между греками и амазонками. Смотрите стр. 222	
74	СТАТУЮ МАВСОЛА ИЗ МАВЗОЛЕЯ	222
	Как последнюю. См. стр. 222	
75	НИОБИД	224
	С фотографии Андерсоном недавно обнаруженного оригинала в Риме. См.	
76	, БОКС СПОРТСМЕНОВ. ИЗ ПАНАФИНЕЙСКОЙ АМФОРЫ	226
	, взятой из вазы В 607 в Четвертом вазовом зале Британского музея. На нем выгравировано имя архонта Пифоделоса, указывающее дату 336 г. до н.э. Рисунки выполнены черным, но это пережиток более раннего стиля. См. стр. 224	
77		228
	МОНЕТ ЧЕТВЕРТОГО ВЕКА,	

сфотографированных по
следам в Британском музее.
[См. стр. 225](#)

, Случай III.

1 Золотой статер Родоса,
Аверс 37-го года: Голова бога
Солнца. *Реверс*: Статер из 2-х
афинских золотых роз

,
Аверс: Голова Афины. *Реверс*:
Сова и оливковая ветвь

3 Золотых Статера
Пантикапея, В 2
Аверс: Голова Пана. *Реверс*:
Грифон и ячмень (последний
символизирует торговлю
зерном)

4 Серебряные Тетрадрахмы
Тенедоса,
аверс достоинством 20
фунтов: голова в форме яна.
Реверс: Двойной топор и
пчела в венке

5 сицилийских декадрахм, С
29

Аверс: Голова Аретузы или
Персефоны. *Реверс*:
Колесница, запряженная
четверкой лошадей, с
изображением Победы вверху
и доспехов внизу

ГРЕЧЕСКИХ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ 230

С фотографий Mansell & Co. из
коллекции gems в Британском
музее. [См. стр. 225](#)

1 Метатель Квота или Гиацинт;
вероятно, четвертый век до
н.э.

2 Раненый воин

3 Арфист (сравните стр. 32).
Прекрасная работа пятого

	века, сердоликовая глубокая печать	
	4 Пьяный сатир, агатовый скарабей	
	5 Гомеровская сцена. ? пятый век	
	6 Идеальная голова в одеянии Геракла; поздняя работа	
79	КОРИНФСКОЙ КАПИТЕЛИ	232
	С фотографии оригиналов Mansell & Co. из Британского музея. <i>См. стр. 226</i>	
80	ПЯТИ СТАТУЭТОК ТАНАГРЫ	234
	По фотографиям Mansell & Co. оригиналов из Британского музея. <i>См. стр. 227</i>	
81	БЮСТ “СОКРАТА”	236
	С фотографии Mansell & Co. Не подлинный портрет, а более поздняя попытка передать суровую внешность мудреца, которая часто является предметом юмористических намёков у Платона и в других местах. <i>См. стр. 231</i>	
82	АЛЕКСАНДР На ИССЕ.	242
	Коллотипная табличка с фотографией Броги мозаики в Помпеях. <i>См. с. 245</i>	
83	“САРКОФАГ АЛЕКСАНДРА” Из СИДОНА: ОХОТА НА ЛЬВОВ	244
	По фотографии Себана и Жуайе с оригинала в Константинополе. <i>См.</i>	
84	ЧАСТЬ ВОСТОЧНОГО ФРИЗА САРКОФАГА АЛЕКСАНДРА	246
	Воспроизведено в цвете с иллюстрации XXXV в книге “Королевское королевство в Сидоне” М. О. ., Хамди Бей и Т. Райнах, с любезного разрешения м. Эрнеста Леру,	

	Париж. <i>См.</i>	
85	АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ , , С фотографии бюста Mansell & Co. в Британском музее. <i>См.</i>	
86	РЕЛЬЕФ ИЗ ПЕРГАМА года, с фотографии оригинала, сделанной Титцент-Талером в Берлине. Это искусная реконструкция великого алтаря Зевса, воздвигнутого Атталидами примерно в начале второго века до нашей эры. Сюжет повествует о битве между богами и гигантами. <i>См. с. 251</i>	250
87	АФРОДИТА МЕЛОССКАЯ (ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ) По фотографии мрамора, сделанной Алиари в Лувре. <i>См. стр. 251</i>	252
88	"ПОБЕДА САМОФРАКИИ" По фотографии мрамора, сделанной Алиари в Лувре. <i>См. стр. 252</i>	254
89	СТАТУЯ АРИСТОТЕЛЯ С фотографии оригинала, сделанной Андерсоном в Палаццо Спада, Рим. Идеальная концепция философа, а не подлинный портрет. <i>См. стр. 253</i>	256
90	ПОРТЛЕНДСКАЯ ВАЗА С фотографии оригинала, сделанной Mansell & Co. в Британском музее. Никакой определенной интерпретации этих цифр сделано не было. <i>См. стр. 263</i>	262
91	БЫК ФАРНЕЗЕ С фотографии оригинала, сделанной Броги в Неаполе. Показано, как Зет и Амфион	264

наказан мачехой, dirce до:
 дегенерат работы двух
 скульпторов Родосской школы
 в первом или втором веке до н.
 э. [см. стр. 265](#)

[молящийся мальчик](#) 266

от фотографии Мэнселл & ко.
 поданных в Британском музее.
 Оригинальная бронза в
 Берлине. [Видеть с. 220](#)

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

Содержание

	СТРАНИЦА
ТАБЛИЧКИ С КРИТСКИМ ЛИНЕЙНЫМ ПИСЬМОМ, ИЗ КНОССОСА,	13
Из ежегодника британской школы в Афинах, vi. пластина ii	
ЧЕРНАЯ ВАЗА, С КИПРА,	18
Британский музей, Первый вазовый зал, корпус 7, С 81	
ПЛАН НЕОЛИТИЧЕСКОГО ДОМА,	18
ТЕРРАКОТОВАЯ ФИГУРКА, Из ПЕТСОФЫ,	20
Из ежегодника Британской академии наук, ix. пластина x	
ТЕРРАКОТОВЫЙ ИДОЛ, Из ТРОИ,	20
Британский музей, терракотовый зал, корпус 1, ТЕРРАКОТА 38	
ПО ОБЕТУ, Из ПЕТСОФЫ,	21
Из Ежегодного собрания Б.С.А., ix. тарелка viii	
КУБОК КАМАРЕСА,	22
Из ежегодного собрания Б.С.А., ix. стр. 305	
БАНКА КАМАРЕСА С “ДЫРЧАТЫМ ГОРЛЫШКОМ”,	22
Из ежегодного Бакалавриата, ix. стр. 306	
КРИТСКИЙ НАПОЛНИТЕЛЬ	,
Из Ежегодного собрания Б.С.А., ix. стр. 311	

КАРАКАТИЦА КИЛИКС	25
Британский музей, Первый вазовый зал, витрина 19	
ОТТИСК ГЛИНЯНОЙ ПЕЧАТИ: БОКСЕР	25
Из Ежегодного собрания Б.С.А., ix. стр. 56	
ЦИТАДЕЛЬ ТИРИНФА	27
После реконструкции Шлимана; из его “Тиринфа”, с любезного разрешения мистера Джона Мюррея,	
ГРОБНИЦА УЛЬЯ: РАЗДЕЛ	29
КРИТСКИЙ КУБОК ДЕГЕНЕРАТИВНЫЙ СТИЛЬ	31
Из Ежегодника Бакалавриата, ix. стр. 318	
ОТТИСК ГЛИНЯНОЙ ПЕЧАТИ, КРЕСТООБРАЗНЫЙ СИМВОЛ	34
Из ежегодника Бакалавриата, ix. стр. 90	
МИКЕНСКАЯ СТЕЛА ВОИНА	37
Из книги Риджуэя “Ранняя эпоха Греции”, i. стр. 314, с любезного разрешения издательства Кембриджского университета. Раннее изображение оружия и одежды северных захватчиков	
СВАДЕБНАЯ ПРОЦЕССИЯ	45
Из пиксиса в Британском музее, Третья комната с вазами, витрина C, D 11 (см. Табличку 56)	
СИДЯЩАЯ СТАТУА ИЗ БРАНХИДЫ	55
Британский музей, зал архаической скульптуры, № 9	
ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ВАЗА	56
Британский музей, Первая комната с вазами, витрина 34, № 362	
МОНЕТА ИЗ КРОТОНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТРЕНОЖНИКА	63
Британский музей, Зал греческой и римской жизни, III. 19	
КОРАБЛЬ ОДИССЕЯ	64
Из вазы в Британском музее, Третий вазовый зал, корпус G, E 440	
ЛИРА И КИФАРА	68
Из ваз и т.д.	

“ДИСКОБОЛ” МИРОНА	80
Эскизный рисунок статуи в Британском музее	
КОРИНФСКАЯ МОНЕТА	105
Британский музей, Зал греческой и римской жизни, II. В 25. Аверс: Голова Афины в коринфском шлеме. Реверс: Пегас	
ГРЕЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА	107
Схема, иллюстрирующая дорический и ионический стили	
МОНЕТА ФАНЕСА	123
Британский музей, Зал греческой и римской жизни, I. А 7	
ОСТРАКОН ФЕМИСТОКЛА	141
МОНЕТА ЭЛИДЫ: ГОЛОВА ЗЕВСА	148
Британский музей, Зал греческой и римской жизни, III. В 33	
МОНЕТА ФИЛИППА II. МАКЕДОНСКИЙ: ГОЛОВА ЗЕВСА	148
Британский музей, как указано выше, III. В 18	
ЭРЕХТЕУМ: СОВРЕМЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ	166
ТЕАТРАЛЬНЫХ ФИГУР, КОМИЧЕСКИХ И ТРАГИЧЕСКИХ	175
Из статуэток в Британском музее	
МОНЕТА ФРАКИИ: АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ	246
Британский музей, Зал греческой и римской жизни, IV. В 20. Изображение Александра в образе бога с рогами Амона	
ГРУППА ЛАОКООНА	264
Взято с фотографии оригинала из Рима	
ПОЗДНЕГРЕЧЕСКАЯ ВАЗОПИСЬ	266
Британский музей, зал ваз, IV. Дело 52, F 308	

Введение

Содержание

αἱ δὲ τεαῖ ξώουσιν ἀηδόνες ἦσιν ὁ πάντων
ἄρπακτὴρ Ἄϊδης οὐκ ἐπὶ χεῖρα βαλεῖ
Callimachus.

“Все еще звучат твои приятные голоса, твои соловьи, бодрствуй,
Ибо Смерть забирает все, но их он не может забрать”.

Эллинизм

Содержание

Слова "РИС" и "греческий" означают разные вещи для разных людей. Для обывателя, если он существует, они олицетворяют нечто вошедшее в поговорку далекое и неясное, такое же мертвое, как королева Анна, такое же тяжелое, как Британский музей. Среднему выпускнику высшего образования в Англии они напоминают те потрепанные учебники и грамматики, которые он с большим облегчением отложил в сторону, когда закончил школу; они возвращают ему странно тесную атмосферу классического класса. Историк, конечно, сообщит нам, что матерью и кормилицей всей западной цивилизации является Греция, и что, если мы ничего не знаем о ней, наши знания о прошлом должны быть построены на песке. Это правда: только никого особо не волнует, что говорят историки, потому что они имеют дело с прошлым, а прошлое мертво и отвратительно. Некоторым культурным людям, которые читали Суинберна (но не Платона), представление о греках представляет мир счастливых язычников, детей природы, без каких-либо утомительных представлений о морали или самоконтроле, иногда создающих красивые стихи и статуи, но обычно греющихся на солнце без особой одежды. Есть также бесчисленное множество прилежных изучающих Библию, которые помнят, что сказал святой Павел о тех греках, которые считали Крест глупостью, и о тех афинянах, которые всегда хотели услышать что-то новое. Святой Павел забыл, что "Крест" был типичным парадоксом стоиков. Кроме того, есть огромное количество людей, которые не делают различия между "греческим" и "классическим". Под "классикой" они понимают определенные тиранические условности и высокопарное жеманство, против которых жаждет восстать каждая свободомыслящая душа. Они выделяют классический элемент в Мильтоне и Китсе как ответственный за все скучное, надуманное и неестественное. Классицизм отталкивает многих людей с прекрасным вкусом, и греческое искусство склонно подвергаться такому же осуждению. Только в последнем поколении ученые смогли отличить истинный греческий стиль от ложного тумана классицизма, который его окружает. До тех пор всем приходилось смотреть на греков сквозь римские и ренессансные очки, путая Палладу с Минервой и думая о греческом искусстве, представленном Аполлоном Бельведерским и Лаокооном. Теперь мы можем, благодаря трудам ученых и археологов, увидеть греков такими, какими они были: совершенно прямыми, простыми, естественными и разумными, такими же антагонистами классицизма, как сами Мане и Дебюсси.

Наконец, есть несколько пожилых людей, которые пережили атмосферу "классики" и все же лелеют идею Греции как чего-то почти святого в ее огромной силе вдохновения. Это те люди,

которые на самом деле радуются, когда в египетской мусорной куче находят фрагмент Менандра или когда рыбак, ловящий губки у мыса Матапан, обнаруживает запутавшуюся в его сети три четверти бронзового идола. И не все они также школьные учителя. Некоторые из них тратят свое время и деньги на то, чтобы копать землю Греции под палящим средиземноморским солнцем. Некоторые из них бродят по аукционным залам и превращают осколок керамики или мраморную голову без носа в фигуры, которые кажутся совершенно абсурдными, когда смотришь на поношенную одежду участников торгов. Они говорят о Греции так, словно она находится на той же широте, что и небеса, а не Неаполь. Самое странное в них то, что, хотя они явно чувствуют, что любовь к древней Греции пылает в их сердцах подобно пламени, они находят свои идеи на этот счет совершенно непередаваемыми. Будем надеяться, что они мирно закончат свои дни в уединенных домах с классическими фасадами, таких как Вифлеемская больница.

Признавая отчасти эту слабость, моя цель здесь попытаться пролить свежий свет на секрет величия этого народа и взглянуть на греков не как на исчезнувших производителей антикварных диковинок, но, если смогу, как смотрел на них Китс, веря в то, что он сказал о Красоте, что

“Это никогда не
Превратится в ничто, но все же сохранит для нас
тихую беседку и сон,
полный сладких сновидений, здоровья и спокойного дыхания”.

Этого нельзя сделать, изучая только их историю. Их история, должно быть, полна сражений, в которых они были лишь умеренно велики, и мелких ссор, к которым они были неумеренно склонны. Необходимо учитывать их литературу, которая представляет наибольшую часть разнообразного совершенства из всех литератур в мире. Но поскольку она может дойти до нас только через водянистый посредник перевода, мы должны дополнить ее изучением также их статуй и храмов, их монет, ваз и картин. Но даже этого будет недостаточно для людей, которые не являются художниками, потому что разумная обывательская часть мира знает, как знали греки, что человек может рисовать, играть на скрипке и быть негодяем. Поэтому мы должны также взглянуть на их законы и правительства, на их церемонии и развлечения, на их философию и религию, чтобы понять, знали ли они, как жить как джентльмены и свободные люди. Если мы сможем держать глаза открытыми на все эти стороны их деятельности и наблюдать за ними в зародыше, мы должны приблизиться к пониманию их силы как живого источника вдохновения для художников и мыслителей. Любители классики очень склонны напоминать нам о Ренессансе как о свидетельстве силы греческой мысли пробуждать и вдохновлять умы людей. Исторически они правы, ибо это факт, который следует подчеркнуть. Но когда они продолжают утверждать, что если мы забудем классику, то нам самим понадобится новое Возрождение, они делают пророчество, которое кажется мне очень сомнительным. Я верю, что наше искусство и литература к этому времени впитали и ассимилировали то, чему могла научить Греция, и что наши корни настолько переплетены с почвой греческой культуры, что мы никогда не сможем утратить ее вкус, пока читаются книги и рисуются картины. На самом деле мы живем за счет наследия Греции и можем, если пожелаем, забыть о завещательнице.

Мои претензии на изучение эллинизма не были бы основаны на истории. Я бы настаивал на необходимости постоянного обращения к какому-то устоявшемуся канону в вопросах вкуса, к некоему стандарту прекрасного, который не подлежит сомнению или критике; тем более что мы живем в нетерпеливые, беспокойные времена постоянных экспериментов и смены моды. Какой бы ни была философская основа эстетики, нельзя отрицать, что большая часть нашего представления о красоте основывается на привычке. Эллада предоставляет тысячи предметов, которые семьдесят пять поколений людей согласились назвать прекрасными и которые ни один человек за пределами сумасшедшего дома никогда не считал уродливыми. Правильное использование настоящей классики состоит не в том, чтобы рассматривать ее как фетиш, которому нужно рабски поклоняться, подобно тому, как французские драматурги поклонялись воображаемому единству Аристотеля, а в том, чтобы использовать ее в качестве ориентира в перекрестных течениях моды. По ним вы можете отличить постоянное и существенное от показного и захватывающего.

То, что греческая работа особенно подходит для этой цели, отчасти, без сомнения, объясняется тем, что прошли столетия, но отчасти также и присущими ей качествами. Во-первых, все лучшие греческие работы были выполнены не в угоду частным вкусам, а в серьезном религиозном духе, в честь бога города; это не позволяет им быть тривиальными или надуманными. Во-вторых, это не романтично, и это делает его очень желанным противовесом от современной экстравагантности. В-третьих, она идеалистична; это придает ей силу и постоянство, которых обычно не хватает вещам, созданным только для сиюминутного удовольствия. При всех этих высоких достоинствах она могла бы оставаться очень скучной, если бы не обладала очарованием и грацией совершенно бесстрашной юности, служащей религии, которая в значительной степени заключалась в здоровье и красоте.

Земля и ее люди

Содержание

Взглянув на физическую карту Греции, вы поймете, что это за страна, которая является объектом нашего изображения. Вы видите его длинную и сложную береговую линию, замысловатую систему скалистых холмов и прерывистые цепочки островов, которые они выбрасывают в море во всех направлениях. На карте он напоминает Шотландию или Норвегию. Он висит, как драгоценный камень на подвеске, от юга Европы до Средиземного моря. Подобно родственным полуостровам Италии и Испании, к северу от него расположены высокие горы; но Балканы, в отличие от Альп и Пиренеев, не представляют собой отвесного вала против захватчиков с Севера. Напротив, главная ось холмов лежит в том же направлении, что и сам полуостров, с уклоном на северо-запад и юго-восток, так что по обоим берегам проходят древние торговые пути в страну; но с обеих сторон им приходится пересекать перевалы, которые дают неплохие шансы на легкую оборону.

Историк, поумневший после произошедшего события, приходит к выводу, что история такой страны должна лежать на берегу моря. Это защищенное, гостеприимное море с цепочками островов, похожих на ступени, приглашающие робких мореплавателей древности рискнуть пересечь его. Вы можете плыть от Греции до Азии, никогда не теряя из виду землю. На западе это не так. Греция и Италия поворачиваются друг к другу спиной. Их соседние побережья

лишены гаваней. Таким образом, Греция смотрит на восток, а Италия - на запад, как в истории, так и в географии. Естественное родство Греции с Малой Азией и Египтом.

Выходящий в море народ будет авантурным народом как в мыслях, так и в действиях. Сами греки полностью осознавали это. Когда Фемистокл призывал своих соотечественников-афинян построить большой флот и всерьез выйти в море, консерваторы выступили против, опасаясь политического влияния “морской черни” с радикальными и нечестивыми наклонностями. Типом твердого консерватора был тяжеловооруженный сухопутный солдат. Таким образом, в истории Греции внутренний город Спарта олицетворяет традиции, дисциплину и стабильность, в то время как афинские моряки - прогрессивные, беспокойные, пытливые идеалисты.

Это море также будет способствовать торговле, если грекам будет что продавать. Не похоже, что у них будет много. Несколько долин и небольших равнин достаточно плодородны, чтобы прокормить своих хозяев, но в том, что касается кукурузы и продуктов питания, Греции придется быть импортером, а не экспортером. В истории мы находим серьезные проблемы, связанные с морскими путями, по которым кукуруза доставлялась из Черного моря. Вино и оливковое масло - единственные товары, которые Природа позволила Греции экспортировать. Что касается полезных ископаемых, Афины богаты своими серебряными рудниками, а золото можно найти во Фракии под горой Пангей. Но если Греция хочет разбогатеть, то только благодаря мастерству ее несравненных мастеров и щитам и копьям ее гоплитов.^[1]

Карта поможет объяснить еще одну особенность ее истории. Хотя на первый взгляд полуостров выглядит так, как будто он обладает географическим единством, однако при повторном взгляде становится ясно, что природа разделила его на бесчисленные небольшие равнины и долины, отделенные друг от друга морем и горами. Такая страна, какую мы видим в Уэльсе, Швейцарии и Шотландии, поощряет правление кланов и кантонов, каждый из которых завидует своему соседу за холмом и каждый лелеет яростный местный патриотизм. Более того, природа снабдила каждую равнину своей естественной цитаделью. Греция и Италия богаты этими самодельными крепостями. Путешественнику по Италии знакомы невысокие холмы или отроги гор, каждый из которых увенчан белыми стенами какого-нибудь древнего города. Если когда-либо география создавала

РИС. 1. АФИНСКИЙ АКРОПОЛЬ

РИС. 2. ЦИТАДЕЛЬ КОРИНФА

Табличка I

English Photo Co., Афины

история, это было место, где те холмы с плоскими вершинами и обрывистыми склонами, такие как Афинский Акрополь и Акрокоринф,^[2] пригласили человека построить свою крепость и святилище на их вершине. Затем, надежно расположившись на вершине холма и окруженный своей стеной, город смог развивать свою своеобразную цивилизацию даже в смутные времена, в то время как остальной мир все еще был погружен в войну и варварство. Фермер проводит лето на равнине внизу, чтобы посеять и собрать урожай, моряк выходит из гавани, солдат отправляется в летнюю кампанию, но город - это их дом, их убежище и средоточие их патриотизма. Мы не должны переоценивать важность этой естественной причины. Даже равнинные районы Греции, такие как Фессалия и Беотия, никогда не были едины. Там тоже царили цитадель и город-государство. География редко бывает чем-то большим, чем вспомогательной причиной, формирующей исторические тенденции и помогающей им, но в данном случае невозможно сопротивляться убеждению, что в Италии и Греции вершина холма привела к возникновению стены, а стена позволила цивилизации города-государства подняться и процветать намного раньше остальной Европы.

В Греции прекрасный климат. Летнее солнце жаркое, но утром и вечером с моря дует освежающий бриз. Среднее количество дождей небольшое и регулярное, снега в долинах почти нет. Отсюда особая сухая яркость атмосферы, которая, кажется, уничтожает расстояние. Путешественника поражает небольшой масштаб греческой географии. Например, Коринфский залив, который, по его воспоминаниям, был ареной знаменитых морских сражений в истории, выглядит так, словно через него можно бросить камень. Из окна вашего отеля в Афинах вы можете увидеть вершины холмов в самом сердце Пелопоннеса. Несомненно, эта ясность атмосферы способствовала использованию цвета и пластических искусств для наружного оформления. Даже сегодня перед глазами моряков, находящихся в пяти милях отсюда, в Пейрее, предстают разрушенные здания афинской цитадели. Время придало их мраморным колоннам насыщенный янтарный оттенок, но в старые времена они сверкали красками и позолотой. В этом сияющем морском воздухе древние греки научились ясно видеть вещи. Они могли жить так, как живут греки до сих пор, простой, умеренной жизнью. Вино и хлеб с оливками или маринованной рыбой удовлетворяли потребности организма самых богатых людей. Климат располагал к жизни на свежем воздухе, как это происходит и сейчас. Сегодня, как и в старину, грек любит встречаться со своими соседями на рыночной площади и вечно беседовать обо всем, что есть на небе и на земле. Хотя кровь Греции претерпела множество примесей, и хотя Греции пришлось подчиниться векам завоеваний со стороны многих хозяев и угнетателей, ее расовый характер в некоторых отношениях мало изменился. Грек по-прежнему неугомонен, разговорчив, утончен и любознателен, стремится к свободе без чувства дисциплины, которого требует свобода, презирает незнакомцев и ревнует к ближнему. В коммерции, когда у него есть такая возможность, его быстрый и гибкий ум по-прежнему делает его принцем трейдеров. Честность и стабильность всегда были качествами, которыми он скорее восхищался, чем применял на практике. Мужество, национальная гордость, интеллектуальная сдержанность и творческий гений, несомненно, пострадали под турецким владычеством. Но друзья современной Греции верят, что несколько поколений свободы восстановят эти качества, которые были столь выдающимися в ее предках, и что ее будущее может соперничать с прошлым. Возможно, не на поле деятельности. Восхваляя художественный и интеллектуальный гений Греции, мы никогда не должны забывать, что она одна остановила волну персидских завоеваний при Марафоне и Саламине или что греческие войска под командованием Александра победоносно прошли половину известного мира. Но ее величие заключается не в

поле боя. Она выигрывала сражения благодаря превосходной дисциплине, превосходной стратегии и превосходной броне. Как только ей пришлось встретиться с расой прирожденных солдат, в лице римлян, она легко сдалась. Ее методы ведения боя всегда были в основном оборонительными. Историки часто ошибались, уделяя слишком много внимания ее войнам и сражениям.

Рисунок II. ОЛИМПИА: ДОЛИНА АЛФЕЯ

Алинари

Большим недостатком климата современной Греции является малярия, которая ранней осенью обрушивается на ее равнины и низменности. Отчасти это следствие, а отчасти и причина появления неосушенных и малонаселенных болот, подобных Ботии. В ранней истории Греции такого не должно было быть. В древней Греции, должно быть, было больше сельского хозяйства и больше деревьев, чем в современной. Недавно была выдвинута интересная и остроумная теория, которая позволяет отнести начало распространения малярии в Греции к четвертому веку. Его эффект проявляется в потере энергии, которая начинается в этот период, и в быстром сокращении населения, которое знаменует начало упадка в этом и последующем столетиях. В Италии та же теория получила еще лучшее подтверждение, поскольку римская Кампания, которая сегодня лежит в запустении и охвачена лихорадкой, когда-то была густонаселенными городами и аренной сельскохозяйственной деятельности.

Пейзажи Греции необычайно впечатляют. Среди холмов действительно есть несколько прекрасных лесистых долин,^[3] как и Темпе, но в целом это безлесная местность, и глаз наслаждается, по крайней мере летом, чистой гармонией коричневых холмов с темно-синим морем и небом. Море цвета индиго, почти фиолетовое, и путешественник быстро убеждается в справедливости гомеровского эпитета “винно-темное”. Эти коричневые холмы создают прекрасный фон для игры света и тени. Рассвет и закат окрашивают их в более теплые тона, и равнина Аттики видна “увенчанной фиолетовым” знаменитыми высотами Гиметт, Пентеликус и Парнес. Древний грек мало говорил о пейзажах, но он видел nereиду в каждом пруду, дриаду под каждым дубом и слышал свирель Пана в пещерах своих известняковых холмов. Он поместил хор Муз на горе Геликон и, глядя на заснеженную вершину Олимпа, населил ее спокойными, благожелательными богами.

На этой прекрасной земле жили счастливые и славные люди, культуру которых нам сейчас предстоит изучать. Некоторые модернисты, действительно, пораженные современной манией величия, заявляют, что презирают историю, написанную в столь малом масштабе. Действительно, Афины были по величине маленьким государством. Годовой доход ее маленькой империи составлял около 100 000 фунтов стерлингов. Сомнительно, чтобы в Спарте когда-либо было намного больше десяти тысяч свободных граждан. Следует признать, что в военных вопросах значение, придаваемое историками миниатюрным флотам и карликовым

армиям с до смешного маленьким списком потерь, действительно поражает читателя ощущением несоразмерности. Но для политика особенно поучительно видеть, как его проблемы решаются в небольшом масштабе, когда вопросы сравнительно просты, а результаты отчетливо видны. Задача сочетания свободы с порядком, по сути, одинакова как для государства с десятью тысячами граждан, так и для государства с сорока миллионами. А в области философии и искусства соображения размера нас не затрагивают, разве что заставляют удивляться тому, что эти крошечные государства могут сделать так много.

В значительной степени ключ к пониманию греческого характера мы можем найти в ее любимой пословице “Без излишеств”, в которой выражены ее любимые добродетели *Айдоса* и *Софросуны*, благоговение и сдержанность. “Познай себя” - таков был девиз, начертанный над ее главным святилищем. Познай свои собственные силы и полагайся на них, знай и уважай свои собственные ограничения. Именно такая максима позволила грекам достичь своей цели совершенства даже в сфере искусства, где совершенство, как говорится, невозможно. Они были смелы в исследованиях и экспериментах, пока не находили то, что считали правильным, и, найдя это, следовали ему до конца. Эксцентричность они ненавидели как яд. Хотя они были такими великими создателями, им было наплевать на современный фетиш оригинальности.

В политике они также искали определенную цель и смело шли к ней. Здесь они столкнулись с катастрофическими неудачами, которые полны поучений для нас. Но они достигли, можно сказать, предельных возможностей города-государства. Город-государство, как мы видели, вероятно, развился естественным путем, исходя из физических условий страны. Будучи установленным, оно повлекло за собой определенные последствия. Оно предполагало гораздо более тесные узы общественного объединения, чем любое современное

Рисунок III. ДОЛИНА ТЕМПЕ

территориальное государство. Его граждане ощущали единство и исключительность клуба или школы. На них, естественно, ложилась гораздо большая доля общественных прав и обязанностей. Они смотрели на свой город как на компанию с неограниченной ответственностью, акционером которой был каждый отдельный гражданин. Они ожидали, что их город будет кормить и развлекать их. Они ожидали разделить добычу, когда она совершит завоевания, поскольку были уверены, что разделят последствия, если она потерпит поражение. Каждый полноправный гражданин соответствующего возраста, естественно, был обязан лично сражаться в рядах, и из этой обязанности логически вытекали его права как гражданина. С ним, естественно, нужно консультироваться по вопросам мира и войны, и он должен иметь право голоса во внешней политике. Кроме того, если он хочет быть компетентным солдатом, он должен пройти надлежащее образование и тренировку для этого. В стенах города-государства будет мало уединения; искусство и ремесла будут находиться под общественным покровительством. Неравенство станет невыносимо очевидным.

Но для нас, имперского народа, унаследовавшего обширные и разрозненные владения, которыми так или иначе нужно управлять, главный интерес будет сосредоточен в вопросе о том, как эти города-государства приобрели свои империи и управляли ими. Прежде всего, именно в Афинах и, возможно, только в Риме мы можем искать исторические ответы на великую загадку, разгадкой которой мы пока не можем похвастаться — может ли демократия управлять империей.

Только в истории Греции мы имеем по меньшей мере три примера империй. Афины и Спарта оба продолжали приобретать империю путем союза и гегемонии, Афины были военно-морскими и демократическими, Спарта аристократической и военной. Оба были деспотичны, и оба потерпели катастрофические неудачи по разным причинам. Затем у нас есть карьера Александра Македонского и его недолговечной, но важной империи, карьера, послужившая примером для цезаря и Наполеона, империи, основанной на простых завоеваниях.

Наконец, на том же небольшом полотне мы видим важную фазу вечного и все еще продолжающегося конфликта между Востоком и Западом и их соответствующими цивилизационными привычками. На этих страницах будет рассказано об агрессии и отпоре Востока.

I

ЭГЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Содержание

Vixere fortes ante Agamemnona.
Гораций.

Новая глава истории

Содержание

Несчастье историков в том, что они подвержены нападкам с обеих сторон. С одной стороны, time постоянно добавляет постскрипумы к их “Финалу”, а с другой стороны, археолог постоянно заставляет их рвать и переписывать первые главы. Особенно в греческой истории лопата оказалась могущественнее пера. Сейчас мы уверены только в том, что первая страница любой греческой истории, написанной десять лет назад, должна быть дефектной; мы еще не совсем уверены, что поставить на ее место. Кажется, в любой момент исследователь может обнаружить нечто такое, что изменит нашу самую раннюю хронологию примерно на тысячу лет. В Критском музее хранятся десятки глиняных табличек, исписанных неизвестными письменами, которые только и ждут переводчика, чтобы сбить с толку и просветить всех нас. Сорок лет назад выдающиеся писатели, такие как Гладстон и Фримен, все еще обращались к Гомеру за идеями о первобытном европейце и его цивилизации. Поистине странными были последовавшие за этим результаты. В политике мы должны были верить, что древнейшие греки решали свои дела на публичных собраниях, где старейшины и принцы произносили убедительные речи, а радикализм, хотя и не был чем-то необычным, строго пресекался. Доброжелательная монархия, наследуемая по мужской линии, по мнению сэра Генри Мэна, была формой правления, общей для первобытной Европы и современной Англии. Считалось, что литература началась с тщательно продуманных эпических поэм, написанных гекзаметрами, отличающимися изысканным разнообразием и чрезвычайной тонкостью. Считалось, что первобытная женщина была объектом рыцарского и романтического уважения. Самое странное, что религия в этом первобытном мире включала в себя веселое подтрунивание над антропоморфными богами и богинями. Мы должны были предположить, что европеец начал со смеха над своими богами, а закончил поклонением им.

Табличка с критским линейным шрифтом из Кноссоса

Затем, в семидесятых годах, появился грозный доктор Шлиман, самый эрудированный из саперов, и раскопал холм в Гиссарлыке, чтобы посмотреть, сможет ли он найти кости Гектора и руины Трои. Трою он нашел в изобилии, по крайней мере, пять Троек, одна поверх другой. Он назвал второй снизу город Приамом, а затем пересек его со своими лопатами и кирками, чтобы поискать то, что могло остаться от Агамемнона в Микенах. И действительно, вскоре он потряс ученый мир телеграммой королю Греции, в которой говорилось, что он нашел гробницу Агамемнона. Совершенно очевидно, что он нашел какие-то очень важные вещи - вещи, как мы вскоре увидим, гораздо более интересные и ценные для истории, чем если бы они принадлежали, как думал Шлиман, царю всех греков. Но дело в том, что на долгие годы вперед все землекопы, работавшие на греческой земле, начинали с ложной веры в то, что Гомер был началом всего сущего и что их открытия иллюстрируют Гомера. Теперь мы знаем, что раскопки в Микенах и поэмы Гомера представляют две совершенно разные цивилизации, ни одна из них не является примитивной. Сейчас мы в состоянии отбросить зачатки европейской культуры в бассейне Средиземного моря на столетия — нет, на целые тысячелетия - дальше, чем могли бы унести самые смелые мечты наших отцов. История европейской цивилизации - это больше не

прослеживаемый путь от Гомера к Теннисону или от Одиссея к капитану Пири, а длительный цикл подъема и упадка культур с чередованием периодов тьмы. Для этой революции в наших идеях ответственным оружием является скромная, но надежная лопата.

Крит, порог Европы

Содержание

Мы должны представить себе первобытные племена мира как постоянно перемещающиеся под двойным давлением волка в животе и врага за спиной — перемещающиеся в основном на север и запад, поскольку климатические условия смягчались перед ними. До тех пор, пока они находились на этой кочевой стадии, в развитии цивилизации можно было добиться небольшого прогресса; палатки должны были служить им домом, а их товарами могли быть лишь такие мелочи, как необходимые горшки и сковородки, которые они могли унести. Но когда кочевавшее племя достигло моря, оно было вынуждено остановиться и осесть. Таким образом, цивилизация зарождается в оазисах пустыни, на северных побережьях Африки и на островах Греции. Поселенные силой и в какой-то степени защищенные природой, они могли начать накапливать имущество и улучшать его с помощью искусства. Они могли бы начать строить дома, развивать мораль и государственное устройство.

Таким образом, география делает чрезвычайно вероятным, что Крит сыграет важную роль в самой ранней истории Европы. Этот остров лежит как порог на пороге Европы. Если бы цивилизация восходила вместе с солнцем на Востоке, из чрезвычайно древних цивилизаций Египта и Вавилона, через тех самых первых перевозчиков на мировые рынки, финикийцев из Тира и Сидона, очевидно, что этот остров Крит стал бы для них отправной точкой в Европу. Так мы рассуждаем, зная, что это правда. Но нам никогда не следовало узнавать правду из литературы. У Гомера, например, Крит не имеет большого значения. Он был знаменит своими “девяноста городами” и смешанными национальностями и был известен как бывшее царство Миноса. Там же отец всех ремесленников Дедал соорудил чудесное место для танцев. Но со страниц Гомера мы могли бы почти наверняка заключить, что это была земля, слава которой уже миновала. И это правда. За пределами Гомера Крит, хотя и незначительный в истории, занимает гораздо более важное место в мифологии и легендах. С религиозной точки зрения Крит был местом рождения Зевса, царя богов. В истории законотворчества это играет очень важную роль, поскольку Минос с Крита считался первым законодателем, а более поздняя мифология поместила его в качестве судьи мертвых. В религии это породило Эпименида, раннего экзорциста, а в музыке Талету. Затем многие древние историки сообщают нам о ранних морских империях в греческих водах. Они назывались талассократиями, и Крит стоит во главе списка. Наконец, те удачливые англичане, чье знакомство с Грецией произошло благодаря замечательным “Героям” Чарльза Кингсли, знают историю критского лабиринта и этого страшного зверя Минотавра. Они знают историю Тесея: как афиняне древнейших времен должны были каждый год посылать дань в виде своих прекраснейших юношей и дев царю Крита Миносу, пока однажды принц Тесей не упросил старого Эгея, своего царственного отца, позволить ему войти в число воинов, чтобы остановить это жестокое жертвоприношение; как он, наконец, пошел, и как критская принцесса Ариадна полюбила его и дала ему оружие и ключ к лабиринту, и как он убил ужасное чудовище, бросил свою принцессу и вернулся домой; но как он забыл также для того, чтобы поднять сигнал о своей безопасности, так что старый король,

увидев черные паруса своего корабля, в отчаянии бросился вниз головой со скалы и дал название Эгейскому морю. В старые времена мы читали это как прекрасный греческий роман; теперь мы думаем, что весьма вероятно, что афинянам в древности действительно приходилось платить дань —

septena quotannis
corpora natorum

— в империю Миноса. Сэр Артур Эванс, исследователь Кноссоса, считает, что он обнаружил лабиринт и, возможно, даже Минотавра во время своих раскопок в Кноссосе. Как бы то ни было, он открыл цивилизацию, ранее почти неизвестную истории. Поскольку центр этих новых открытий находится на Крите, археологи, естественно, приняли Крит за источник всего этого и называют свой новый старый свет “минойским”, точно так же, как последователи доктора Шлимана называли свои открытия “микенскими”. Эти две культуры не отличаются друг от друга; микенские предметы в основном представляют одну или две более поздние стадии минойской культуры. Но поскольку подобные предметы были найдены во многих частях Восточного Средиземноморья, и поскольку вполне возможно (хотя и не очень вероятно), что еще более удивительные открытия подобного рода могут быть сделаны в других местах, и поскольку связь Миноса с этими древнейшими периодами никоим образом не установлена, нам лучше проявить осторожность и принять самое общее название из тех, которые применялись к этой культуре, и назвать ее “эгейской”, или “доахейской”, или “бронзовым веком”. Мы вполне справедливо можем использовать одно название для всего этого мира доисторической цивилизации до Гомера, хотя оно охватывает это огромный промежуток времени, который может быть разделен на множество отдельных глав или фаз; потому что, в конце концов, существует четкая линия происхождения между самыми ранними формами искусства и новейшими, указывающая на то, что художники были одной крови, сколько бы раз их города ни разрушались, а их работы не погребались под землей. Она настолько отчетлива, настолько непрерывна и так широко распространена, что мы можем с уверенностью утверждать, что это была работа одного народа, разбросанного по всем островам и побережьям Средиземного моря. Эгейская цивилизация была обнаружена на Крите, на побережье Малой Азии, на материковой части Греции, в египетских гробницах, на Сицилии, на побережье Италии, в Торчелло близ Венеции, в Болонье и в Испании. Этрусское искусство, по-видимому, по сути сродни ему. Кипр издавна известен как центр эгейской цивилизации и в настоящее время предоставляет археологам новые сокровища. Но нигде он не был обнаружен в такой совершенной целостности и великолепии, как на Крите.

Среди археологов принято делить раннюю культуру на периоды в соответствии с используемым оружием. Соответственно, мы говорим, что эгейские периоды простираются от неолита до позднего бронзового века, что означает, что самые ранние из этих эгейских черепков найдены вместе с полированным кремневым оружием и орудиями труда, в то время как наряду с новейшими мы находим несколько редких кусков железа, но в основном бронзу очень высокого качества обработки. Такие находки датируются очень приблизительно по уровню, на котором они залегают, потому что любопытный, но несомненный факт заключается в том, что уровень земли, на которой когда-то была построена постройка, постоянно повышается за счет наслоений пыли и обломков. Во всяком случае, каждому будет ясно, что когда, как в Трое и

Кноссе, мы находим ряд зданий, каждое из которых накладывается на руины другого, мы можем с уверенностью проследить историю такого места от начала до конца. Иногда также можно установить дату, изучив посторонние предметы, найденные на том же месте, такие как драгоценные камни с картушем или знак царственности египетских царей. Только мы должны иметь в виду, что такие маленькие предметы легко перемещаются и часто сохраняются в течение многих столетий, так что необходимо проявлять большую осторожность, принимая их в качестве улики. Кроме того, между египтологами все еще продолжаются серьезные конфликты, и их даты в настоящее время никоим образом не являются достоверными фактами.

Прогресс египетской культуры

Содержание

Я уже говорил, что доисторическая культура, выявленная раскопками на Крите и в других местах, формирует непрерывную и прогрессивную историю от каменного века до железного. Сэр Артур Эванс, действительно, разделил свои открытия на девять периодов, от “раннего минойского периода I” до “позднего минойского периода III”. Не вдаваясь в подробности, давайте попытаемся набросать историю “доисторической” цивилизации на греческой земле, взяв Крит в качестве центра влияния.

Черная ваза с Кипра

“Человек эпохи неолита” с Крита, хотя его оружием и инструментами были всего лишь полированные камни, и хотя он сильно отставал от своих неолитических братьев из Центральной Европы, уже начал наносить узоры на свою керамику. Подобно природе, ненавидящей вакуум, он рисовал зигзаги, треугольники и шевроны на пластичной глине, царапая или протыкая линии и точки острием кости или камня, а иногда заполняя отверстия и царапины белым гипсом, чтобы показать рисунок. Корпус его ваз, как правило, был черным и блестящим. Буккеро неро, как называют его итальянские археологи, встречается в неолитических слоях по всей Южной Европе.

План неолитического жилища

Его дом, как правило, был глинобитным и плетеным, но есть несколько примеров каменных домов прямоугольной планировки. В Фессалии, где неолитическая культура пережила периоды расцвета искусства на Крите и в Микенах, были даже найдены неолитические дома с тремя комнатами и гнездами для деревянных столбов. Пещеры все еще использовались в качестве жилищ, и существует также круглый тип хижин, произошедший, без сомнения, от еще более примитивной палатки из кожи и плетения. О религии позднего каменного века мы ничего не знаем, кроме того, что они с заботой хоронили своих умерших в гробницах, похожих на их

Табличка IV.—АССИРИЙСКИЙ РЕЛЬЕФ: ЦАРЬ АССУР-НАСИР-ПАЛ (9 век до н.э.) *Mansell & Co.*

жилища. В археологии существует приблизительный метод определения дат, позволяющий на каждые три фута отложений земли отводить около тысячи лет; исходя из этого, мы можем датировать период неолита на Крите где-то до 4000 года до н.э.

Затем постепенно наступает начало бронзового века. Вся цивилизацию можно рассматривать как прогресс в производстве инструментов и оружия. Нигде история Европы не прорисована более четким пером, чем в ее оружейных мастерских. Как ружья Креси предсказали закат рыцарства, так и открытие этого сплава меди и олова, который позволял получать металл, достаточно мягкий для формования и достаточно твердый для обработки, означало шаг вперед для цивилизации. Поначалу, конечно, бронза была редкостью и стоила дорого; она использовалась только для изготовления коротких лезвий кинжалов и наконечников копий. Наряду с самой ранней бронзой мы обнаруживаем прогресс в гончарном деле, для нанесения узоров использовалась краска, хотя рисунки по-прежнему точечные и линейные; проводятся эксперименты с цветами и глазурью. В эксперименте заложен зародыш прогресса; традиционные художники Востока имитируют и иногда совершенствуют свои модели, но они редко проводят эксперименты. В Ассирии и Египте они создали замечательные произведения искусства.^[4] Но для них искусство - это украшение; нет идеала, нет стремления приблизиться к истине вещей. Восточный скульптор вскоре теряет связь с Природой и по мере развития своей техники усваивает только язык условностей.

Таким образом, в формах и дизайне керамики мы наблюдаем неуклонный рост, прогресс становится все быстрее по мере повышения уровня достижений. Кривые и круги заменяют зигзаги и треугольники. Гончар играет с цветом своей глины, обмазывает ее красным, обжигает

отдельными участками. В этих слоях мы начинаем находить имитации человеческого облика, грубые изображения или “идолов”, возможно, жертвоприношения по обету, которые представляют поклоняющегося вместо человеческих жертвоприношений. Они становятся условными, как и все, что связано с религией, превращаясь в странные фигурки в форме скрипки с выпученными глазами. Все критские художники настаивали на талии до такой степени, что современной продавщице это показалось бы преувеличением. Даже в Египте тонкая талия считалась характерной чертой кефтиу — людей с морских островов. Широкие плечи мужчин, без сомнения, символизировали силу. Наряду с вазами и “идолами” найдены печати, эмблемы которых демонстрируют следы влияния Египта при Шестой династии (? 2540 г. до н.э.).

Терракотовая фигурка из Петсофы

Теперь мы совершаем большой скачок вверх, в “среднеминойский” период сэра Артура Эванса. Здесь мы находим самые ранние письмена Европы, глиняные таблички с пиктографическими надписями. Глиняные фигурки представляют собой чрезвычайно сложные изображения костюма того времени; и это действительно очень сложный костюм. Цвет свободно используется на идолах и керамике. Узоры переходят в спирали, и иногда встречается прямое подражание Природе — козам, жукам и (как сказали бы классические греки) другим птицам.

Терракотовый идол из Трои

Теперь мы находимся среди более ранних дворцов Кносса. Теперь кажется, что каждый период заканчивался катастрофой, после которой искусство снова триумфально поднималось над руинами, чтобы начать с того места, где оно остановилось до прихода захватчиков, разрушивших дворец и святыни его покровителей. Здесь мы находим посуду “Камареш”, стиль керамики, к которому мы, возможно, впервые можем применить искренние выражения восхищения. Часто фарфор тонкий, как яичная скорлупа. Его формы чрезвычайно разнообразны и изящны; среди них распространена точная форма современной чайной чашки и красивая посуда для

Терракотовая обета от Petsofà. (В натуральную величину)

изделия, напоминающие современную эпернь. Фоном обычно служит блестящая черная глазурь; на ней рисунки нанесены матовыми цветами, белым, красным и иногда желтым. Рисунки по-прежнему представляют собой в основном традиционные узоры из полос и спиралей. Гончарный круг в настоящее время широко используется, как мы видим по большей симметрии и точности линий. Предполагается, что эта посуда из-за своей тонкости и узоров была вдохновлена обработкой металла. Не следует забывать, что археолог находит только то, что презирал грабящий пират. Золото и бронза были забраны, и остались только скромные черепки.

Кубок Камареша

Банка Камареса с дырчатым горлышком

На этапе, который мы описывали, первым соображением художника был общий цветовой эффект вазы. В настоящее время (после очередной катастрофы) начинает проявляться новый дух, желание подражать формам Природы. С возрастающим натурализмом гончар возвращается к более простым цветам, похоже, отчаявшись в попытке воспроизвести цвета своих моделей. В фаянсовой посуде не было ни зеленого, ни синего цветов. К счастью, однако, обнаружен новый материал, который служит этой цели. Это разновидность фаянса или фарфора. Идея была привезена из Египта, но во дворце Кноссос была открыта местная фабрика, и мы даже находим формы из стеатита, с помощью которых были оттиснуты узоры. Натурализм чрезвычайно искусен и эффективен. Показан один из самых красивых примеров.^[5] Это любимый мотив животного, кормящего грудью своих детенышей, постоянно встречающийся в качестве геральдического шрифта на монетах и печатях. Здесь он явно почерпнут из непосредственного изучения Природы, настолько живой получилась поза, настолько верным является выражение

Рис. 1. Богиня-змея.

Рис. 2. Дикая коза и детеныши.

Рисунок 5. ФАЯНС Из ХРАМОВОГО ХРАНИЛИЩА ВТОРОГО ДВОРЦА, КНОССОС, КРИТ.

мускулы. Вероятно, археологи не в состоянии видеть религию повсюду, куда бы они ни пошли. Несомненно, что мотив сосания был в более поздние времена связан с поклонением материнским божествам, таким как Гера. Несомненно также, что доисторические критяне поклонялись силе плодородия в человеческой и животной форме. Но нам нет необходимости превращать эту козу в богиню. Я предпочитаю быть уверенным, что этот доисторический критянин любил и изучал диких животных своих родных холмов и родного синего моря. Искусство и природа теперь идут рука об руку и на вазах, и на драгоценных камнях. У нас есть изображения тюленей с волчьими головами, совами и панцирями, сцены с боксерского ринга и корриды. Письменность продвинулась от простых пиктограмм к линейному письму. Удивительно обнаружить критянина 1911 года до н.э., писавшего так, как мы пишем сегодня, пером и чернилами.

Мы переходим к “позднему минойскому” периоду, эпохе шедевров. Здесь Микены вступают в историю, поскольку, хотя гораздо более ранние предметы, относящиеся к каменному веку, были найдены как в Микенах, так и в Трое, лучшие микенские работы современны “поздним минойцам” Крита. Оружием в настоящее время являются бронзовые мечи. Что касается рисунков на керамике, то, если в прошлый период они обычно рисовались белым цветом на темном фоне, то теперь они нарисованы красным или коричневым цветом на светлом фоне. Они по-прежнему натуралистичны, и в лучших образцах художники достигли высшего триумфа вазописи, а именно, применили художественные формы Природы для достижения своей цели, подчинив ее так, как она и должна быть подчинена (будучи женщиной). Обратите внимание, как используются ракушки тигех наряду с обычными узорами и как сочетаются свет и тень в стиле Бердсли. Представляется вероятным, что ранний художник выбирал те природные формы, такие как осьминог, ракушка и морская звезда, которые больше всего напоминали геометрические узоры, использовавшиеся его предшественниками.

Формы теперь стали чрезвычайно изящными. Эти остроконечные кувшины использовались, как мы видим на знаменитом фризе Виночерпия, для подачи вина. В основании обычно имеется отверстие для процеживания. Сосуды для питья часто имели самую красивую из аттических форм, известную как киликс. Мы замечаем, как морские объекты преобладают в выбранных природных формах. Одно это могло бы дать нам подсказку искать остров в качестве центра этого искусства.

Критский наполнитель

Сейчас наступает великий период доисторической архитектуры, образцы которой мы находим во дворцах Кноссоса, Микен и Тиринфа. Какие краны использовались для подъема этих огромных масс на место, мы не знаем. Мы не можем догадаться, какие инструменты использовались для резки и растачивания цельного камня, когда он был вырезан из гигантских винных бочек из стеатита, монолитных колонн или известняковых рельефов. Мы можем только восхищаться ими, как восхищаемся Сфинксом и пирамидами. В Кноссосе были великолепные залы, украшенные расписными фресками замечательного мастерства или резьбой по камню с высоким и низким рельефом. В частности, там был большой зал аудиенций, по форме напоминающий римскую базилику или раннехристианскую церковь, здание настолько устаревшее, что архитекторы были поражены, узнав, что оно построено во втором тысячелетии до нашей эры. Там стоит трон, выполненный в том стиле, который каждый назвал бы готическим. Об остальных архитектурных чудесах этих “минойских” дворцов, их верхних этажах, их световых колодцах, их двойных лестницах, о арене для боя быков и борцовском ринге с его королевской ложей, о водяных воротах и инженерном мастерстве, благодаря которому удалось преодолеть склон, спускающийся к реке, о складах и кладовых, где кувшины Аладдина все еще стоят там, где их разместили кладовщики царя Миноса, о Покоях царицы и Зале Прялок, а также о Королевской вилле — обо всем этом пусть расскажут архитекторы и сэр Артур Эванс. Понадобятся страницы с планами местности, чтобы выставить их на всеобщее обозрение, ибо после

Рисунок VI. ФРЕСКА “ВИНОЧЕРПИЙ”

для непрофессионала все дворцы Крита - не более чем планы местности, а планы местности - вещь унылая. Сэр Артур Эванс действительно считает, что именно запутанность этих миль разрушенных фундаментов дала более поздним грекам легенду о Лабиринте. Фрески поистине великолепны, рассматриваем ли мы славного юношу по имени Виночерпий,^[6] с его темной кудрявой головой и совершенным греческим профилем, или ярко натуральную голову быка в лепнине.^[7] Среди чудес - настоящая доска, на которой царь Минос играл в нарды по доисторическим правилам этой респектабельной игры. Он сделан из золота и серебра, слоновой кости, хрусталя и “куаноса” — доски, достойной талассократа.

Киликс из каракатиц

Оттиск глиняной печати: Боксер

Здесь найдется что-то для каждого. Спортсмен будет наблюдать за приемами бокса, указанными на драгоценных камнях, восхищаясь развитием мускулов и свободными действиями кносского боксера-призера. Похоже, он пренебрег своей “защитой”, но затем его отделил барьер от противника. Или мы можем изучить законы травли быков, практикуемые в Кноссосе, отметив ловкость, с которой тореадоры, самец и самка, перепрыгивают через голову животного. Модистка может ознакомиться с последними модами современности на модных досках восемнадцатого века до Рождества Христова. Она найдет вчерашнюю нижнюю юбку с оборками, узкую талию, лиф с глубоким декольте, высокую прическу завтрашнего дня, воротник в стиле Медичи, жакет в стиле зуав. Она увидит шляпы, которые мистер Майрс считает “бесподобными”, некоторые плоские, как мода 1902 года, другие с загнутыми полями и розами внизу, как у современных.

Водопроводчик тоже найдет рай в Кноссосе. Здесь есть туалеты, раковины, канализация и люки. Позвольте мне процитировать профессора Берроуза: “Главный водосток, стенки которого были покрыты цементом, был более 3 футов в высоту и почти 2 фута в ширину, так что человек мог легко передвигаться по нему; а меньшие каменные шахты, которые сливались в него, все еще на месте. Дальше на север мы сохранили для нас несколько терракотовых труб, которые служили для соединений. Каждый из них был около 2½ футов в длину, диаметром около 6 дюймов на широком конце и сужался до менее чем 4 дюймов у устья, где он входил в широкий конец следующей трубы. Заклинивание было тщательно предотвращено с помощью упорного выступа, который проходил по внешней стороне каждого узкого конца в нескольких дюймах от горловины, в то время как внутренняя часть торца, или более широкого конца, была снабжена приподнятым буртиком, который позволял ему выдерживать давление упорного выступа следующей трубы и обеспечивал дополнительную фиксацию цемента, соединявшего две трубы вместе”. Пусть ни один образованный читатель не пренебрегает этими деталями. Нет более верного признака цивилизации, чем хорошая санитария. Она сочетается с утонченными чувствами и аккуратными привычками. Хороший дренаж подразумевает не меньше, чем красивая статуя. И пусть все помнят, что мир не мог снова достичь минойского стандарта чистоты до великого английского санитарного движения конца девятнадцатого века.

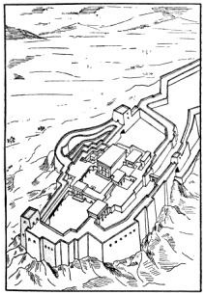
Дворцы на Материке

Содержание

Хотя в Кноссосе так много интересного для архитектора, и хотя там можно найти самую прекрасную каменную кладку из тесаного камня, обычный изучающий древнее строительство, вероятно, предпочтет обратиться к его примерам, как к древним, так и к современным

Фото 7. ГОЛОВА БЫКА: РЕЛЬЕФ В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ На РАСКРАШЕННОЙ ШТУКАТУРКЕ. КНОССОС, Крит.

Цитадель Тиринфа

дворцы Микен и Тиринфа. В Кнососе практически не было укреплений — еще одно доказательство того, что минойская империя находилась в безопасности за деревянными стенами. Но на материке у нас есть две великолепные крепости и цитадели, настолько хорошо сохранившиеся и так искусно раскопанные Шлиманом и Цунтасом, что нетренированный глаз может с первого взгляда уловить основные черты архитектуры. В Тиринфе строитель в полной мере воспользовался естественной прочностью своего положения. Вершина холма была выровнена, а вершина окружена гигантской стеной, толщина которой редко бывает меньше пятнадцати футов. В стене есть галереи, выходящие внутрь, на ряд магазинов. Вдоль нее через равные промежутки расположены массивные сторожевые башни. По одной такой вышке прикрывают каждый из проходов. К главным воротам с восточной стороны ведет длинный подъемный пандус, который полностью открыт для атаки со стены, возвышающейся над ними. Чтобы добраться до боковых ворот с западной стороны, вам также нужно было подняться по длинному лестничному пролету. Вершина холма, длина которой составляет более 900 футов, состоит из более низкого плато к северу, на котором не было обнаружено никаких следов строительства, возможно, потому, что там были только деревянные постройки для солдат, или, возможно, потому, что оно было оставлено голым как место убежища для скота. На более высоком плато к югу находится дворец с его большим мегароном, или залом, с колоннами. В нем есть круглый центральный очаг. Сразу за ним находится зал женщин, рядом со спальными комнатами и мощной сокровищницей, частично встроенной в стену. Немного к западу от мегарона есть изысканная ванная комната со сливными трубами и водопроводом, горячим и холодным. Три внутренних двора роскошно вымощены мозаикой, а стены покрыты фресками. Похоже, что все здания на вершине холма были роскошными по описанию, и напрашивается вывод, что общинники жили на равнине внизу, управляемые и защищаемые своей цитаделью. Тиринф расположен на склоне Аргосской равнины, в нескольких милях от моря. Поскольку эта небольшая равнина включала в себя также другие древние крепости Микен и Аргоса, владения этого царя, должно быть, были очень маленькими. Было высказано правдоподобное

предположение, что эти цитадели существовали главным образом для того, чтобы контролировать дороги, ведущие к Коринфскому перешейку.

В Микенах фортификационные работы аналогичны. Наш вид Львиных ворот[8] даст некоторое представление о массивной, циклопической кладке. Большой рельеф сам по себе явно является геральдическим символом; некоторые из таких групп животных постоянно можно увидеть на печатях и драгоценных камнях, а лев (или львица?) всегда был королевским зверем. Но, какой бы геральдической она ни была, эта огромная группа далека от безжизненной условности. Некоторые ученые полагают, что столб между животными является доказательством широко обсуждаемого столпоклонничества в доисторической Греции.

Могила-улей: Раздел

Но наиболее интересными из микенских останков, несомненно, являются гробницы. В самом городе есть круглая ограда, окруженная двойным рядом брусчатки, вбитой в землю с краю, образуя таким образом кольцо шахтных могил, назначение которых было ясно показано найденными в них предметами и костями. Внизу, на равнине, были обнаружены другие захоронения, тоже круглые, но более позднего времени и гораздо более поразительные. Эти подземные гробницы-“ульи” были найдены и в других местах Греции, но нигде такого великолепия. Это была одна из них, которую Шлиман объявил гробницей Агамемнона. Подобно египетским пирамидам, он содержит внутреннюю камеру, которая образует настоящую могилу, снаружи - круглый “толос”, вероятно, святилище для культа усопших, и длинный “дромос”, или наклонный вход. Толос представляет большой интерес для архитекторов как предшественник купола. Но он построен не по принципу арки, с клиновидными массивами и замковым камнем. Этот купол устроен путем концентрической укладки постоянно сужающихся кругов каменной кладки один на другой, внутренняя часть выровнена, оштукатурена и богато украшена. Считается, что форма пчелиного улья воспроизводит примитивный шатер-колокольню, поскольку могилы мертвых обычно копируются с жилищ живых. Такое великолепие в гробнице, такое тщательное сокрытие мертвых под землей, во внутренней камере, несомненно, доказывает поклонение предкам.

Шестой город в Трое был построен во многом в том же стиле и того же времени, что и эти; действительно, больше всех, и его дома расходились от центра, как спицы колеса. На Афинском Акрополе тоже есть следы подобного доисторического поселения. Вероятно, нам следует представить себе облик греческого мира во втором тысячелетии до нашей эры усеянным этими дворцами-цитаделями.

В Микенах было найдено много интересных сокровищ незначительного рода. Они были особенно богаты золотом, и мы с большим интересом замечаем маски из тонкого золота, наложенные на лица умерших. На Крите также до сих пор не было изготовлено ни одного предмета из золота, который мог бы соперничать со знаменитой парой чашек[9], найденных в Вафио, в Лаконии. Они сделаны из золота, и их рисунки, изображающие дикий и ручной скот, ни с чем не сравнимы по живости и естественности. Но сэр Артур Эванс, вероятно, прав, как по стилю, так и по тематике, утверждая, что эти великолепные сокровища экспортируются с Крита. Пальма выдает южное происхождение. В Микенах также были найдены изящно

инкрустированные лезвия кинжалов[10], которые дают нам представление о людях и оружии микенской или позднемикенской эпох эгейской культуры. Мы видим, что мужчины вооружены длинными копьями и огромными щитами в форме восьмерки, сделанными из плетеных прутьев, покрытых бычьей шкурой и затянутых на “тали” так, чтобы охватывать тело и обеспечивать хватку руками. Воины не носят никакой одежды, кроме

Рисунок VIII. ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА, МИКЕНЫ

English Photo Co., Афины

бриджи или набедренные повязки, и в этом они напоминают мужчин с критских фресок и драгоценных камней.

Критский кубок в дегенеративном стиле.

И что из всего этого вышло? Где-то, кажется, около 1400 года до н.э. Кносос пережил свою последнюю катастрофу. Дворец был разграблен и сожжен, мастерские его блестящих художников были разрушены, а сами художники убиты или рассеяны. Таким образом, центр просвещения был затемнен для всего эгейского мира. В других местах эгейская цивилизация продолжалась, возможно, еще два столетия, и в самом Кнососе есть еще один период, когда дворцовые постройки были частично вновь заняты несколькими представителями древней художественной расы. Но с падением своего покровителя вдохновение ремесленника иссякает, быстро наступает вырождение. Даже в дизайне ваз смелый, натуралистичный рисунок превращается в ленивые формулы, блеск глазури тускнеет, цвета становятся плоскими и мутными. Значительная часть микенского искусства относится к этому декадентскому типу, и еще больше его было найдено в соседних местах на Крите.

Среди реликвий этого периода есть предметы, которые выдают причину падения — железное оружие. Бронзовый век уходит в прошлое перед появлением превосходного металла, подобно тому как каменный век уступил место бронзе.

Создатели эгейского искусства

Содержание

Теперь нашим долгом становится подвести итог этому удивительному миру археологии и рассмотреть его влияние на историю и искусство поздней Греции. К сожалению, на этом этапе возникает много проблем, для которых в настоящее время археологи не могут согласиться предложить решение. Кем были эти эгейцы? Были ли они индоевропейского происхождения и языка? Я думаю, мы уже согласились с тем, что они представляют собой примитивный слой населения, который первоначально распространился по всему югу Европы и бассейну Средиземного моря. Виночерпий может указывать на их телосложение, черные вьющиеся волосы, прямой нос, длинный череп; и я, со своей стороны, отказываюсь верить, что этот славный парень - семит или финикиец, как было высказано предположение. Мы знаем, что эти люди были необычайно одарены, особенно в смысле формы, и что они были способны к очень быстрому развитию. Разве мы не можем поверить, что одна и та же основа лежала в основе народов Восточного Средиземноморья с доисторических времен до наших дней, несмотря на то, что их пересекали, завоевывали и угнетали? И был ли их язык греческим? На этот вопрос мы не можем ответить наверняка, поскольку никто еще не смог расшифровать их почерк. Я не вижу причин оспаривать аргумент профессора Риджуэя о том, что, поскольку племена преобладали во время нескольких волн завоеваний с севера, язык выжил без существенных изменений, точно так же, как итальянский преобладал во время ломбардского завоевания Северной Италии. Конечно, национальности на Крите и Кипре были более смешанными, чем на материковой части Греции. Это может быть всего лишь мнение, высказанное с учетом множества противоположных аргументов, но я считаю, что люди, культуру которых мы описываем, были по сути такими же, какими мы их знали в исторические времена, и, конечно же, индоевропейцами.

С точки зрения историка важно отметить, что цивилизация в Европе, как и в Азии, зародилась под опекой автократии в дворцовых мастерских. Это было связано

Тарелка 9.—Чашки для вафио.

быть по-настоящему. Все археологические свидетельства указывают на сильную и тираническую форму монархии восточного типа. Эти циклопические стены были построены рабским трудом. Простые люди и солдаты изображены почти обнаженными. Это была еще и торговая империя. Эти ряды складских помещений с их огромными кувшинами образовывали банк и казначейство. Весьма вероятно, что глиняные таблички будут содержать не доисторические сонеты, а всего лишь списки припасов и дани.

Мы не должны заходить слишком далеко в своем изумлении по поводу этого неожиданного открытия о доисторической культуре. Более поздние греки никогда не достигали такого уровня, как эти люди, ни в письменности, ни в инженерном деле, ни в фортификации, ни во многих ремеслах. Они никогда не смогли бы изобразить формы природы с таким реализмом. Это верно,

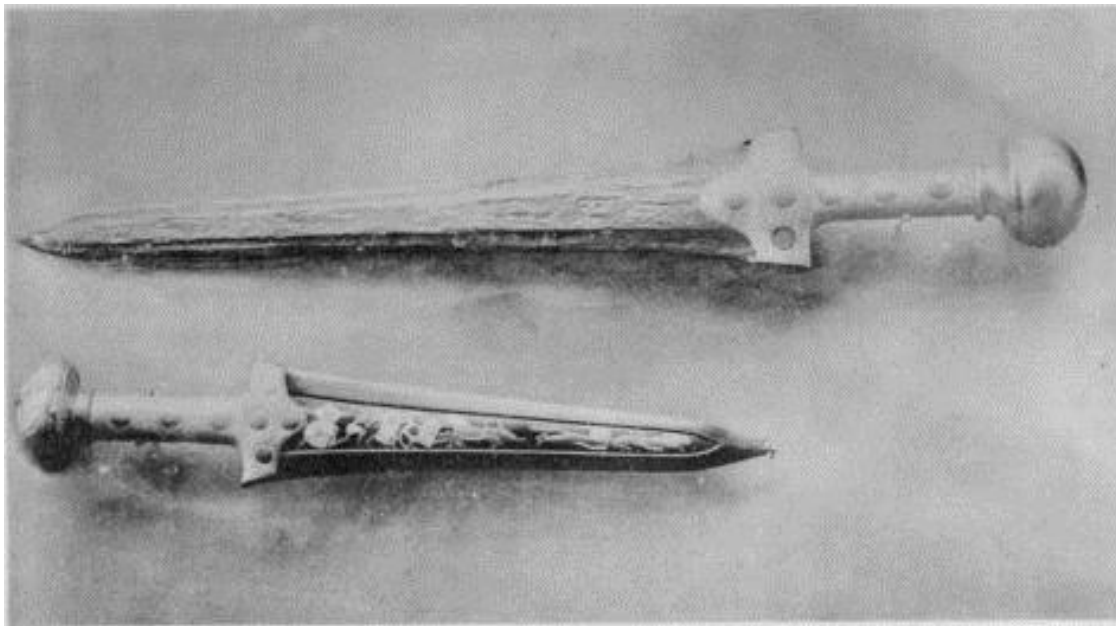
но в доисторическом эгейском искусстве есть что-то недостающее, что только классическая Греция могла дать миру. В египетском искусстве малоос, мало благородства, хотя и много красоты, нет этического идеала. Как было получено это недостающее нечто и откуда оно взялось, мы увидим в следующей главе.

Возникает другой вопрос: насколько эта культура была оригинальной? Чем она обязана Ассирии, Египту и Финикии? Многим, но не всем. Дренажная система дворца изначально была построена в Ассирии, и некоторые считают, что законы Миноса были заимствованы из кодекса Хаммурапи. Фаянс происходит из Египта; как и многие узоры в виде лотосов и лилий на вазах. Крит был в большом долгу перед Египтом. Что касается финикийцев, то они перевозчики и торговцы, но никто еще не доказал, что они могли быть посвященными в что—либо - кроме, возможно, религии. Но то, что Крит заимствовал, он трансформировал и, как я полагаю, европеизировал; он намеренно отверг восточные тенденции к традиционному стилистическому подражанию.

Остается сказать несколько слов о религии. В классической Греции, как всем известно, преобладал культ государственных богов и богинь, антропоморфной олимпийской семьи, Зевса, Геры, Афины, Артемиды, Аполлона и остальных. Но недавние исследователи религии указали, что наряду с публичным поклонением небесным божествам существовало более таинственное, но более реальное поклонение совершенно иной форме религии, культу богинь природы, с мистическими обрядами, происхождение которых было более чем наполовину забыто. К этому классу принадлежат Мистерии Элевсина, и это самый известный пример, и его можно увидеть в многогрудой "Диане Эфесской". Профессор Риджуэй долгое время учил, что этот натуралистический культ, вероятно, сохранился с доисторических времен Греции. Он наиболее силен в Аркадии, нетронутой первобытной части Греции. Он называет это религией матери-южанки, сохраняемой вопреки отцу-северянину, который хотел, чтобы его Зевсу-Одину поклонялись публично. Открытия на Крите подтвердили эту теорию и пролили некоторый свет на натуралистический культ более поздних времен. Главным божеством Крита была богиня природы, обычно изображаемая украшенной змеями.^[11] Ей поклонялись с помощью оргиастических обрядов, экстатических танцев, потрясания погремушками, священников в богато украшенных одеждах и символических процессий. Наряду с этим поклонением и, вероятно, более древним, поскольку аниконическое предшествует культовой стадии религии, существует множество признаков аниконических фетишей, поклонения столпу, топору, дереву и даже кресту. Чудовищные формы людей-быков, людей-собак, людей-змей могут быть всего лишь геральдическими знаками, или они могут указывать на поклонение чудовищам, подобное тому, что преобладало в Египте. Несомненно, существовало поклонение погребенному предку. Мы можем видеть, что артистичный народ доисторической Греции, в конце концов, был очень близок к земле.

Оттиск глиняной печати с крестообразным символом, из Хранилища храма, Кноссос

Пластина 10.—Инкрустированные лезвия кинжалов.

II

ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК

Содержание

ἄνδρῶν ἡρώων θεῶν γένος, οἳ καλέονται
ἡμί θεοι
Hesiod.

Захватчики с Севера

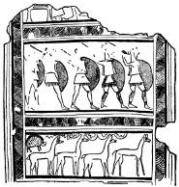
Содержание

Переходя с Крита к Гомеру, мы покидаем материальный мир художников ради литературного мира героев. Между прочим, можно упомянуть, что мы перешагиваем через три или четыре столетия без какой-либо истории. Их справедливо называли Темными веками, поскольку аналогия между этими доисторическими Темными веками и временами истории необычайно близка. Кносская империя пала перед варварами, хотя в данном случае последние сцены, должно быть, происходили на море. Таким образом, стабильность и порядок жизни в Египте были нарушены, и светильник культуры погас. Какие-то искры пробивались дальше, чтобы снова разгореться с еще большим блеском в классический период. Но некоторые изделия полностью исчезли, такие как фаянс, гипс или лепные барельефы. Письменность,

похоже, исчезла и была изобретена заново или реимпортирована позже. Использование весов и денег на какое-то время исчезло из греческого мира. Все это было тесно связано с процветающей торговлей, и теперь море стало небезопасным для торговли. Скульптуру пришлось начинать сначала, и хотя формы керамики в некоторых случаях, кажется, сохранились до конца, все же узоры претерпевают необычайную деградацию и варварство, прежде чем снова начинают вызывать восхищение. Здесь действовала та же причина, что и после падения Рима. Мир переделывался, на сцену выходили новые народы; был длительный период странствий, без христианских миссионеров, которые могли бы смягчить их варварство - или вести хронику их прогресса. Это период без какой-либо истории, и не все образные реконструкции профессоров поэзии действительно могут пролить на него много света. Египтяне примерно в 1200 году до н.э. заметили, что на Морских островах было неспокойно, и это все, насколько мы можем прочесть по камням.

Захватчиков не следует рассматривать как единое племя или движение. Скорее, как наших ранних датских захватчиков, они начали постепенно и продолжали медленно. Эгейская культура скорее пришла в упадок, чем прекратилась, дольше сохраняясь в горных крепостях материка, чем в неукрепленном Кноссе. Но рано или поздно разрушение пришло в Микены, Тиринф и Трою, так что люди чужой цивилизации пришли и построили дома более низкого качества среди руин дворцов или укрылись, подобно шакалам и совам Исаяи, среди циклопических масс. В одном случае они замазали старое микенское надгробие и нарисовали на нем свой собственный неуклюжий рисунок (см. [стр. 37](#)). Неудивительно, что возникли легенды о волшебной расе Циклопов, которые так изумительно строили, и неудивительно, что греки более позднего времени перенесли свой Золотой век в прошлое, а не в будущее. Поэт Гесиод, писавший, вероятно, в седьмом веке до нашей эры, разделил историю мира на пять эпох упадка. Сначала наступают Золотой и Серебряный века добродетели, оба, конечно, чисто идеальные. Затем наступает бронзовый век, могучий и крепкий. “Из бронзы были их сосуды, из бронзы их дома, бронзовыми орудиями они работали: темного железа еще не было”. Наконец они скончались, и затем на плодоносящей земле появилось четвертое поколение, “поколение более справедливое и лучшее, божественная раса Героев, которых называют полубогами. Жестокая война и суровый клич битвы уничтожили их, некоторых, когда они сражались за стада Эдипа в Фивах, а некоторых, когда их вели на кораблях через огромный морской залив в Трою ради Елены с ее прекрасными локонами”. Затем они тоже отправились отсюда, “чтобы поселиться на островах Благословенных у бушующего Океана, подобно счастливым героям, и плодородная земля трижды в год приносит им сладкий урожай”. Но, к несчастью для поэта, он обречен жить среди пятой расы, Железных людей.

Стела воина из Микен

Это не все фантазии: бронзовый век - это история, как мы видели; таков же и Железный век. Что же тогда с эпохой между ними, Эпохой Героев? Это звучит неловко, поскольку нарушает картину вырождения поэта. Но это должно быть вставлено из уважения к верованиям аудитории Гесиода. Гесиод более или менее сознательно пишет Библию для греков, то есть облакает их

религиозные обычаи в литературную форму. Это его уступка поклонению героям или предкам. Героическая эпоха полубогов, среда гомеровских поэм и аттических трагедий, не является исторической, и напрасно делать из этого таковую.

Железные люди приходили с Севера волна за волной завоеваний. Там были ахейцы, фессалийцы и, наконец, дорийцы. Всерьез этот процесс начался, возможно, с падения Минойской империи, которое профессор Берроуз относит к периоду между 1414 и 1380 годами до н.э. Дорийцы, пришедшие последними, обычно предполагаются пришедшими между 1100 и 1000 годами до н.э. Доктор Риджуэй доказал северное происхождение этих различных захватчиков, изучив их останки, которые он проследил до Центральной Европы. Они были вооружены длинными железными мечами, копьями с железными наконечниками, они несли круглые щиты с выступом в центре и были одеты в полный комплект бронзовых доспехов, шлем с гребнем и плюмажем, кольчужные кольчуги, поножи на ногах и пояс из бронзы и кожи, украшенный шипами. Под ним они носили тунику или хитон, которые они закрепляли на плече с помощью малоберцовой кости или английской броши. Они отправлялись в бой на колесницах. Таким образом, они во всем существенно отличаются от людей эгейской культуры, чьи воины не носили ничего, кроме набедренной повязки или коротких штанов, и не имели доспехов, кроме огромной восьмерки или продолговатого щита из ивняка и кожи, которые сражались в основном пращами и стрелами, которые едва знали коня, чьи женщины были одеты в нижние юбки с воланами, а иногда и в облегающие корсажи, узкие в талии, для скрепления которых не требовалось ни булавок, ни брошей. Эгейские воины именно так изображены на своих памятниках.^[12] Некоторые намеки относительно их религиозных верований мы можем почерпнуть из их различных обычаев избавления от мертвых. Ибо в то время как эгейская раса бережно хранила своих мертвецов под землей в шахтах и куполах, совершая возлияния вином или кровью, чтобы накормить свои голодные призраки в темном нижнем мире, переполненном могущественными

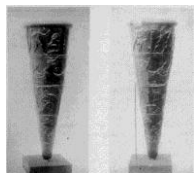

Рис. 1. Ваза—Воин из черного стеатита.

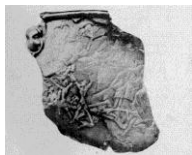

Рис. 2.Фрагмент серебряной вазы.

Табличка 11.

духи, эти северяне смотрели на небеса, где Зевс, очень похожий на Одина, правил небесами своей молнией среди семейства воинственных богов и богинь, которым нравился дым

всесожжений. Когда их герои умирали, их тела сжигались на погребальном костре, а души отправлялись на Острова Блаженных, земную Валгаллу пиров и сражений. Эгейская раса в то же время поклонялась силе репродуктивной природы в женском обличье, и наследование шло через женщин. Северяне были храбрыми и сильными, целомудренными и законопослушными. У них отец был неоспоримым главой семьи, но мать была свободна и почитаема. Северянин был пехотинцем, свободным в своих правах воина, южанин - моряком с острым умом, коммерческим даром и страстью к искусству и красоте. Северянин владел только одним искусством - игрой на арфе. Южанин был более по-настоящему религиозен, то есть он ощущал тайну невидимого и трепет благочестия; мир природы, который так сильно привлекал его, предстал перед его сознанием в формах мистицизма. Северянин был слишком большим моралистом и теологом, чтобы быть экстатичным приверженцем. Южанину были присущи огонь и гениальность, северянину - осторожность и самоконтроль. Северянин был светловолосым, высоким и короткоголовым, южанин - темноволосым, невысокого роста и с вытянутым черепом.

В слиянии этих двух потоков, каждый из которых мог так много дать и так много получить, кроется один из секретов эллинского народа. Казалось бы, норманны пришли на желанные южные полуострова как захватчики, а не просто как иммигранты. Они пришли как воины и взяли в жены представительниц древней расы, так что получившаяся смесь вобрала в себя качества обоих. Но, как обычно в таких случаях, климат и окружающая среда постепенно сказались, и с течением времени тип вернулся к своим первоначальным характеристикам. На короткое время в пятом веке сложилась совершенная смесь, и у нас есть народ, смелый в оружии, чистый в морали и искусный в высоком идеалистическом искусстве. Но вскоре мужественный элемент угасает, энергия переходит в леность, идеализм - в простую чувственную грацию и очарование, так что, хотя греки никогда не переставали быть несравненными мастерами и тонкими мыслителями, более благородные элементы, которые сделали их художниками и первопроходцами во всех областях интеллекта, постепенно покинули их.

Эти обобщения подтверждаются историей двух их передовых народов. Афиняне и ионийцы всегда утверждали, что они сыны земли, то есть в них лишь слегка примешалась северная кровь; следовательно, они дают Греции художников, торговцев и моряков. Спартанцы, с другой стороны, принадлежали к дорийской расе, пришедшим последними и, вероятно, самым дальним или самым северным из всех вторгшихся народов. Они показывают нам силу дисциплины, они сухопутные воины, они чтят старость и не изолируют своих женщин. Но как иностранцы на чужой земле, они первыми приходят в упадок, и их падение гораздо более внезапное и полное. Они не дают нам никакого искусства, кроме музыки и лирических песен. Этот факт также проливает свет на политические условия Греции. Мы видим, почему преобладающим государственным устройством Греции, за исключением Афин и Ионических государств, была аристократия или олигархия. Это объясняет религию Греции, странную смесь небесного антропоморфизма с хтоническим анимизмом. В некотором смысле, подобное слияние рас также представляет всю историю Европы. Снова и снова в истории сильные расы нападали на культурные, и слияние обычно приводило к большим результатам, пока не возобладал местный элемент. Очень вероятно, что в этом и заключался секрет величия Рима. У нас самих, в нашем слиянии кельтов и саксов, похожая этническая история.

Гомер и ахейцы

Содержание

Одно из этих северных племен, ахейцы, - народ, упомянутый в эпосах, которые известны под именем Гомера. Хотя, как я уже говорил, у них была олимпийская иерархия богов, их истинное почитание было отдано героям, то есть обожествленным предкам племени, чьи могилы, реальные или воображаемые, были ареной жертвоприношений и возлияний. Одним из таких героев был Агамемнон, которому поклонялись в Спарте и других местах. Другим был Ахилл, центр культа которого находился во Фтиотиде. Их доблестные подвиги, несомненно, были увековечены в древних сказаниях. Но наш Гомер - это не сборник баллад или народных песен. Это литературное произведение такого уровня и совершенства, что оно постулирует многовековые эксперименты в литературном искусстве и вмешательство индивидуального гения самого высокого порядка. Мы вынуждены поверить в существование реального Гомера, который поставил перед собой задачу, как это сделал Гесиод в другой сфере, собрать восхваления героев и облечь их в бессмертные стихи, объединив различных героев в одну всеэллинскую армию под предводительством Агамемнона в великом походе, вероятно, являющемся отголоском реальной истории, против города Трои. Но столь же несомненно и то, что наши "Илиада" и "Одиссея" не являются нетронутым творением единого мозга. Мало того, что история "Илиады" слишком бессвязна — в одной книге убивают воинов, в следующей они весело сражаются, огромная стена и ров вокруг греческого лагеря появляются и исчезают необъяснимым образом; мало того, что первоначальный сюжет "Гнева Ахилла" забыт и затемнен в более поздних книгах; мало того, что "Одиссея" по стилю и дикции явно позже основной части "Илиады"; но повсюду можно проследить постепенное изменение обычаев и идей с последующими вставками и вычеркиваниями. Оба эпоса, по-видимому, были переведены с оригинальной эолийской версии на ионический греческий. И не следует забывать, что древние применяли термин "Гомер" к обширному объему эпического материала, частью которого являются наши "Илиада" и "Одиссея". Мы вынуждены заключить, что многие последующие поколения бардов работали над первоначальным ядром. Среди этих гомерид, или "сыновей Гомера", должно быть, было несколько гениальных людей, но все они получили образование в благородной школе. Как уже было сказано, они воспевали героических предков своих покровителей — то есть они были эолийцами, рассказывающими историю о традиционных ахейских героях, поскольку ахейцы, изгнанные из своих домов дорийскими захватчиками, носили имя эолийцев, когда мигрировали на северное побережье Малой Азии. Вероятно, самый ранний Гомер писал о героях давних времен в сознательно античном духе; несомненно, более поздние авторы намеренно архаизировали и подчинялись эпической условности. Таким образом, дорийцев, за исключением одного-единственного упущения, старательно игнорируют; избегают письменности, чеканки денег и скульптуры. Привычки древнего варварства, такие как человеческие жертвоприношения, отравленные стрелы и жестокое обращение с мертвыми, были тщательно вычеркнуты, хотя острый глаз современной критики может обнаружить следы вычеркивания. Хотя герои, безусловно, принадлежали к железнному веку, их условно изображают как "разящих бронзой", хотя часто упоминается и железо. Все названные герои, являясь чьим-то племенным богом и чьим-то предком, должны получить титул царя, хотя в "Илиаде" они всего лишь военачальники в армии Агамемнона. Возможно, самый ранний Гомер жил при патриархальной монархии; конечно, как мы увидим,

авторы более поздних частей были знакомы с олигархией или аристократией. Вероятно, верна традиция, гласящая, что Гомер не редактировался в нашей “авторизованной” версии до тирании Писистрата в Афинах в шестом веке.

Отсюда следует, что мы не должны воспринимать эпическую историю как представляющую собой главу реальной истории ахейцев в Греции. Если бы мы попытались это сделать, нас постоянно выдавали бы намеренные архаизмы эпической условности. Максимальное применение, которое историки могут применить к своему Гомеру, - это использовать бессознательный фон поэм как изображение цивилизации, с которой были знакомы писатели девятого, восьмого и седьмого веков. Это почти наше единственное свидетельство за тот период.

Щит Ахиллеса

Содержание

Описание щита Ахилла в восемнадцатой книге " Илиады " может быть выбрано в качестве типичного фрагмента

Тарелка 12.—Ваза Франсуа.

Алинали.

бессознательный фон. Это дает нам картину греческой жизни, которая должна быть естественной, поскольку ни драматические, ни религиозные мотивы не вмешиваются и не искажают ее. Автор явно описывает круглый щит с параллельными полосами орнамента, подобный тому, который мы видим в “геометрическом” стиле искусства (ср. стр. 56). Картины выполнены из различных металлов, золота, олова, серебра и “куано”, или синего стекла. Для понимания стиля, в котором задуман орнамент, мы можем сравнить вазу Франсуа^[13] или Сундук Кипселуса, как его описывает Павсаний. Но очевидно, что поэт-идеалист, описывая такие предметы искусства, позволяет своему воображению превзойти все, что он когда-либо видел или слышал. Кроме того, его выковал хромой бог Гефест, а боги не делают доспехов, которые можно купить в магазине.

Сначала он сделал щит большой и могучий, украсив его со всех сторон, а вокруг него набросил яркий, тройной, сверкающий обод и серебряную перевязь. Щит имел пять складок, и на нем он искусно изобразил множество узоров.

“На нем он сотворил землю, и небо, и море, и неутомимое солнце, и растущую луну, и на нем были все знаки, которыми увенчаны небеса, Плеяды и Гиады, и мощь Ориона, и Медведя,

которого они называют Вагоном, который вращается на том же месте и наблюдает за Орионом, и сам по себе не имеет участия в омовениях Океана.

И на нем он поместил два города смертных людей, два прекрасных города. В одном были браки и пиршества. Они несли невест из их покоев через город с горящими факелами, и громко звучали брачные песни. Играли музыканты, и среди них звучали флейты и лиры. Женщины стояли, восхищенные, все до одной у ее крыльца; и народ столпился на рыночной площади. Там возникла ссора: двое претендентов спорили о цене за убитого человека. Один утверждал, что заплатил полностью, и он обращался к людям, но другой отказался что-либо брать. Поэтому оба поспешили предстать перед судьей. Толпы сторонников стояли вокруг каждого, подбадривая их, и были герольды, которые поддерживали порядок в толпе. Старики сидели на полированных камнях священным кругом с посохами громкоголосых герольдов в руках. С ними они по очереди вставали, чтобы высказать свое суждение. Там, посреди, лежали два таланта золота, которые нужно было отдать человеку, который произнесет самый справедливый приговор из всех.

Но вокруг другого города были расставлены две армии воинов в блестящих кольчугах. И между ними разошелся совет, уничтожить ли его полностью или разделить на две части все запасы, которые содержались в прекрасной цитадели. Осажденные еще не сдавались, но тайно вооружались для засады. Их дорогие жены и невинные дети стояли на стене, охраняя ее, и в их компании были мужчины в возрасте. Итак, воины выступили, и там были их предводители, Арес и Афина Паллада, оба золотые, в золотых одеждах, оба белокурые и высокие, вооруженные, как боги, - заметная пара, потому что войско вокруг них было меньше. Но когда они подошли к месту, где решили устроить засаду, к руслу реки, где был водопой для каждого зверя, они сели там, завернувшись в свою блестящую бронзу. Затем на некотором расстоянии были выставлены два армейских разведчика, которые должны были следить, не увидят ли они овец и быков с загнутыми рогами. И там двигались звери, а за ними следовали два пастуха, которые развлекались игрой на свирелях, ибо не подозревали никакого коварства. Но их враг, наблюдавший за ними, набросился на них и быстро начал кромсать стада коров и прекрасные руна белых овец, и они убили также пастухов. Но осаждающие, когда они услышали шум битвы, поднимающийся среди коров, со своих мест перед трибунами вскочили на быстроногих коней, чтобы преследовать их, и быстро приблизились. Выстроившись там шеренгой на берегу реки, они сражались и поражали друг друга копьями с бронзовыми наконечниками, и к ним примешивалась Вражда, и Кудоймос, любительница стонать, и губительная Судьба была там, беря одного человека свежеран, другого без раны, а третьего уже мертвого, и утаскивая их за ноги в шуме битвы, и ее одеяние на плечах было забрызгано человеческой кровью. Поэтому живые люди тоже смешивались, дрались и утаскивали тела своих мертвых товарищей.

Также он распахал на ней мягкий пар, тучную пашню, широкое поле в три вспашки. Многие пахари гоняли по нему свои упряжки взад и вперед. И всякий раз, когда они подходили к краю поля в конце своего хода, мужчина выходил вперед с чашей сладкого, как мед, вина в руках и протягивал ее. Поэтому они продолжали кружить между грядками, стремясь добраться до края глубокого залежного поля, которое темнело позади них, и, хотя оно было золотым, выглядело так, словно его вспахали, настолько чудесным было это судно.

Свадебная процессия. С Пиксиса в Британском музее

“Там тоже он поместил княжеские владения, где наемные работники жали с острыми серпами в руках, одни валки густо и быстро падали на землю вдоль борозды, а вяжущие перевязывали другие лентами. Рядом стояли трое вязальщиков, а позади бежали мальчики-сборщики, которые охапками несли кукурузу и хлопотали прислуживая им. Король со своим скипетром молча стоял среди них на борозде, радуясь в сердце своем. Немного поодаль герольды устраивали пир под дубом. Они принесли в жертву огромного быка и были заняты им, в то время как женщины в изобилии рассыпали белую ячменную муку на ужин жнецам.

“На нем также он разбил виноградник, усыпанный виноградом, красиво отделанный золотом. Наверху росли черные гроздья, а виноградник был повсюду огорожен серебряными шестами; вокруг него он проложил траншею из *куано* и оловянную стену; к нему вела единственная дамба, по которой ходили сборщики винограда. Служанки и веселые холостяки разносили сладкие, как мед, фрукты в плетеных корзинах, а посреди толпы какой-то мальчик наигрывал на пронзительной лире прелестную мелодию, напевая своим нежным голосом сладкую панихиду Лайнусу, в то время как остальные отбивали такт топотом ног, прыжками, песнями и визгом.

“На нем он создал стадо пряморогих быков. Коровы были сделаны из золота и жести; мыча, они переходили с навозной кучи на пастбище у журчащей реки, по дрожащему тростниковому ложу. Четыре золотых пастуха шли рядом с коровами, и девять белоногих собак следовали за ними. Но среди первых коров два ужасных льва держали быка с низким голосом. Его, громко ревущего, тащили прочь, но собаки и самки гнались за ним. Два льва разодрали шкуру огромного быка и жадно пожирали внутренности и темную кровь, в то время как пастухи тщетно подстегивали быстрых гончих. Но они, напротив, вместо того, чтобы кусать львов, все время поворачивали назад; они подбегали поближе, чтобы облять их, а затем убегали прочь.

“На нем широко известный Калека построил овчарню в прекрасной долине, большое стадо белых овец, а также загоны, хижины и крытые загоны.

На нем прославленный Калека изобразил танец, подобный тому, который Дедал в древности исполнял в широком Кноссе для Ариадны с прекрасными локонами. Там юноши и девушки, за которыми стоило ухаживать, танцевали, держа друг друга за запястья. На некоторых служанках были тонкие льняные вуали, а на некоторых - хорошо сотканые туники, слегка поблескивающие маслом. Да, на головах у них были прекрасные гирлянды, а у мужчин на серебряных перевязях висели золотые мечи. Иногда они слегка наступали на него, встав на цыпочки, как когда гончар садится и пробует колесо, которое помещается у него в руках, чтобы посмотреть, будет ли оно вращаться. Но иногда они выстраивались в шеренги навстречу друг другу, и большая компания в восторге стояла вокруг прекрасного танца, и среди них святой бард пел под свою лиру, а среди танцующих два акробата вели такт, кружась в середине.

И на нем он изобразил великую мощь Реки Океан по краю тщательно обработанного щита.

“И тогда, когда он выковал большой и могучий щит, он выковал также кольчугу ярче огненного луча, и он выковал ему прочный шлем, плотно облегающий виски, богато украшенный, и на него надел гребень, и он сделал ему поножи из гибкого олова”.

Я надеюсь, что читатель сможет уловить некоторое представление о картине даже сквозь голую прозу перевода. Теперь мы точно в Европе. Возможно, именно в Дорсетшире, или Баварии, или Оверни, или Тоскане эти женщины приходят к своим дверям, чтобы посмотреть, как проходят свадьбы, эти честные пахари осушают свои мензурки, а эти усталые сборщики урожая с нетерпением ждут ужина. По сей день вы можете увидеть греческих крестьян, танцующих кольцами и шеренгами под руководством ловких акробатов, точно так же, как они танцевали на щите Ахиллеса. История идет своим помпезным путем, оставляя крестьянина неизменным и уклад деревенской жизни неизменным.

Короли и боги

Содержание

Поэт даже здесь, не совсем забыв о придворных кругах, для которых он пел, действительно привел “короля”. Но это жалкий басилевс, который стоит там среди комьев земли, радуясь в своем сердце. Он и его наследственный скипетр выглядят довольно глупо среди

“Жнецы, рано собирающие жатву
среди бородатого ячменя”.

Правда, конечно, в том, что он король в бакреме. Он всего лишь деревенский оруженосец с родословной, одетый как басилевс в соответствии с условностями эпоса. Такими же являются и “короли” “Одиссеи”. Там история требует, чтобы Одиссей стал царем Итаки и чтобы его верная жена поддерживала его трон в его отсутствие. Но поэт или поэты были так мало знакомы с обычаями королей, что постоянно забывали о политическом значении Пенелопы и говорили так, как будто речь шла всего лишь о наследстве хорошенькой вдовы. Эвмей свинопас превозносит богатство Одиссея, говоря, что ни у кого другого в Итаке не было столько. У них уже вошло в привычку рассматривать рынок как политический центр государства. Итак, в городе Схерия “царь” Алкиноус ежедневно выходит на совет вместе с двенадцатью другими “прославленными царями”. Посетивший их Одиссей молится о том, чтобы этот “царь” и его “царица” были настолько благословлены богами, что могли оставить своим детям “имущество в своих чертогах и все почести, которые люди оказали ему”. И “принцесса” уезжает в повозке, запряженной мулом, со стиркой. На сцене эпоса король, конечно же, великий и могучий правитель. Нам часто напоминают, насколько страшен гнев королей. Король говорит, согласно цитате из Аристотеля, что у него есть власть над жизнью и смертью. Он раздает города, которые ему не принадлежат. Он наследует “свой скипетр и свои судьбы” от Зевса и длинной линии предков. Но он не может соответствовать этим возвышенным притязаниям. Он обсуждает политику на рыночной площади с другими королями (которых часто по ошибке называют старейшинами, хотя они молоды и крепки, как орел), и дело решается одобрительными возгласами масс. Толпу привлекает оратор. Из-за случайных обмолвок об этих божественных царях говорят как о жадном классе, точно так же, как о них у Гесиода. Что касается “судеб”, которые они получают по вдохновению от Зевса, они не находят им практического применения.

Правосудие, как мы видели на нашем Щите, на самом деле вершат старейшины на агоре. Небрежная строка "Одиссеи" повествует о "часе, когда человек встает с собрания и идет домой ужинать, о человеке, который разбирает многочисленные ссоры молодых людей, которые приходят к нему на суд". У Гомера нет ни единого примера, когда царь выступал бы в роли судьи, и хотя царь делает вид, что раздает города, он иногда смиренно принимает в дар акр или два от горожан за оказанные услуги. Действительно, есть один знаменитый отрывок из "Илиады", где явно превозносится монархия; но внимательный читатель заметит, что он написан на языке не примитивных патриархальных условий, а сторонника аристократии или тирании, осуждающего самонадеянность радикальной демагогии. Это есть во второй книге "Илиады". Агамемнон приказал грекам готовиться к бегству из Трои. Это была всего лишь уловка, чтобы испытать их гнев, но она слишком хорошо удалась, потому что люди поспешно поверили ему на слово. Теперь богиня Афина призывает Одиссея поторопиться и остановить их.

"Он пошел навстречу Агамемнону, сыну Атрея, и взял у него скипетр своих предков, вечно нерушимый, с которым спустился на корабли ахейцев в медных рубашках. Всякий раз, когда он встречал короля или знатного человека, он подходил к нему и останавливал мягкими словами. ' Господин, не подобает пугать тебя, как труса; нет, сядь сам и заставь сесть и остальных воинов, ибо ты еще не знаешь, что на уме у сына Атрея. Сейчас он всего лишь испытывает сыновей ахейцев; скоро он поразит их, и силен гнев возвращенных богом царей. Честь ему от Зевса, Зевс-советник любит его.

"Но когда он видел кричащего человека из народа, он бил его своим скипетром и упрекал словом. ' Сэр, сядьте тихо и послушайте речь других, которые лучше вас. Вы не воинственны и трусливы, вы бесполезны ни на войне, ни в совете. Мы, ахейцы, не можем все быть здесь царями; многославство - это нехорошо. Пусть один будет господином, одним королем, кому бы сын Кроноса с кривым советом ни вручил скипетр и судьбы, чтобы он мог быть королем среди них".

Так он прошел сквозь войско, повелевая им; и они поспешили обратно к месту встречи со своих кораблей и палаток с шумом, подобным тому, с каким волна бушующего моря разбивается о могучий берег и раздается в глубине.

Затем остальные сели и заняли места на скамьях, но один Терсит все еще ругался нецензурными словами. Тот, кто был полон беспорядочных речей из-за праздной и неблагоприятной борьбы против королей.

"Он был самым уродливым человеком, который приходил в Трою. Он был кривоногим и хромым, а два его плеча были горбатыми и тесно прижатыми к груди. Выше его голова была заостренной, и на ней росла жидкая щетина. Он был злейшим врагом Ахиллеса и Одиссея, и они всегда упрекали его. Тогда же он выкрикнул пронзительные слова упрека в адрес божественного Агамемнона. Но ахейцы были ужасно разгневаны на него и ненавидели его в своих сердцах. ...

Так он говорил, понося Агамемнона, пастыря народа. Но божественный Одиссей быстро встал рядом с ним и, нахмурившись, упрекнул его тяжким словом. "Терсит, не обращай внимания на слова, пронзительный разглагольствователь, каким ты являешься, успокойся и не смей в одиночку сражаться с царями, ибо я говорю, что нет существа хуже тебя из всех, кто пришел с сыновьями Атрея в Илион". ...

С этими словами он ударил его своим скипетром по животу и плечам. Но он сгорбился, и с него скатилась большая слеза, а на его спине под золотым скипетром проступил кроваво-красный рубец. Поэтому он сел и задрожал, выглядя беспомощным, и вытер слезу от боли, а они, несмотря на весь свой гнев, мило рассмеялись над ним. И вот человек сказал бы, глядя на своего соседа: "Вот, теперь! Воистину, Одиссей совершил тысячу добрых дел, как в поиске дельного совета, так и в руководстве битвой, но сейчас это, безусловно, его лучшее деяние среди аргивян, поскольку он удержал этого разбрызгивающего слова вредителя от его разглагольствований. Надеюсь, никогда больше его честлюбивое сердце не побудит его поносить королей словами упрека".

Терсит - не продукт простой неразвитой монархии; поэт, нарисовавший этот портрет, видел оратора толпы на своей родной агоре. Терсит, как было сказано, единственный рядовой в армии. Он единственный мужчина, которого зовут без отчества. И все же современные исследования показали, что даже у Терсита в Спарте существовал древний культ полубога. Настолько верно, что все персонажи эпической сцены - это персонажи племенного культа предков.

Вот почему настоящие боги так плохо представлены в эпосах. Это единственные аморальные люди у Гомера; они обманывают и лгут, они бьют и склочничают. Возможно, мы не ожидаем особой порядочности от Зевса или Афродиты, но даже сама величественная Гера чередуется между коварной куртизанкой и сварливой женой-рыбой. И все же Гомер - это "Библия греков"! Геродот сказал, и сказал верно, что именно Гесиод и Гомер присвоили богам их имена, распределили их почести и функции, а также определили их внешний вид и характеристики. В последующие времена Гомер был всеобщим учебным пособием. Весьма вероятно, что Гомер и Гесиод выбрали определенных божеств из огромного числа для особого почитания в качестве членов олимпийской семьи. Почему же тогда Гомер не воздал им почести? Были даны различные объяснения. Старое объяснение состояло в том, что это наивное выражение примитивного антропоморфизма, который создает богов по подобию людей, увеличивая человеческие пороки так же, как и добродетели. Но никто из тех, кто по-настоящему изучает Гомера, не может поверить в теорию, которая делает его простым и похожим на ребенка. Насмешки Гомера над богами - это не бесхитростный смех ребенка или дикаря. Следует отметить, что лишь некоторые из богов плохо вытекают из гомеровской теологии. Никакая фигура не могла быть прекраснее, чем фигура морской богини Фетиды, или величественнее, чем Афина Паллада, или более неземной, чем Ирис, посланница небес. Вера профессора Риджуэя в то, что Гомер был написан бардом из древней расы, почитавшим своих ахейских учителей, могла бы объяснить едкие насмешки над северными богами, такими как Зевс и Гера. Но тогда Афродита, с которой обращаются хуже всех, по-видимому, на самом деле является богиней природы Крита, которую в критском искусстве всегда сопровождали голуби. Это просто эгейский натурализм, который исключен из религии Гомера. Нет ничего, что связывало бы даже Ирис с радугой. Мое собственное объяснение состояло бы в том, что поклонение героям - главная забота Гомера. Так много его героев утверждают, что произошли от Зевса от стольких матерей, что Зевс не может быть наделен моногамной моралью. Боги могут позаботиться о себе сами; именно героям требуется помощь барда. Я также верю в предположение профессора Гилберта Мюррея о том, что в этих отрывках о нечестии мы имеем дело с вмешательством более позднего ионического духа рационализма. Поскольку подобные отрывки широко распространены по "Илиаде", нам следовало бы отнести сочинение значительной ее части к VIII-VII векам до нашей Эры. Но поскольку мы видели, что политическая подоплека Гомера - это

в основном сцена аристократии, точно такая же, какую мы имеем у поэта седьмого века Гесиода, то особых возражений против поздней датировки нет.

Как только вы откажетесь от абсурдной веры в “первобытную простоту” Гомера и признаете, в чем теперь нет сомнений, что эпические поэты могли сознательно преувеличивать свою историю, опуская все ссылки на события и обычаи, которые казались им слишком современными, чтобы соответствовать божественной расе героев, точно так же, как Мэлори поступает с рыцарями времен Артура, нет никаких возражений против того, чтобы поверить, что большая часть Гомера была написана в восьмом веке. Конечно, в наших "Илиаде" и "Одиссее" есть гораздо более древние традиции и фрагменты эпической поэзии. Перенос этих поэм на грань исторических времен не является настоящим насилием над древней традицией, поскольку Гомер и Гесиод в древности обычно считались современниками. Вся цивилизация, изображенная у Гомера, гораздо ближе к цивилизации исторической Греции, чем к цивилизации эгейских раскопок. Возьмем доспехи в качестве другого примера. Хотя, как уже было сказано, герои обычно “разят бронзой”, а их щиты иногда “подобны башне”, “достигают ног” и “опоясывают тело”, как на памятниках Микен и Крита, все же в обычном представлении поэтов мечи, несомненно, сделаны из железа, поскольку разящий удар более распространен, чем укол, и вы не рубите бронзовым мечом, а щиты “круглые”, “равные во всех отношениях”, “выпуклые” и “подобные луне”. Иногда, как в случае со щитом Ахиллеса или щитом Агамемнона, их украшают гербом. На самом деле, гомеровский воин одет и экипирован точно так же, как гоплит из греческой истории. Что касается его методов ведения боя, эпическая условность, естественно, требует серии поединков, чтобы показать индивидуальную доблесть героев; и, действительно, различные эпизоды “Илиады” обозначены как “Доблесть Диомеда”, “Доблесть Менелая” и так далее. Но на задворках сознания поэта постоянно всплывает обычное греческое сражение между двумя шеренгами воинов. Однажды Агамемнон делит войско на отряды, племя на племя и братство на братство. Наконец, помещая Гомера позже, в эпоху расцвета культуры Эолиды и Ионии, мы избегаем абсурдности предположения, что такая изысканная и продуманная литературная форма, как эпос, возникла из ничего во времена жестоких беспорядков, вторжений, миграций и непрекращающихся раздоров. *Априори* любой сказал бы, что лирическая поэзия должна предшествовать эпической, как это произошло в Англии. Греческая традиция ставит Орфея, отца лирической песни, перед Гомером. Не было бы ничего удивительного в том, что раннюю элегическую поэзию поместили на тот же хронологический уровень, что и самые ранние гекзаметры. То, что обычные формы лирического стиха существовали уже во времена Гомера, мы можем увидеть, если внимательно прочитаем стихи. Мальчик поет свою старинную песню о смерти Линуса. На похоронах Гектора барды поют панихиды. Есть ссылка на Гимней, или свадебную песню. Были и праздничные песни: в Первой "Илиаде" они поются весь день напролет над своими чашами. Такие барды, как Демодок, поют о любви богов. Таким образом, имеется достаточно доказательств того, что все распространенные формы греческой лирической поэзии предшествовали эпосу и что Гомер возник не в готовом виде из пустоты. Еще в меньшей степени ахейские завоеватели с холодного Севера принесли законченную литературную форму на цивилизованные полуострова Средиземноморья.

Искусство эпического периода

Содержание

И теперь возникает вопрос о том, какой вид искусства мы должны сопоставить с поэзией Гомера. Именно желание дать какой-то литературный эквивалент славному искусству Микен и Кносса побудило Шлимана и его школу приравнять его к Гомеру. Несомненно, на доисторическом Крите была своя литература. Но все это погибло, если только таблички с неразборчивыми письменами не дадут нам что-нибудь. Мы должны понимать, что великая литература может сосуществовать с примитивным искусством. В Англии нет великого искусства, которое соответствовало бы Шекспиру, Мильтону или Шелли. Язык является самым простым средством художественного выражения, литература обычно развивается раньше, чем графика или пластические искусства. Поэтому мы должны быть готовы к потрясению, обнаружив, что Гомер относится к тому же периоду, что и очень уродливый и нехудожественный декоративный стиль на вазах и самые рудиментарные и примитивные формы скульптуры. Страницы Гомера на самом деле не заставляют нас ожидать чего-либо другого. Скульптура у Гомера почти не упоминается. Есть только одна храмовая статуя, и это статуя Афины в Трое, о которой, как нам рассказывают, троянские женщины обычно клали на колени богато расшитое одеяние. Таким образом, мы, вероятно, должны представить себе грубую сидящую фигуру из дерева или камня, подобные которой мы находим на самых ранних этапах греческой скульптуры. Их грубость могла бы быть смягчена вышивкой. В Бранхиде, недалеко от Милета, была обнаружена целая серия таких фигурок, надписи на которых датируются примерно 550 годом до нашей эры; но мы легко можем поверить, что такой тип мог сохраняться более века. Считается, что этот тип статуи произошел от трона, поскольку представляется несомненным, что пустым тронам поклонялись до того, как были вырезаны культовые божества. Также видно, что его лишь недавно вывели из техники обработки дерева, настолько плоскими являются плоскости его поверхности. Богиня принадлежит стулу, а не стул богине.

Помимо этого, у Гомера есть несколько явно вымышленных фигур, таких как золотые факелоносцы в сказочной стране Феакия, но ничего такого, что мы могли бы назвать скульптурой. Также есть много второстепенных "предметов добродетели", таких как чаша Нестора и брошь Одиссея, некоторые из которых могут сравниться с реликвиями из микенских гробниц; но, конечно, кубки и золотые украшения все еще сохранились от более древней цивилизации, и, что примечательно, такие предметы всегда учитываются: либо их выковал Гефест, либо они были переданы как семейные реликвии, либо привезены сидонцами за море. Гомер не считает свое искусство само собой разумеющимся. Он использует гончарный круг для сравнений, но единственный

Сидящая статуя из Бранхиды

искусство, которое он действительно описывает, - это ткачество гобеленов, домашнее искусство, которым занимаются все его дамы. Так, Елена работает в Трое, вплетая фигурки воинов в свою паутину, а Андромаха вплетает в свою цветы. Какой узор соткала Пенелопа на своем вечном саване, известно только тем, кто знает, какую песню пели сирены. Этому

выдающемуся произведению текстильного искусства соответствует стиль орнамента, описанный, как мы читали, на щите Ахилла. Для этих параллельных полос рисунков

Геометрическая Ваза

которые имел в виду поэт, когда изображал щит, известны нам по керамике седьмого и шестого веков. Современные археологи называют его геометрическим стилем, потому что весь корпус вазы разделен на полосы и панно полосками зигзагообразного орнамента. Ранняя фаза геометрического стиля получила особое название в честь афинских дипилонских ворот, потому что огромные вазы определенного типа были найдены в большом количестве на древнем кладбище Афин в этом районе. Тематика этих ваз, как правило, похоронная. Мы видим тело, положенное на носилки, и скорбящих, выражающих свою скорбь возложением рук на головы. Фигуры представлены в виде обычных диаграмм. На мой вкус, они почти отталкивающие. Не только небрежный и неуклюжий рисунок фигур, но и сам дух всего этого безобразен. Взвинченные нервы художника, пытающегося заполнить каждый уголок какими-нибудь каракулями, нацарапывающего бессмысленные эмблемы даже между ног своих лошадей, утомляют глаз зрителя. Его дизайн никак не соответствует форме материала, из которого сделан, точно так же, как фризы и дадо современного дизайнера не соответствуют четырем плоским поверхностям его стен. Жизненно важными качествами хорошего греческого искусства являются самоконтроль, подчинение художника своей работе и совершенная адаптация художественной формы к рассматриваемому предмету. Стиль Dipylon нарушает все эти каноны хорошего вкуса. Этому должно быть объяснение.

Легко заметить, что орнамент дипилонской вазы заимствован из чужеземной техники. Гончарное дело никогда не требовало от художника разделять свое поле на параллельные полосы с бордюрами и бахромой. Очевидно, что этот стиль заимствован из рукоделия, вышивки или гобелена. Вы можете видеть стежки и нити во многих узорах. Примитивный гобелен обязательно бывает линейным, геометрическим и прямоугольным.

Теперь все становится ясно. В Греции доминирует мужская раса воинов, лишенная искусства по традиции предков. Музыку они любили всегда. Они щедрые покровители барда, который поет хвалу их предкам. Им нравятся красиво оформленные броши или золотые кубки. Но у других искусств покровителей нет. Пока их повелители сражаются и много пьют, женщины постоянно работают у своих ткацких станков. Единственное искусство, которое процветает, - это текстильное искусство, и оно в основном изготовлено по образцу азиатских импортных тканей. Горшечник - жалкий, презираемый раб, вероятно, принадлежащий к древней расе. Он утратил всю свою мужественность и большую часть вкуса, его не поощряют делать свои дешевые горшки красивыми, и у него нет моделей для дизайна, кроме узоров на гобеленах или металлических изделиях. Вся прекрасная фаянсовая посуда Кнососа и Камареса разбита или зарыта под землю.

Однако даже стиль Дипилона постепенно совершенствовался. Сохраняя свой геометрический характер, вазопись совершенствуется в рисунке и цвете, пока в ранних аттических работах,

таких как знаменитая ваза Франсуа[14] мы не достигаем впечатляющей красоты рисунков. Здесь лошадь становится любимым видом животных. Когда гончары продвинулись достаточно далеко, они начали работать со сценами героических легенд и мифологии, тщательно помечая своих героев их именами. Горгона, которая часто фигурирует у Гомера, например, на щите Агамемнона и эгиде Афины, начинает становиться видом искусства в период Дипилона; то же самое происходит со сфинксом и грифоном, которые, как ни странно, не появляются у нашего Гомера.

Дом Героя

Содержание

На Крите искусство обитало во дворцах; в классической Греции оно обитало на рыночной площади и в храмах. В настоящее время искусство ограничено домом. Если мы можем судить по очаровательным “внутренним” картинам, которые Гомер наиболее искусно вводит в качестве корешка к вечному лязгу оружия в "Илиаде", домашняя жизнь была самой богатой и лучшей в эпоху эпоса. Каждый был поражен достойной и важной ролью, которую женщины играли у Гомера, в отличие от их уединенности и заброшенности в исторической Греции. Никто, кроме Шекспира, не подарил нам столь очаровательной серии женских портретов, как Андромаха, Елена, Пенелопа, Навсикая, Фетида и Калипсо. Гениальный Сэмюэл Батлер на самом деле попытался доказать, что "Одиссея" была написана женщиной, настолько сочувственно поэт относится к женской точке зрения. Но то же самое в равной степени верно и для "Илиады"; и, действительно, уважение к женщинам становится частью героической традиции даже в аттической трагедии, так что зрители в афинском театре, должно быть, видели, как героини на их сцене действовали свободно и относились к ним с почтением, которое было совершенно чуждо их собственным домам.

Но даже на этом, самом высоком уровне, семейность греческой жизни далека от современных представлений, а достоинство жен героев несколько иллюзорно. Возможно, эти несоответствия опять же объясняются множеством рук и многими сменяющимися друг друга поколениями, которые внесли свой вклад в создание эпоса. Конечно, для сторонников моногамии матримониальные представления героев далеки от исключительных. Агамемнон объявляет о своем намерении забрать Хрисенду домой, поскольку она нравится ему больше, чем его дорогая жена Клитемнестра, и не скрывает, какое положение ей предстоит занять. Он действительно забирает Кассандру домой, к своей жене. В "Одиссее" мы также находим намек на явно восточные аранжировки в том, что Пенелопа говорит о своем сыне и пятидесяти служанках. Опять же, существует разительный контраст между нежной супружеской преданностью Гектора и Андромахи, или Одиссея и Пенелопы, и необычайной бессердечностью, о которой иногда говорят в отношении женских прелестей. Часто в качестве примера утонченности Гомера отмечается, что он нигде не описывает красоту Елены, чье лицо

“Спустил на воду тысячу кораблей
И потряс самые высокие башни Илиона”,

только указывая на это, заставляя стариков Трои смотреть на нее, когда она проходит мимо, и говорить друг другу: “Неудивительно, что греки и троянцы так долго терпели боль из-за такой

женщины. Ее облик чудесен, как у бессмертных богинь”. Эти предания о силе любви и красоты должны принадлежать первоначальному эпосу; ибо весь сюжет "Илиады", насколько в нем есть сюжет, вращается вокруг красоты Елены, как весь сюжет "Одиссеи" зависит от любви Одиссея к своей жене и постоянства Пенелопы. Таким образом, оба эпоса имеют основу, которая могла бы лечь в основу современной романтической прозы. Тем не менее, дух романтики так же начисто отсутствует у Гомера, как и во всем истинно греческом искусстве и литературе. Хотя Агамемнон очень зол из-за потери Хрисенды, он не испытывает к ней любви. Одиссей просто устает от прелестной нимфы Калипсо и расстается с очаровательной Навсикаей без всяких угрызений совести. Подобные потрясения постоянно подстерегают современного читателя, который питается романтикой в детской.

Если мы посмотрим на дома, в которых разворачиваются бытовые сцены Гомера, мы обнаружим, что их простота резко контрастирует с тщательно продуманными дворцами Крита или Тиринфа; и это несмотря на очевидное намерение барда изобразить их в масштабе героического великолепия. В основном они построены из дерева. Парижский дворец состоит из трех частей — *таламоса, дома и ауле*. *Таламос* - это частная часть дома, в которой находится брачное ложе королевской четы. *Дома*, или *мегарон*, является общественным залом для приема пищи и приемов. *Ауле* - это двор с окружающими его колоннадами. У Приама была большая семья: пятьдесят сыновей спали со своими женами в пятидесяти *таламоях* из полированного камня, построенных за пределами его двора, в то время как его дочери спали со своими мужьями в двенадцати *крытых* покоях внутри двора. Дворец Одиссея более изыскан и так и задумано, ибо переодетый странник говорит: “Воистину, это прекрасный дом Одиссея, и его легко узнать и отличить даже среди многих. Ибо там есть здание за зданием, и двор дома искусно обнесен стеной и наличниками, и есть хорошо пригнанные двойные двери ”. Стоя за входной дверью, он может уловить по запаху жареного мяса, что там продолжается банкет. Здесь нет особого великолепия. Перед “хорошо пригнанными дверями” находится куча навоза, на которой спит старая собака (можно заметить, что подобная навозная куча украшает двор дворца Приама в городе Троя). За дверями находится *мегарон*, где проходит банкет. Одиссей садится на пепельный порог, прислонившись к колонне из кипарисового дерева, которую особенно хвалят за ее прямоту. Телемах берет кусок мяса, “столько, сколько могут обхватить его две руки”, и целую буханку из красивой корзинки, а Одиссей (переодетый нищим) съедает их из своего грязного кошелька, сидя на пороге. Этот порог под портиком зала является обычным местом встреч нищих, и именно там укладывают спать незнакомцев. Внутри зала есть верхняя комната, где Пенелопа спит и живет со своими служанками. Женихи устанавливают в зале три жаровни, чтобы дать им свет, и набрасывают на них кучу дров и сосновых головешек; в результате зал настолько полон дыма, что оружие приходится убирать в кладовую, чтобы сохранить его пригодным. Одиссей, спящий в “продомосе” зала, может услышать замечание, сделанное одной из двенадцати мелющих женщин, у которых есть свои ручные мельницы в соседнем доме. Под той же гулкой колоннадой, где спит Одиссей, днем на привязи держат коз и крупный рогатый скот. Стены самого зала деревянные, потолок деревянный, а пол из утрамбованной земли, потому что его чистят лопатой, а огонь из жаровен выгребают на пол. Что касается комнаты для новобрачных, то Одиссей сам построил ее из камня, и в ней стояло чудесное ложе, сделанное героем из живого оливкового дерева. Наконец, там была довольно неприметная задняя калитка, расположенная высоко в стене зала над каменным порогом и выходившая на открытую галерею. Таким образом, особенностью дома Одиссея является то, что он двухэтажный; в остальном он состоит, как обычно, из трех частей — зала, двора и покоев.

Наши ученые археологи приложили все свои интеллектуальные усилия к тому, чтобы привести эти гомеровские дома в соответствие с дворцами Микен и Тиринфа, но они обнаружили, что это тяжелая работа. Им пришлось признать, что дворец Одиссея намного проще, чем самый убогий из египетских дворцов. И все же наш поэт намеренно рекламировал его как нечто из ряда вон выходящее. Разве это не свидетельствует о чрезвычайной бедности воображения? Он даже не смог сделать свои героические жилища такими же великолепными, как настоящие здания, в которых он пел свои песни. Что мы должны думать о романисте, который утверждал, что пишет о герцогинях, и описывал их сидящими в роскошных парадных залах? Конечно, мы знаем объяснение. Безнадежно пытаться синхронизировать эпоху Гомера с эпохой египетских дворцов. Гомер жил в условиях совершенно низшей цивилизации в том, что касается богатства и комфорта. Точно так же, как мы видели, что его “короли” были всего лишь деревенскими сквайрами, так и его “дворцы” - не более чем фермерские дома, со всем их живописным убожеством и простотой. Грязь и великолепие могут идти рука об руку, как в наших собственных средневековых залах, но в гомеровской цивилизации великолепие существует только в сердце поэта. Его материальное окружение идеально иллюстрируют дипилонские вазы.

Мир Гесиода

Содержание

Гесиод - Золушка греческих поэтов, которой пренебрегают как редакторы, так и школьники. И все же когда-то он стоял на одном уровне с Гомером. В действительности он является дополнением Гомера, и ни одна картина греческого средневековья не может быть полной без него. Паросский мрамор устанавливает Гесиода на тридцать лет раньше Гомера, Геродот помещает их обоих примерно в 850-800 годах до н.э. Основными работами Гесиода являются две: “Труды и дни” и “Поколения богов” или “Теогония”. Обычно считается, что “Труды и дни” представляют собой трактат о земледелии, но, по-видимому, по своему происхождению это письмо с увещеваниями злому брату Персису, который изгнал Гесиода из его владений. Письмо щедро расшито моралью, максимами и примерами из мифологии. Персис призывает заниматься трудолюбием и хорошим сельским хозяйством, для чего даются некоторые подсказки из пословиц. Но главный смысл этой любопытной путаницы заключается в повторении жалоб на “королей-взяточников” — всегда во множественном числе, — которые вынесли коррупционное решение против поэта по иску его брата. Никто не претендует на то, чтобы видеть у Гесиода настоящую монархию или что-то еще, кроме олигархии, однако его правителей зовут βασιλεῖς, как и правителей Гомера. “Труды и дни” содержат также самые ранние версии двух самых известных легенд, которые вместе составляют греческую историю сотворения мира, историю о том, как Прометей украл огонь с небес, и историю Пандоры, Кануна греческой мифологии. Главный интерес для современных читателей представляет очень причудливый и любопытный список табу и некоторые личные воспоминания, которые составляют, я полагаю, старейший из существующих фрагментов автобиографии. Он уже описал мореплавание как очень неприятное занятие, которого следует по возможности избегать; теперь он советует своему брату “дождаться подходящего дня отплытия, и когда он наступит, тогда вытащи свой быстрый корабль в море и уложи на нем подходящий груз, чтобы ты мог вернуться домой с прибылью; точно так же, как мой отец и твоя самая безмозглая Персис совершали плавания ради честной жизни. Однажды он прибыл даже в эту страну после долгого путешествия на черном корабле из Кимы, что в Эолиде, отвернувшись не от богатых ресурсов и

процветания, а от страшной бедности, которую Зевс дарует людям. И он жил недалеко от Геликона, в этой нищей деревушке Аскра—Аскра, мерзкой зимой, неуютной летом и совсем не хорошей. Но ты, моя Персис, будь благоразумна во всех своих делах, но прежде всего в мореходстве хвали маленькое судно, а груз свой клади на большое. Фрахт будет больше, а прибыль больше, если ветры прекратят свои ужасные штормы. Всякий раз, когда ты обратишь свое опрометчивое сердце к торговле, желая избежать долгов и безрадостного голода, я покажу тебе пределы громоподобного материка, не будучи совсем искусным в мореходстве или на кораблях, ибо я никогда не плавал по широкому морю на корабле, за исключением того случая, когда я переправился на Эвбу из Авлиды, где ахейцы в давние времена были скованы штормами, когда они собрали могучее воинство из святой Эллады для Трои прекрасных женщин. Там я отправился в Халкиду, чтобы попытаться получить призы мудрого Амфидамаса” (то есть призы, предлагаемые на его погребальных играх), “множество хорошо подготовленных призов, которые предлагали его знатные сыновья. Там я хвастаюсь, что выиграл приз за гимн, и принес домой треножник с ручками, который я установил для Муз Геликона, где они впервые научили меня быть бардом с чистым голосом. Я так мало испытывал хорошо отчеканенные корабли, но все же я открою разум Зевса, носящего эгида, ибо Музы научили меня петь гимн без границ ”.

Монета из Кротона с изображением Треножника

Чудной старина Гесиод! Как это похоже на литератора всех времен! Он никогда не бывал в море, кроме как на пароме через ла-манш, но благодаря своим литературным способностям способен обучать других сухопутных жителей навигации. Поэтому с помощью Муз он провозглашает разум Зевса: “Никогда не выходи в море в шторм!”

Ну, это обратный Гомера медали: Бог-взрастили королей, откровенно показали, как продажные дворяне, безжалостный труд на каменистой фермы, рискованные коммерческие предприятия в малых немореходных судов, эмигрант возвращался домой, в Вæotia в бедности от своей Эльдorado в Æolis, суеверие, и пессимизм.

Корабль Одиссея. Из вазы

III

ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ

Содержание

οὐ μὴν οὐδ' ὑπαρχόντων τούτων πάντων ἤδη πόλις,
ἀλλ' ἡ τοῦ εὖ ζῆν κοινωνία.—Aristotle.

Пришествие Аполлона

Содержание

Он приносит мужчинам и женщинам лекарства от их тяжких болезней, он дает арфу и дарует Музу тому, кому пожелает; он управляет своим святилищем оракулов, принося мир и законный порядок в наши сердца; он укрепил потомков Геракла и Эгимиуса в Лакедемоне, Аргосе и святейшем Пилосе”. Таково краткое описание атрибутов дорийского бога фиванским поэтом. Целительство, игра на арфе и лирическая поэзия, дисциплина, поддерживаемая дельфийским оракулом, и дорийское правительство Спарты, Аргоса и Мессении — вот дары Аполлона Греции. Здесь нет ничего, что связывало бы его с поклонением природе. Он даже не связан со светом или солнцем.

Мы уже познакомились кое с чем из самых ранних слоев религиозных верований на греческой земле. Эгейское богослужение было в основном “аниконическим фетишизмом”, то есть поклонением неодушевленным, возможно символическим, предметам, таким как камни, колонны, кресты, топоры, рога и деревья. Затем существовали животные божества, возможно, тотемистического происхождения, такие как богиня-змея, богиня-голубь и человек-бык, или Минотавр, силы, в основном олицетворяющие плодovitость. Несомненно, существовало также поклонение привидениям; ибо умерших в гробницах толоса, безусловно, чтили жертвоприношениями, и, весьма вероятно, поначалу человеческими. По-видимому, на этих этапах развития религии вообще не существовало храмов; это была скорее система частных местных культов в огромном и сбивающем с толку разнообразии. Но несомненно, что эгейские народы еще до конца развили несколько полностью антропоморфных божеств. Некоторые из обычных олимпийских божеств исторической Греции, по-видимому, частично, а некоторые и полностью принадлежат к этой более ранней цивилизации. Посейдон, бог моря, Гермес, аркадский бог-пастух, и Деметра, или Мать-Земля, относятся к последнему классу, с таинственными формами, такими как Судьбы, Проклятия, Гарпии и Сирены. Но древняя религия не отличалась исключительностью; новые божества довольно легко принимались в политеистические системы, хотя в некоторых случаях велась длительная борьба за то, чтобы не допустить их появления. Гесиод отмечает, что у божеств есть много имен для одной формы, и часто двойное имя свидетельствует об ассимиляции, например, Фебус Аполлон или Афина Паллада. Действительно, в большинстве случаев великое имя олимпийского бога охватывает множество второстепенных божеств с различными, а иногда и совершенно противоположными атрибутами. Таким образом, национальный Зевс поглотил бесчисленное множество местных героев, как тогда, когда лаконийцы поклонялись Зевсу Агамемнону.

Все эти процессы изменений отражены в мифологии. Может показаться, что мифологи, или, как мы бы сказали, опытные теологи, задались целью примирить людей с новыми формами богослужения, придумывая восхитительные истории, объясняющие произошедшие изменения. Гомер и Гесиод занимались именно такой работой. Например, введение Северного Зевса было осуществлено посредством любопытного мифа. Было решено, что он не всегда был Царем

Небес; раньше правил его старый отец Кронос, тот, чьей женой была земля. Зевс родился на Крите, то есть был привязан к

Лист XIII. ГЕРМЕС КРИОФОР: (НЕСУЩИЙ ЯГНЕНКА)

древняя критская история о божественном рождении, в котором коза вскормила младенца грудью. Это указывает на переход от животного божества к антропоморфному, точно так же, как и старая Мать-Волчица из римской легенды. Несомненно, некоторые художественные изображения козы и волчицы играют свою роль в таких историях. Опять же, говорят, что Кронос пытался сокрушить узурпатора в зародыше, проглотив его опасное дитя, но вместо этого проглотил камень. Возможно, это относится к переходу от поклонения камням и колоннам. Еще более поучительными являются легенды о соперничестве божеств за поклонение в определенном святилище. Обычным способом представления Зевса было сделать его отцом местного героя. “Бог, ” говорит Вольтер, “ сначала создал человека по Своему подобию, и с тех пор человек отвечает ему взаимностью”. Секрет антропоморфной религии в том, что верующий поклоняется самому себе, или, скорее, идеализированному видению самого себя, спроецированному на общественное представление о его боге. Человеческое сердце обладает неограниченной способностью таким образом приспособливать свою веру к своим привычкам. Антропологи постоянно говорят нам о живучести древних культов, несмотря на притворную смену веры, о ритуалах, принадлежащих Артемиде, перенесенных на Деву Марию, о панихидах по Адонису, превращенных в оплакивание Христа. Часто, когда вежливый антиквар Павсаний спрашивал греков своего времени об объектах их поклонения, он получал противоречивые ответы. Вот как становится легко обращаться в свою веру, если вы довольствуетесь тем, что оставляете ритуал неизменным, и именно так Аполлон добился того, что его признали богом юношества по всей Греции. Действительно, у Гермеса, очень древнего божества, был соперник - бог молодого человека. Остатки античного аниконического культа связаны с Гермесом: его статуи даже в классические времена состояли из трех частей столпа и одной части бога. Он бог-пастух Аркадии,[\[15\]](#) и аркадцы представляют более чистый, чем любые другие народы Греции, коренной эгейский слой. Гермес тоже бог музыки, но его инструмент

Лира

Cithara

- это лира, которая по форме и конструкции напоминает современную мандолину, поскольку корпус был сделан из панциря черепахи, коренного греческого животного, с натянутой на него декой из пергамента. Аполлон правильно играет на кифаре, или Северной арфе. Популярность Гермеса сохранялась повсюду, потому что он стал отождествляться с Удачей, а Удача - это единственный бог, которому мы все поклоняемся. Он также связан с торговлей; именно он заключает выгодные сделки; и, как мы видели, аборигенный слой Греции обеспечил эллинским расам элемент торговли. Этот атрибут презиравшие торговлю воины господствующей расы обратили на его дискредитацию, ибо бедный Гермес у Гомера и вообще в литературе становится шулером самого худшего описания. Если вы спросите: “Кто украл коров?”, ответ будет: “Гермес”. Он посланник Зевса, но он также и его шпион. Гермес, таким образом, был посажен слишком прочно, чтобы быть вырванным с корнем вторгшимся Аполлоном. Но, похоже, что какой-то бог мужского пола более древней расы был поглощен и телесно инкорпорирован под этим именем. Ибо в классической Греции есть два соперничающих Аполлона: один - делийский, или синтийский, Аполлон, центром культа которого был остров Делос, другой - истинный дорийский бог, называемый пифийским Аполлоном, которому поклонялись прежде всего в Дельфах. Делосское святилище было центром ионийцев, а впоследствии Делос стал штаб-квартирой Афинской морской лиги и Ионических государств. Делос хвастался тем, что был местом рождения бога, и мифология представляла замысловатое рождение этого Аполлона и его сестры Артемиды. Сохранились “гомеровские” гимны обоим Аполлосам, и интересно отметить, что ионийский бард, восхваляющий Аполлона Делосского, упоминает все центры его поклонения в длинном списке, который полностью совпадает со списком афинских союзников по Делосской конфедерации. Но этот делосский Аполлон не важен; во многих отношениях он является лишь бледным отражением другого, и его популярность в основном зависела от чрезвычайной святости маленького острова Делос.

Фото 14. ПАНОРАМА ДЕЛЬФ (см. стр. 69)

Истинный Аполлон - это северный бог, у которого был свой дом в Дельфах. Он и его поклонение играют такую заметную роль в становлении классической Греции в отличие от доисторической и героической Греции, что я ставлю его в авангарде этой переходной эпохи. Дельфы - одно из самых впечатляющих мест Греции, расположенное высоко в узкой долине, со всех сторон окруженной отвесными и почти внушающими благоговейный трепет скалами.^[16] Несколько раз в истории Греции опрометчивым захватчикам не удавалось проникнуть в это таинственное святилище. Величие бога и ужасы его обители были достаточной защитой. Из мифологического представления о его пришествии ясно, что до Аполлона в Дельфах уже существовал древний оракул, источником которого была змея по имени Пифо. Змеи фигурируют в основном в анимистическом культе древней расы как олицетворение духов умерших, выходящих из земли. В мифе описывается, как Аполлон пришел и победил этого змея. Он построил великий храм в этой долине Парнаса и занял место Земли, или Фемиды, как пифийский Аполлон, повелитель дельфийского оракула.

Аполлон - самый мужественный бог Олимпа, поскольку он является представителем самой мужественной расы Эллады, дорийцев. Он - бог молодых спортсменов. Если мы проследим историю его типа в искусстве, то сначала увидим его рудиментарной мужской фигурой, только что вышедшей из формы колонны. На этих ранних статуях он всегда обнажен, и нелегко сказать, сколько из так называемых ранних Аполлонов представляют бога, а сколько - просто статуи мужчин-атлетов. Это не имеет большого значения, ибо бог и его поклоняющийся - одно целое. Поначалу здесь мало экспрессии, как в "Аполлоне Орхоменском",^[17] поскольку художник все еще борется со своим неподатливым материалом, радуясь, что его резец может придать мрамору подобие человеческой формы. На следующем этапе, представленном "Тенейским Аполлоном", скульптор достиг значительного мастерства в обращении со своими инструментами и преуспел в достижении своей главной цели, а именно в точном выражении мускулов мужского тела.^[18] Читатель заметит "архаичную ухмылку" на лицах всех богов и богинь того периода. Вероятно, это попытка указать на благосклонность божества; бог улыбается, когда намеревается исполнить молитву своего просителя. Аполлон всегда был богом врачевания; Эскулапий был его сыном, а Гигия - его дочерью. Постепенно художники учатся выражать доброжелательность менее грубо,^[19] и все время они больше изучают анатомию и совершенствуют владение своими инструментами, пока в славном пятом веке Алкаменес (который, кстати, был афинянином) не смог создать благородную фигуру, которая стоит спокойно и мощно, каждый дюйм которой - бог, посреди изображения битвы на Западном фронте великого храма в Олимпии.^[20] Изучите этого бога. Если вы сможете полюбить его, вы узнаете секрет величия Дориана. Он очень прост, серьезен и суров; в нем есть аскетизм хорошего спортсмена, который знает, что значит дисциплина ради своего клуба или страны. Вы должны судить о нем как об архаичной работе, вы должны допустить, когда критикуете жесткость его прически, использование тонировки и короны из позолоченных лавровых листьев, которая когда-то проходила через ложбинку под его волосами. Вы заметите, что что-то не так с углом наклона его век, которые смыкаются, не накладываясь друг на друга. Скульпторы следующего поколения научились исправлять это, но они никогда не задумывали более величественную фигуру бога, которому мог бы достойно поклоняться джентльмен или спартиат. Конечно, это не храмовое изображение; это всего лишь одна из деталей орнамента под фронтоном в задней части храма, но это замысел великого художника. После этого они стали слишком много думать о красоте Аполлона и молодых спортсменов в целом, поклоняясь обоим с экстравагантной преданностью. Гермес как более грациозный и чувственный молодой бог

начал вытеснять Аполлона в пользу Искусства. Наконец мы добираемся до щеголеватой молодой щеголихи с замысловатой прической и изученным

Табличка XV. “АПОЛЛОН” ИЗ ОРХОМЕНА

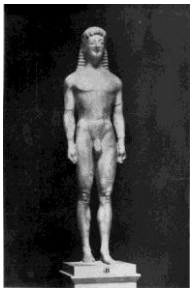
English Photo Co., Афины

театральная поза Аполлона Бельведерского, который казался нашим прадедам совершеннейшей из греческих статуй, хотя его изваяли в соответствии с декадентским вкусом в те дни, когда Греция утратила саму память о мужественности. Другой противоречивый, но, я полагаю, в равной степени дорийский тип Аполлона представляет его в струящихся и почти женственных одеждах музыканта. Это Аполлон - художник, а не атлет, Аполлон, возглавляющий хор Муз на Парнасе.

Возвращаясь к богу и его оракулу: дорийцы поселили его в Дельфах по пути на юг около 1000 г. до н.э., и когда они захватили весь Пелопоннес, за исключением Аркадии и Ахайи, оккупировав южные острова, включая Крит, и распространившись даже на юг Малой Азии, Дельфы стали их центральным святилищем и оракулом. Дельфийские жрецы так умело управляли этим оракулом, что он стал общим центром советов для всей Греции, пока не превратился в своего рода средоточие греческой национальности. Даже полуварварские монархи, такие как Крез Лидийский, обращались к нему за советом и оплачивали его оракулов щедрыми посвящениями. Поскольку в Дельфы продолжали прибывать послы со всех концов греческого мира, у жрецов была хорошая возможность собирать информацию. Они были особенно сильны в географии, и если город обнаруживал, что его население увеличивается за пределы площади его стен, или если нужно было избавиться от банды озорных молодых дворян, или если город искал новые коммерческие возможности, он отправлял посольство в Дельфы, чтобы проконсультироваться с Аполлоном о подходящем месте для новой колонии. После должных жертвоприношений и различных таинственных обрядов, призванных обеспечить надлежащий дух благоговения, их вводили в самое сокровенное святилище, где жрица восседала на треножнике над такой же трещиной в земле, где когда-то устроил свое логово старый змей Пифон. Здесь был конический камень, символизирующий омфалос, или пуп земли. Тогда пифийскую жрицу охватывало вдохновение, она впадала в своего рода припадок или транс, вызванный, как говорят, горящими листьями лавра, и в ходе этого она произносила дикие и головокружительные слова. Прежде чем вы уйдете, священники передадут вам суть ее замечаний, аккуратно составленных в довольно слабых стихах гекзаметром. Очень часто совет оказывался превосходным, поскольку священники знали свое дело. В противном случае они обычно могли указать, что их слова имеют совершенно иное толкование, если бы у вас хватило ума понять их. Таким образом, Крез спросил, должен ли он начать войну с растущей мощью

Персии; ему ответили, что если он это сделает, то уничтожит могущественную империю. После успеха Кира оракул, конечно, объяснил, что Крез фактически уничтожил могущественную империю, а именно его собственную.

Гибкий интеллект греков потратил значительную часть своей изобретательности на изобретение умных *двусмысленностей*, подобных этому, но я боюсь, что дельфийские жрецы на самом деле были виновны в значительной части низкого обмана, хотя они вряд ли завоевали бы доверие народа, как это было, если бы такого рода ответы были их обычной практикой. В политике они играли очень важную роль до персидских войн, когда их более точное знание внешних дел заставило их переоценивать власть Дария и Ксеркса и призывать к подчинению, чем они несколько подрывали свой авторитет. Они сформировали своего рода международное бюро, своего рода Гаагу, хотя и не всегда на стороне мира, для государственных деятелей Греции. Два учреждения, в частности, сделали их очень посещаемым святилищем; одним из них были Пифийские игры, вторые по значимости из четырех великих религиозных и спортивных праздников Греции, а другим был Дельфийский Амфиктионий. Последняя представляла собой международную лигу религиозного поклонения, которая временами выглядела так, как будто собиралась перерасти в настоящую панэллинскую конфедерацию. Дельфы проникли сюда, вытеснив гораздо более древний религиозный союз соседей в Антеле. Даже в исторические времена амфиктионы или их делегаты встречались попеременно в святилище Деметры в Антеле и в храме Аполлона в Дельфах. Собрание было в основном посвящено общему богослужению, но некоторые мероприятия касались международной политики, и была произнесена старая амфиктионическая клятва

Табличка № 16.—аполлон тенейский.

Hanfstaengl.

напоминает Женевские конвенции, в которых члены лиги обязались не перекрывать водопровод ни в одном другом городе лиги. К сожалению, застарелые распри греков часто приводили к злоупотреблению этой лигой в политических целях, и вместо того, чтобы насаждать священный мир, мы часто обнаруживаем, что она ведет священные войны.

Мы видели, что Пиндар поместил *евномию*— хороший порядок — среди даров Аполлона. Подобно Афине, Аполлон очень интересовался политическими и конституционными системами. В течение седьмого века, когда Дельфы впервые начали расширять свое влияние, мы обнаруживаем, что оракул намеренно претендует на авторство некоторых из самых знаменитых правовых и конституционных систем того времени. Спарта была не только главным государством дорийцев, обладавшим преобладающим влиянием или гегемонией над всей

Южной Грецией, но и обладательницей самой сложной и успешной политической системы во всей стране. Мы видим, что дельфийский оракул намеренно позиционирует себя как основателя этого доброго ордена. Историк Геродот получил большую часть своей информации от оракула, и он рассказывает нам его версию о том, как некий Ликург прибыл в Дельфы, чтобы попросить законы и конституцию, и получил это от бога. Но самих спартанцев это еще не убедило. Они все еще верили, что их институты были истинно дорийскими — как, собственно, в основном и было, — восходящими к их первоначальным лидерам, “сыновьям Геракла”, и очень напоминающими институты дорийского Крита. Поколение или два спустя после Геродота дельфийские притязания были признаны, поскольку авторы конституций всех партий были рады принять санкцию бога на конституцию в том виде, в каком они по-разному ее интерпретировали. Таким образом, Ликург, который первоначально был неизвестным героем с полузабытым культом, стал считаться спартанским законодателем и автором замечательной системы жизни и правления, которую мы сейчас опишем. Они сделали то же самое для известных правовых систем Запада, утверждая, что вдохновили Залевка, законодателя из Локри, и Харондаса из Катане на создание их кодексов. Есть некоторые указания на аналогичные разбирательства в отношении Солона Афинского, но они не имели большого успеха среди рационалистически настроенных поклонников Афины, которая была такой же покровительницей закона и порядка, как и сам Аполлон. Дельфы стремились перенять мудрость Семи мудрецов, в основном ранних исторических философов, принадлежащих к этим переходным эпохам. Аполлон даже претендовал на философию Пифагора, чье имя, как правило, связано с предполагаемым дельфийским происхождением. Благодаря подобным средствам дельфийский оракул стал главным святилищем Греции и оказал очень большое влияние, которое, однако, некоторые современные ученые склонны преувеличивать.

Легкая атлетика

Содержание

Пришествие Аполлона и его дорийцев также послужило мощным толчком для развития культа легкой атлетики в Греции. Боксеры и тореадоры Кносса доказывают, что легкая атлетика уже была на греческой земле до прихода северян, и один этот факт должен доказывать, что более ранняя цивилизация не была азиатской, во всяком случае, не семитской. Но ахейцы и дорийцы также были преданы мужскому спорту. У них это, по-видимому, с самого начала имело религиозное значение, особенно в связи с похоронами и поклонением предкам. В "Илиаде" похороны Патрокла отмечены спортивными состязаниями у его могилы. Программа этой ранней встречи была тщательно продумана. В современном техническом стиле это можно было бы описать примерно следующим образом:

Гонки на колесницах. Первый приз: безупречная, совершенная женщина и треножник с ручками. Второй приз: племенная кобыла. Третий приз: новый чайник. Четвертый приз: два таланта золота. Пятый приз: Новая сковорода с двумя ручками.

Антилох выиграл жеребьевку и занял внутреннюю позицию. На первом круге было мало шансов, но на закруглении поворота команда Эвмелуса вырвалась вперед, а Диомид шел вторым, вплотную. Феб Аполлон выбил хлыст из руки Диомеда, после чего Афина Паллада в ответ сломала ярмо вождя, при этом погонщик был серьезно ранен. Результат: Диомид 1, Антилох 2, Менелай 3, Мерионес 4, Эвмел 0. Пятая премия была присуждена Нестору как самому старому

присутствующему участнику. Возражения Менелая Антилоху по поводу опасного вождения были улажены мирным путем.

Боксерский поединок. Приз: Шестилетний мул. Утешительный приз: Кубок с двумя ручками.

Фото XVII. "СТРЕЙНДЖФОРДСКИЙ АПОЛЛОН"

Мэнселл и Ко.

Эпей и Эвриал были единственными участниками. Эпей досрочно победил, попав в челюсть фиванскому чемпиону в первом раунде и нокаутировав его, как рыбу, вытащенную из воды.

Борцовский поединок. Приз: Большой треножник стоимостью двенадцать быков. Утешительный приз: умная женщина стоимостью четыре быка.

Из двух борцов Аякс продемонстрировал превосходство в силе, но Одиссей превосходил его в науке. Похоже, это была обычная драка, оба чемпиона были схвачены черно-синими; выбирать между ними было не из чего, и после упорной борьбы матч был признан ничьей.

Пеший забег. Первый приз: Красивая серебряная чаша для пунша сидонского производства. Второй приз: жирный бык. Третий приз: Пол-таланта золота.

Одиссей, ничуть не пострадавший после своей недавней схватки, вышел на поле с преимуществом в три очка. Первым промахнулся Аякс, сын Оилея, за ним последовал Одиссей. Последний, не сумев договориться со своим более быстрым соперником, взмолился Афине Палладе о помощи. Приблизившись к призам, Аякс пал, и Одиссей был объявлен победителем. Возражение, поданное Аях на основании небесного вмешательства, было отвергнуто с насмешкой.

Фиктивный поединок. Приз: Доспехи Сарпедона.

"Диомед" и теламонианский "Аякс" были настолько равны, что это событие также было признано ничьей.

Выставляем вес. Приз: Кусок натурального железа.

Polypoetes выиграли это соревнование с рекордным результатом на фоне всеобщего энтузиазма.

Стрельба из лука. Первый приз: десять двойных топоров. Второй приз: десять одиночных топоров.

Меткой был голубь, привязанный к мачте. Тевкр выиграл бросок и выстрелил первым, промахнувшись мимо птицы, но перерезав бечевку, на которой она была привязана. Вслед за этим Мерионес схватил лук и, поклявшись совершить гекатомбу Аполлону, пронзил голубя в сердце, доказав тем самым свое право на главный приз.

Метание копья. Первый приз: Декоративный котел стоимостью в одного быка. Второй приз: метание копья.

Подошел Агамемнон.

Даже в описании этих игр представляется весьма вероятным, что имел место процесс накопления, в ходе которого более поздние барды добавляли события в соответствии со своей фантазией. Некоторые из более поздних поединков описаны с гораздо меньшей энергией и мастерством, чем предыдущие. Однако важно отметить, что с самого начала греческая легкая атлетика была частью религии. Они были написаны в серьезном, религиозном духе, в честь какого-нибудь бога или умершего героя. То же самое было и с поэзией. Эпос, конечно, был посвящен богам и героям. Ранняя лирика также была в основном религиозной, какой бы ни была ее тема. Мы видели, как Гесиод продемонстрировал свои поэтические таланты на песенном состязании, устроенном в честь похорон

Амфидам. Трагедия, как теперь говорят, возникла из похоронных припевов. Похоже также, что великие дельфийские игры — Пифийские игры — развились из музыкального состязания. Говорят, что истории Геродота декламировались на Олимпийских играх, и в более поздние времена ораторы использовали их как повод для всегреческих речей. У греков не существовало разделения между интеллектом и мускулатурой. И то, и другое было необходимой частью *арете*, качества совершенного мужчины. Мы, люди, любящие спорт, поэтому во всей литературе нам нет ничего более трудного для понимания, чем творчество Пиндара, беотийского поэта начала пятого века. Его профессиональным занятием было только написание Эпиникии, песен и музыки для празднования спортивных состязаний на великих играх - Пифийских, Немейских, Истмийских и Олимпийских. Но дух, с которым он подходит к своей задаче, подобен духу человека, пишущего о самых торжественных и важных достижениях в мире. Он предполагает, что успех в юношеском поединке по борьбе или на бегах мулов - это эпизод в истории страны успешного спортсмена, и не считает неуместным говорить о богах и героях на одном дыхании. “Повсюду сияет слава Олимпийских игр, слава, завоеванная в гонках Пелопса, где соревнуются быстрота ног и подвиги силы, выносливости в труде. Всю свою долгую жизнь победитель будет наслаждаться славой песни в ожидании своей награды. Ежедневное блаженство - высшее благо для каждого человека”. Мы не сможем понять преданный дух Пиндара, пока не осознаем, что греки посвящали свою телесную силу и изящество почитанию небес и служению им. Еврей восхвалял Иегову в танцах и песнях; грек чтил Зевса и Аполлона борьбой, состязаниями и красотой тренированных тел.

Олимпийские игры^[21] первоначально принадлежали к службе местных героев, Нома и Пелопса, но по мере того, как они набирали популярность, отец Зевс взял их под свою эгиду. Говорили, что Аполлон обогнал Гермеса в гонке там и

Табличка 18.—Голова аполлона с Западного фронтона, Олимпия.

English Photo Co.

победили Ареса в боксе. Традиционной датой основания фестиваля считается 776 год до н.э., и именно с этой эпохи впоследствии были установлены все греческие даты. Но фактическая дата не имеет особого значения: по происхождению игры были намного старше, и их огромное значение начинается намного позже — начинается, по сути, с реальной гегемонии Спарты. Хотя игры проходили не на территории Спарты, их важность, несомненно, проистекала из поддержки спарты.

Сначала единственным соревнованием был забег пешком, но добавлялись различные мероприятия, пока, наконец, на всю встречу не потребовалось пять дней. Наиболее важными соревнованиями были следующие: (1) Забег на короткие дистанции; (2) двойная трасса; (3) бег в длину пешком; (4) борьба; (5) пятиборье, состоящее из пяти приемов, прыжков в длину, бега пешком, метания копья, борьбы; (6) бокс; (7) гонки на колесницах с четырьмя лошадьми; (8) панкратион, смесь бокса и рестлинга — фактически, поединок между двумя обнаженными безоружными мужчинами, практически без правил; (9) скачки на лошадях; (10) гоплит-забег для солдат в полных доспехах. Помимо этого, было проведено шесть специальных мероприятий для мальчиков и различные другие соревнования, такие как скачки на мулах и рысистые бега, которые не стали постоянными мероприятиями. Там регулярно проводились соревнования герольдов и трубачей.

Жертвоприношения и ритуалы сопровождали каждый этап разбирательства. Перед встречей, которая проводилась каждые четыре года, послы ездили из города в город, провозглашая Священное перемирие. Были приглашены все люди, которые могли подтвердить греческое гражданство. Учитывая ситуацию, в которой оказалась Олимпия, естественно, заручилась поддержкой процветающих общин Сицилии и Южной Италии. Независимо от того, присылали они участников или нет, большинство государств направили бы посольства на фестиваль, и большое внимание было уделено их роскошному оборудованию. Судьи были выбраны по жребию из числа жителей Элиса, которые руководили конкурсом; предварительно они прошли десятимесячный курс обучения обязанностям своей должности. Все участники должны были пройти строгий экзамен на предмет своей квалификации и принести клятву на алтаре Зевса, что они будут соревноваться честно и что они тренировались в течение предыдущих десяти месяцев. Единственным призом была корона из дикой оливы, срезанная с какого-то особо почитаемого дерева, но имя победителя и страна были объявлены собравшейся толпе, и по возвращении его ожидали высочайшие почести. Его приветствовали процессией, провели внутрь через пролом, специально проделанный в стене его города, и предоставили иммунитет

от налогообложения или, как в Афинах, бесплатное питание в Президентском доме на всю его жизнь. Гонки на колесницах были главным объектом честолубия и возможностью для показа богатым. В них соревновались сиракузские тираны, но блистательный афинянин Алкивиад опередил всех конкурентов, отправив не менее семи команд.

Хотя приз был всего лишь духовным, мы не можем сказать, что соревнования всегда проводились в духе чистого любительского спорта. Возможно, стимул к обману был чрезмерно велик. Как бы то ни было, в Олимпии стоял зловещий ряд статуй, посвященных Зевсу, которые были установлены в качестве штрафа спортсменами, виновными в порочащих занятиях, обычно такого рода, которые у нас ассоциируются с "перетягиванием каната" лошадьми. Но если учесть, что Олимпийские игры продолжались почти непрерывно в течение двенадцати столетий — то есть до тех пор, пока император Феодосий не отменил их в 393 году нашей эры, — список таких нарушений не будет чрезмерно длинным.

В подробнейшем описании Олимпии, которым мы обязаны путешественнику Павсанию, есть несколько любопытных историй об играх. Например, он видел статую мальчика Писирода, которого его мать привела на Олимпийские игры под видом тренера, потому что женщинам не разрешалось присутствовать. "Говорят, что Диагор приехал со своими сыновьями Акусилаем и Дамагетом в Олимпию, и когда юноши выиграли свои призы, они пронесли своего отца через собрание, в то время как люди забрасывали его цветами и называли счастливым в своих детях". Затем есть Тимантес, силач, выигравший панкратион. "Он перестал тренироваться как спортсмен, но все же продолжал испытывать свои силы, каждый день натягивая мощный лук. Ну, он ушел из дома, и пока его не было, его тренировки с луком были прекращены. Но когда он вернулся и больше не мог натягивать свой лук, он развел костер и бросился в пламя". Вот мальчик-пахарь Главк, чей отец однажды заметил, как он вставляет лемех в свой плуг кулаком вместо молотка. После этого его отец повез его в Олимпию боксировать, но поскольку у него не было навыков в боксе, он был жестоко наказан и почти избит. Внезапно его отец крикнул: "Дай ему молоток, мой мальчик!" После чего он нокаутировал своего противника, выиграл приз и стал знаменитым боксером. "Кобылу коринфянина Фидола звали Аура; на старте она случайно сбросила своего всадника, но, тем не менее, продолжая мчаться в надлежащей форме, обогнула поворотный столб и, услышав звук трубы, ускорила шаг, первой добралась до судей, поняла, что выиграла, и остановилась".

То, что в культе спортсменов было много экстравагантности, вряд ли могло ускользнуть от критического взгляда людей, которые так ненавидели экстравагантность в любой форме. У откровенного Еврипида была яростная тирада против атлетов в его сатирической драме "Автолик". "Это безумие, - говорит он, - со стороны греков устраивать большое сборище, чтобы посмотреть на таких бесполезных созданий, как эти, чей бог у них в животе. Какую пользу приносит человек своему городу, выигрывая приз за борьбу, скорость, кувырки или удары в челюсть? Будут ли они сражаться с врагом с помощью кувырков? Выгонят ли они врага из своей страны без копий, ударами ног? Никто не разыгрывает подобные выходки, когда стоит рядом со сталью. Гирлянды из листьев должны быть для мудрых и добрых, для справедливых и трезвых государственных деятелей, которые лучше всего управляют своим городом, для человека, который своими словами предотвращает злые дела, предотвращая битвы и междоусобицы. Это настоящее благо для каждого города и всех греков". Двадцать три столетия отделяют это от "Фланелевого дурака у калитки, перепачканного болвана у ворот". Боюсь, что Еврипид привлек к себе внимания не больше, чем мистер Киплинг.

Как и у нас, в последующие дни их профессионализм вырос. Старые идеалы телесной грации и всестороннего совершенства были забыты. Вместо них бокс и панкратион поощряли грубый тип бойцов в тяжелом весе. Тренировки и питание спортсменов стали притчей во языцех в вегетарианской Греции, а романтические спортивные репортеры подробно рассказывали о гастрономических подвигах знаменитых спортсменов.

“Дискобол” Майрона, показывающий голову, повернутую не в ту сторону

Атлетизм, однако, дал грекам то, чего нам не хватает. Именно в моделях палестры и стадиона черпали вдохновение греческие скульпторы. Конечно, для этого искусства было огромным преимуществом иметь возможность видеть обнаженное тело во время упражнений на солнце, и это, в сочетании с естественным греческим чувством формы, является секретом неоспоримого превосходства греческой скульптуры. Совершенная анатомия тела была достигнута еще до того, как удалось должным образом передать лицо. Обнаженная мужская фигура была излюбленной темой искусства пятого века, а необычайного совершенства достигли Мирон и Поликлет. “Дискобол” Мирона, конечно, одна из самых известных древних статуй. Мирон, афинский художник, является старшим современником Фидия и, следовательно, принадлежит к более ранним этапам великого периода. Но он уже начал ощущать господство художника над своим материалом, и ему нравились довольно напряженные позы, что положило начало тенденции к скульптуре, которая, несомненно, привела бы к преждевременному

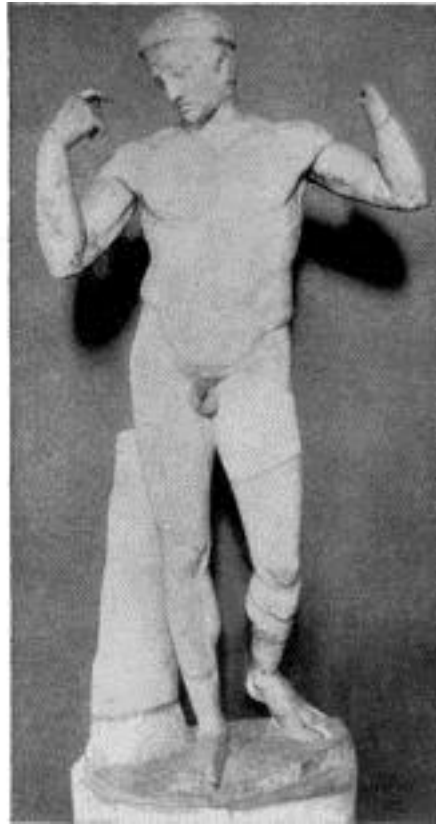

РИС. 1. “ДИСКОБОЛ” МИРОНА РИС. 2. “ДИАДУМЕН” ПОЛИКЛЕТА

Лист XIX

упадок, если бы не экстраординарный гений вдохновенного Фидия. На моей иллюстрации приведен один из многих современных примеров этой часто копируемой статуи.^[22] Но она удалена из оригинальной версии bronze. “Дискобол” - это мгновенная фотография спортсмена, который только что поднял тяжелый диск и готовится к броску. В следующий момент он повернется вправо- примерно на шарнире правой ноги. Есть несколько статуй пятого века, которые таким образом выбирают момент из серии движений. Среди статуй спортсменов выделяются два типа. Один из них - атлет^[23], только что надевающий диадему на свое победоносное чело (“Диадумен”), тип, связанный с Поликлетом, чьи примеры рисования фигур даже греки считали “классическими”, то есть образцами совершенства в том направлении, в котором они стремились. Его “Дорифор”^[24] был известен как “Канон”, как образец пропорций, на тему которого Поликлет написал трактат. К сожалению, здесь мы снова вынуждены полагаться на некачественные мраморные копии бронзового оригинала, копии, которые, вероятно, несправедливы к своей модели, преувеличивая ее тяжесть и мускулистость. Другим прекрасным атлетическим типом является “Апоксиоменус”, атлет, занимающийся со стригилом соскабливанием масла, которым были помазаны все атлеты, и особенно борцы.^[25] Из всех статуй, посвященных легкой атлетике, одной из самых впечатляющих является бронзовый возничий, недавно обнаруженный французами в Дельфах. В фигуре, облаченной в длинную мантию, есть удивительное спокойствие и достоинство.^[26]

Быть обнаженным и не стыдиться было одним из достоинств образованного грека. Это удивляло (и до сих пор шокирует) варвара. Когда Агесилай, спартанский царь, сражался на персидской земле, он приказал выставлять своих восточных пленников обнаженными перед своими людьми, чтобы они больше не испытывали страха перед мириадами тел великого царя. Единственный среди цивилизованных народов земли древний грек осмелился обнажить свое тело навстречу солнцу, и это тоже, как свидетельствует Фукидид, был выходец из мужественного города. “Лакедемоняне, ” говорит он, - были первыми, кто стал носить простую одежду нынешнего стиля, и в других отношениях были первыми, кто принял подобный уровень жизни для богатых и бедных. Они были первыми, кто разделся публично, чтобы помазаться елеем после тренировки. Первоначально атлеты носили набедренные повязки до пояса даже на Олимпийских играх, и эта практика не так давно была прекращена” (фактически в 720 году до н.э.). “Даже сейчас некоторые варвары, особенно азиаты, продолжают носить одежду на соревнованиях по боксу и борьбе. Можно было бы указать на несколько других аналогий между обычаями древней Греции и современным варварством.” С женской наготой дело обстоит иначе. Хотя девушки Спарты обычно раздевались для своих гимнастических упражнений, это была печально известная спартанская особенность. Только под иностранным влиянием и в более поздние периоды женская нагота появилась в греческом искусстве. Послушайте Платона по этому поводу: логика его аргументации привела Сократа к утверждению, что женщины Идеальной республики должны получать такое же образование, как и мужчины, проходить полувоенную подготовку в школе борьбы и гимназии наравне с ними. Единственное возражение, которое он видит против такого курса, заключается в том, что публичные упражнения женщин показались бы *смешными* афинянам его времени. Это возражение он отклоняет следующим образом:

“Что ж, ” говорит Сократ, - раз уж мы начали спор, мы должны сочетать грубое с гладким и умолять умников оставить их обычное занятие и быть серьезными. Они должны помнить, что совсем недавно грекам казалось уродливым и нелепым, что мужчины должны появляться обнаженными, как это происходит сейчас с большинством варваров. И когда первые критяне, а за ними и лакедемоняне начали свои упражнения в раздевании, у остроумцев того времени был повод посмеяться над подобными вещами. Ты думаешь, они этого не делали?

- Действительно, хочу.

“Но когда опыт показал, что лучше раздеться, чем прикрывать тело, то, что глазу показалось смешным, было

РИС. 1. “ДОРИФОР” ПОЛИКЛЕТА РИС. 2. “АПОКСИОМЕНУС”

Табличка XX

был ошеломлен тем, что логика провозгласила лучшим, и стало очевидно, что только дурак считает смешным что угодно, кроме того, что является злом”.

Спарта

Содержание

Естественно, что от Аполлона и его дорийцев мы переходим к центру дорийской расы, где раскрывается вся сила и слабость дорийского характера в его высшей и низшей ипостаси. Поскольку самая важная часть греческой истории состоит из долгой дуэли между Спартой и Афинами, а вся наша литература происходит из Афин, потомки, естественно, склонны принимать сторону Спарты. И все же все эти писатели, от Геродота до Аристотеля, искренне восхищались Спартой. Либералы, с другой стороны — а мы все сегодня либералы — не любят Спарту, поскольку она представляет олигархию против демократии и продала свободу Греции персам. И все же спартанцы практиковали равенство, которое афиняне восхваляли так, как ни один народ на земле никогда его не практиковал, и, продавая Грецию Персии, они всего лишь торговались против Афин. Другие люди презируют Спарту как единственный греческий народ, который почти ничего не внес в литературу и искусство. И все же она самое типично греческое из всех греческих государств. Факт в том, что она парадоксальна. Одним из главных интересов греческой истории является необычайный психологический контраст между двумя главными

действующими лицами. Спарта - полная противоположность Афинам, и тем не менее, если кто-то хочет знать Грецию, он должен понимать, что и та, и другая по сути своей характерны для Греции. Каждый дополняет другого. Без Спарты Греция лишилась бы своей самой выдающейся фигуры в сфере политики, а также своего главного оплота в сухопутных войнах. Это две стороны Спарты, на которых мы должны сосредоточить наше внимание — политическая система, которая дала ей лучшее или, во всяком случае, самое стабильное правительство в истории Греции, и военное образование и дисциплина, которые дали ей лучшую армию.

В политическом отношении все греческие государства, будь то демократии или олигархии, опираются на двойную структуру совета и ассамблеи. В демократических странах ассамблея основана на очень широком избирательном праве и осуществляет фактический контроль над государством, в то время как совет ограничен подчиненными функциями, исполнительными и совещательными. В Афинах, как мы увидим, совет больше похож на комитет по подготовке к ассамблее. С другой стороны, в олигархиях ассамблея состоит из сравнительно небольшой и избранной группы более богатых или знатных граждан, в то время как фактическая власть находится в руках совета. В Спарте были оба этих элемента: собрание всех воинов, или спартиатов, обладающих полными правами, хотя они составляли сравнительно небольшую долю населения Лаконии, и *Герусия*, или Сенат, из тридцати старейшин. Но Спарта, хотя и считалась олигархией по общему мнению Греции, не была, как считал Аристотель, истинной или типичной олигархией. Во-первых, правящий совет обычных олигархий обычно состоял из тесной корпорации, кооптирующей своих членов, в то время как спартанские *геронты* избирались всем собранием полноправных граждан. Во-вторых, в Спарте была создана исполнительная магистратура, которая имела гораздо более реальную роль в управлении государством, чем Сенат или Ассамблея. Возможно, в этом и заключался секрет их эффективного и стабильного правления, поскольку большинство греческих государств так боялись личного господства, что пожертвовали единством и эффективностью управления, поставив свои исполнительные магистратуры в полностью подчиненное положение. В Спарте все было не так. Там они сохраняли царствование с ранних времен дорийского вторжения на протяжении всей своей истории, чего не смогло сделать ни одно другое по-настоящему греческое государство. У них было два царя, происходящих из параллельных династий с доисторических времен, или, как они выразились, из двух семей Гераклидов. Происхождение этого двойного царствования на самом деле теряется в древности, хотя существует множество теорий на этот счет, как древних, так и современных. Наиболее вероятной является версия о двух отдельных бандах дорийских захватчиков, каждая под предводительством своего короля, объединившихся для завоевания долины Еврота и образовавших государство. Рассматривая царствование в греческой истории, Аристотель относит это к спартанской системе

Табличка XXI. ВОЗНИЧИЙ: БРОНЗОВЫЙ

Мэнселл и Ко.

в отдельном классе, назвав это "постоянным наследственным генералитетом". К его времени должность действительно потеряла большую часть своего политического значения и, как известно, была подчинена эфорату. Военное руководство, безусловно, было самой заметной обязанностью, возложенной на управление. Это любопытно, поскольку политический опыт обычно показывает обратное: одна из первых обязанностей, которую должен выполнять наследственный пост, - это военное руководство из-за особой потребности в личных способностях в этом ведомстве. Но Спарта была на редкость консервативным и религиозным, если не сказать суеверным, городом, приверженным ритуалам и твердо верящим в удачу полководца. Такой народ не чувствует уверенности под руководством простого таланта; он предпочитает сражаться под командованием потомка Геракла. А поскольку спартанская война всегда была очень простым делом, не требующим стратегического мастерства в ее ведении, спартанцы вряд ли могли обнаружить слабость наследственной системы полководчества. Помимо руководства армиями, у спартанских царей было мало прав или обязанностей. У них были официальные права на два из тридцати мест в *Герусии*, они обладали юридической юрисдикцией в некоторых незначительных делах, связанных с религией, и они представляли государство на определенных праздниках и жертвоприношениях.

Но политическая исполнительная власть перешла в пятом и четвертом веках к пяти эфорам, которые контролировали царей, а иногда даже угнетали их. Происхождение этой своеобразной должности также теряется в глубокой древности. Спартанская традиция, безусловно, верила в то время, когда Эфората не было; и в целом наиболее вероятной теорией является то, что Эфорат изначально был создан царями как подчиненная должность. Судя по реальной истории, было бы преувеличением утверждать, что эфоры на практике всегда были выше царей; почти все великие люди в истории Спарты - Леонид, Клеомен, Агесилай, Агис, Клеомброт - были ее царями, и мы едва ли знаем имя хотя бы одного Эфора. На самом деле это была долгая борьба между королями и эфорами за первенство. Как правило, совет эфоров, без сомнения, руководил государственной политикой, но у таких царей, как Агесилай, похоже, было гораздо больше, чем просто исполнительные обязанности. Что поразило всех наблюдателей, так это то, что эфоры иногда вызывали царей к себе на суд, иногда приговаривали их к смерти и по церемониалу оставались сидеть в присутствии царей. Дело в том, что в Спарте суверенитет в самом реальном смысле принадлежал воинскому сословию, и эфоры выражали этот суверенитет, будучи непосредственно избранными им. Особенно в судебных вопросах они были высшими, и в государстве, которое двигалось как часовой механизм под контролем жесткой дисциплины и неизменных обычаев, хотя все законы были неписаными, главы судебной системы, естественно, держали бразды правления в своих руках. Тот факт, что эфоры заняли свои должности путем всенародных выборов, считается демократическим элементом конституции. Это дает начало теории, разработанной преемниками Аристотеля в области политической философии, о том, что стабильность спартанской конституции зависела от правильного сочетания трех элементов государственного устройства — монархии, аристократии и демократии. Таким образом, Спарта считалась типом Смешанной конституции. Греческий историк Полибий из Спарты применил ту же теорию к правительству Рима. Оттуда

Монтескье перенес его в британскую конституцию и, таким образом, сыграл и продолжает играть важную роль в истории политической науки. Что касается Спарты, то эта теория покоится на ложной основе. Аристотель, несомненно, был прав, называя Спарту аристократией, поскольку сам спартиат представлял собой меньшинство и ревниво охраняемую закрытую корпорацию. Как демократические, так и монархические элементы в государстве были в значительной степени иллюзией. Более того, Аристотель не признавал уместности применения термина "демократия" к государству, у которого просто был некоторый выбор в отношении лиц, которыми оно должно было управляться. "Управлять и быть управляемым в свою очередь" для Аристотеля было сущностью демократии, и он, несомненно, назвал бы оба других примера Смешанной конституции, древний Рим и современную Англию, аристократиями. Однако для него аристократия была лучшим видом правления. Не так ли

Фото XXII. ВИД СОВРЕМЕННОЙ СПАРТЫ С ГОРЫ ТАЙГЕТ

English Photo Co., Афины

этимологически означает “правительство лучших”? Кроме того, было практическое доказательство превосходства в том, что только Спарта была свободна от эндемичной для Греции болезни “застоя”, или гражданской розни, и что только Спарта из греческих государств никогда не была свидетелем успешной революции.

В общепринятом значении этого термина Спарта также была аристократией. Ее граждане — спартиаты, как они себя называли, — всегда были меньшинством знати, жившей вооруженной и бдительной среди огромного числа подвластных рабов. Эти илоты были той же крови, что и соседние народы Мессении и Аркадии — то есть они являются коренным слоем Греции, — и если бы у них был шанс, они, без сомнения, оказались бы такими же умными и артистичными,

как их предки. Но им не дали ни единого шанса; их безжалостно угнетали, жестоко эксплуатировали, и существовала организованная секретная служба для устранения любых выдающихся людей, которые могли появиться из их рядов. На поле битвы при Платеях за каждым спартанским солдатом следовали семь илотов. Таким образом, каждый спартанец должен быть приравнен к средневековому рыцарю, хотя он сражался пешим. Между этими двумя классами рыцарей и крепостных существовал также промежуточный ранг — Соседи, или перийкой. Если применить к ним теорию расовой стратификации, то они должны представлять дорийскую волну завоеваний, предположительно ахейскую, которая, в свою очередь, должна была уступить, но, будучи не совсем чужой, к ней относились с превосходством. Хотя перийкой не имели никакого политического или социального положения, они не подвергались угнетению. Они жили в основном в сельской местности и на морском побережье. Они снабжали моряков, фермеров и, насколько в Лаконии было хоть какое-то ремесло, торговцев. Кажется, они были довольны своей участью, но мы знаем о них на редкость мало.

Сам город Спарта — единственный город без стен в Греции, расположенный на берегах Евроты, под горой Тайгет[27]— состоял, тогда, из круга рыцарей и их рабов. Спартиаты образовали очень замкнутую и надменную клику военных, чрезвычайно узкую и деспотичную по отношению к тем, кто был рядом с ними и ниже их, всегда бдительную в отношении восстания и сознающую, что их копья и щиты должны были заменить стену для Лакедемонян. Между собой они вели абсолютно равную коммунистическую жизнь. Их кормили за общими столами в столовой, каждый из которых был маленьким клубом, имеющим право избирать и отвергать своих членов. Поскольку этот институт также преобладал среди дорийцев Крита, его следует рассматривать как нечто очень древнее и характерно дорийское. Это означало, конечно, полное отсутствие дома и семейной жизни. Именно благодаря таким привычкам спартанцы оставались расой завоевателей, одержав сначала победу над своими соседями-мессенцами в двух долгих войнах, подробности которых известны по легендам, а затем постепенно распространив свой контроль на весь Пелопоннес, включая своих дорийских родственников в Аргосе и Эпидавре.

Вполне возможно, что замечательная дисциплина и аскетизм Спарты, которые вошедшие в поговорку связывают с ее именем, постепенно усиливались. Недавние раскопки показали, что Спарта седьмого века не была лишена искусства. От лирических поэтов седьмого века мы получаем представление о Спарте, не совсем аскетичной или презирующей культуру. Напротив, она покровительствует иностранным поэтам, таким как Тиртей. Но уже сейчас она больше всего ценит воинственные песни и танцы. Следует помнить, что в Греции поэзия, музыка и танец были гораздо более тесно связаны, чем у нас. Мало того, что греческие драматурги изначально обучали свой собственный хор танцам и сочиняли собственную музыку, но даже Гесиоду на том еврейском конкурсе приходилось распевать свои стихи вслух. Итак, в Спарте Терпандр и Алкман были, во-первых, музыкантами, а во-вторых, поэтами-лириками, и Тиртей, афинский бард, был там, чтобы дирижировать боевыми танцами и обучать спартанских мальчиков музыкальной муштре. Таким образом, в прежние времена не было противоречия между строгой военной дисциплиной и любовью к лирической поэзии. Впоследствии, когда музыка стала мягче, а поэзия менее воинственной, спартанцы изгнали из своей среды всех музыкантов и поэтов, хотя и сохранили старые маршевые мелодии древности. Один из этих поэтов, Алкман, кажется, прибыл в Спарту пленником из роскошной Лидии, и он действительно воспекает пирожные и поцелуи, но все небольшие фрагменты Тиртея - военные:

“Придите, вы, сыны бесстрашной Спарты,
Воинственные сыны граждан Спарты,
Выдвиньте щит левой рукой,
Смело размахивайте копьями в правой руке,
не щадя своей жизни за Спарту:
таков не спартанский обычай”.

Терпандр восхваляет Спарту за три вещи: мужество ее молодежи, ее любовь к музыке и ее справедливость. Спартанская пословица, по-видимому, древняя, гласит: “Спарта падет из-за любви к богатству, и ни к чему другому”. Они были и всегда оставались жадным народом; но именно по этой причине, когда в Греции примерно в седьмом веке начали использовать чеканные деньги, Спарта запретила их введение, чтобы торговля не подрывала воинский дух ее граждан, так что Спарта не чеканила монеты до второго века, но продолжала использовать там, где были необходимы деньги, древние неуклюжие слитки железа. Для сдачи пяти фунтов в “Спарте” требовалась тележка, чтобы отвезти их домой. Но деньги - не единственная форма богатства, и, вероятно, это афинский пасквиль, представляющий спартанца живущим только на знаменитом черном супе. Поскольку у каждого спартанца была своя земля (равенство и неотчуждаемость участков, вероятно, является более поздней выдумкой), с любым количеством илотов для ее обработки, в то время как молодые люди проводили свой досуг в охоте, было чем пополнить спартанскую кладовую, а также обеспечить вином и сладостями лидийских поэтов.

Именно в образовании дисциплина наиболее характерна для “спартанской”. От рождения до смерти спартанец находился в тисках железной системы. Действительно, это началось еще до рождения, ибо спартанцы - единственные люди в истории, которые осмелились применять принципы современной евгеники. Они тренировали тела своих дочерей бегом[28] и борьбой, и метанием квойтов и дротиков, чтобы, когда придет время, они могли родить крепких сыновей, и родить их храбро. “Законодатель,” говорит Плутарх, - отбросил всякое кокетство, истерию и женственность, заставляя девушек раздеваться для процессий, танцев и хороводов в храмах, при этом юноши присутствовали в качестве зрителей. В этом раздевании девушек не было ничего постыдного, поскольку присутствовала скромность и отсутствовала похоть, но это порождало непринужденные манеры и стремление к физической форме, и это придавало женскому полу некоторый вкус не постыдной гордости, поскольку у них тоже была своя доля мужественности и стремления к превосходству. Откуда к ним пришла та мысль, которая выражена в традиционном ответе жены Леонидаса Горго. Иностранка, заметившая ей: “Вы, лаконианки, единственные женщины, которые правят мужчинами”, “Да, - сказала она, - мы единственные женщины, которые являются матерями *мужчин*”.

Сильнейшие моральные убеждения заставляли спартанских мужчин вступать в брак. Брачные обычаи Спарты были своеобразными и уносят нас в глубочайшую древность. Жених увез свою невесту под предлогом насилия, а невеста коротко остригла волосы и оделась как мужчина. Брачного пира не было; молодой муж пообедал в своей столовой, тайком навестил молодую жену и вернулся в казарму. Иногда жена рожала детей мужчине, лица которого никогда не видела. Считалось, что ребенок принадлежит не своему отцу, а городу. “Законодатель счел абсурдным беспокоиться о породе лошадей и собак, а затем позволять слабоумным, пожилым и больным вынашивать и зачинать детей”. Была еще одна знаменитая спартанская острота по поводу супружеской измены:

- У нас в Спарте нет прелюбодеев.

“Предположим, у вас это было, каково наказание?”

“Штраф - это большой бык, который перепрыгивает через Тайгетус и пьет из Евроты”.

- Мой дорогой сэр, как могло появиться на свет такое чудовищное животное?

Тарелка, тарелка 23.—Бегущая девушка.

Андерсон.

- Мой дорогой господин, как в Спарте могла быть супружеская измена?

При рождении младенца забрали от родителей в зал, где старейшины племени собрались, чтобы осмотреть его. Если он был пухлым и сильным, они говорили: “Вырасти его”. Если нет, его оставляли умирать в расщелине горы. “Ибо они считали, что лучше, как для него, так и для города, чтобы он умер, чем чтобы он жил, если бы не был от природы здоровым и сильным. Вот почему женщины мыли его вином, а не водой, чтобы проверить на прочность”. У них были научные методы воспитания младенцев, никаких пеленок, никакого страха темноты или одиночества. Иностранцы обычно нанимали лаконских женщин в качестве сиделок.

Как только им исполнилось семь лет, детей забрали в “стада”. Самый “разумный и воинственный” из каждого стада был назначен старостой, приказам которого остальные должны были беспрекословно подчиняться и не морщась переносить его наказания. Мужчины постарше наблюдали за их игрой и натравливали их друг на друга. Они выучили буквы, но больше ничего, кроме музыки и муштры. Они ходили без сандалий и обычно играли голышом.

В возрасте двенадцати лет им разрешалась одна мантия в год, без туники. “У них не было опыта использования ванн и мазей; только на несколько дней в году им позволялась такая роскошь”. Они спали в своих стадах на тростнике, который им приходилось срезать с берегов реки. “Зимой они подмешивали чертополох в свои подстилки, полагая, что в них есть немного тепла”. В этом возрасте они начали общаться со старшими юношами на тех странных условиях мужской любви, которые свойственны грекам. Их старшие проявляли бы отеческий интерес к достижениям своих возлюбленных, наказывали бы и поощряли их.

Кроме того, для каждого “стада” был назначен общественный наставник из числа повзрослевшей знати, а также префекты из числа самых мудрых и воинственных двадцатилетних юношей. У последнего были свои “сигареты”, полностью подчинявшиеся его приказам. Кража еды поощрялась как боевая добродетель, которая могла привести к

оттачиванию ума в военных целях. В государстве, которое практиковало коммунизм, конечно, не было никакой нечестности. Если их ловили, их пороли за воровство. Чтобы поощрять воровство, их общественный паек был сокращен. Их также пороли для блага их душ, чтобы стимулировать выносливость. “Мы видели, как многие юноши погибли под ударами у алтаря Артемиды Прямой”, - говорит Плутарх, или, скорее, авторитет, который он цитирует. Но современные студенты считают, что это бичевание у алтаря, вероятно, было религиозным ритуалом, которому есть много других примеров. Если загонщик щадил свою жертву, богиня проявляла свое неудовольствие.

После ужина, на котором ему прислуживали его приятели, префект обращался к их интеллектуальному воспитанию. Некоторым приходилось петь, другим он задавал вопросы этической казуистики. “Кто лучший из мужчин?” “Что вы думаете о том или ином поступке?” Ответ должен был быть кратким и заостренным - фактически “лаконичным”. Мальчик должен был обосновать свой ответ. Плохой ответ наказывался укусом за тыльную сторону ладони, но если присутствовали мужчины постарше, префекту приходилось оправдывать свои наказания. Если мальчик позорно кричал во время драки, его возлюбленная также подвергалась наказанию. Но настоящим источником их образования была музыка, маршевые песни и гимны во славу героев спартанской истории. Сохранилась одна такая песня:

“Старики. В старину мы были воинами.

“Люди. Такие, какие мы есть. Кто сомневается? Смотрите.

“Мальчики. Когда-нибудь мы станем смелее.

Лаконично, но по-спартански!

Спартанские юноши не пренебрегали своей внешностью, особенно в том, что касалось прекрасных доспехов. Они гордились своими длинными и ухоженными волосами. При проходе Фермопилы персидский монарх был поражен, увидев триста спартанцев, которые должны были дрожать и читать молитвы, тщательно расчесывая свои длинные волосы. В военное время дисциплина была ослаблена. Когда линия фронта выстраивалась перед лицом врага, сначала король приносил в жертву козла, а воины увенчивали себя гирляндами цветов, в то время как флейтисты играли песню Кастора. Затем они торжественно шагнули вперед под звуки марширующего пэана, все в ногу, без беспорядка или замешательства, но “мягко и весело ведомые музыкой навстречу опасности”. Страх не было, ибо гимн “заставил их почувствовать, что бог с ними”. Когда они разгромили своего врага, они зашли так далеко, что потерпели поражение, “не считая ни джентльменским, ни эллинским делом рубить тех, кто сдался и отступил”. Таков был дух всей их войны; они никогда не разрушали побежденных городов.

Как только они достигали призывного возраста, армия и тайная полиция забирали большую часть их времени и мыслей. Искусство, ремесла и бизнес они считали работой рабов. Танцы, пение, скромные банкеты и охота были их развлечением. Только в возрасте тридцати лет спартанец мог выйти на агору и воспользоваться своими правами гражданина. Даже тогда безделье на рыночной площади не поощрялось; большая часть дня проводилась в спортивных залах и клубах. Никакой частной семейной жизни, разумеется, не было. Царь Агис, вернувшийся с победой из похода, попросил разрешения отобедать со своей женой. Это было отклонено эфорами, чья власть, без сомнения, проистекала из их положения надзирателей за

этой уникальной дисциплинарной системой. Старики пользовались большим почетом, и высшей целью честолюбия старого спартанца было место в Сенате.

И какой характер приобрела эта странная система? Что ж, она породила триста воинов, которые погибли все до единого в окружении своего царя Леонида при Фермопильском перевале. Он породил спартанского царя, который отклонил просьбу своих союзников разрушить Афины. Это породило женщин, которые оплакивали великое поражение при Мантинее, потому что ни один из их сыновей или мужей не погиб за Спарту. Это породило единственную хорошую пехоту Греции и единственную стабильную форму правления. Это породило таких хороших людей, как Брасидас и Гилипп. Спарта была государством, изгнавшим тиранию из Греции и принявшим на себя основную тяжесть сухопутных боев против персов. Но, с другой стороны, система поощряла тот глупый и фанатичный консерватизм, который погубил Спарту, частично из-за отказа изучать что-либо новое в военном искусстве, а частично из-за отказа пополнять сокращающуюся касту воинов, распространяя избирательное право на других жителей Спарты. Несомненно также, что строгая дисциплина жизни в городе привела к моральному упадку его победоносных полководцев Павсания и Лисандра, когда они соприкоснулись с очарованием восточной роскоши. Это делало спартанцев деспотичными и несправедливыми, когда им приходилось управлять империей. Типичный спартанец недалек, суеверен и алчен, но он всегда храбр, патриотичен и часто ведет себя по-рыцарски. Спарта не оставила нам ни искусства, ни литературы, но она оставила нам экстраординарный эксперимент (в назидание) аристократического коммунизма в сочетании с ничем не сдерживаемым милитаризмом.

Афина Паллада

Содержание

Спарта и Афины являются двойниками и дополнениями друг друга: Спарта тренированная, упорядоченная, эффективная и скучная; Афины свободные, шумные, непостоянные и блестящие. Девизом Спарты в истории является *Eunomia* (порядок); девизом Афин являются *Eleutheria* (свобода) и *Parrhesia* (свобода слова и свободная мысль). Но Спарта была упорядоченной и могущественной на всем Пелопоннесе задолго до того, как Афины стали свободными или культурными.

И Аполлон, и Афина были богами, особенно заботящимися о городах и хорошем правительстве. Если Аполлон был богом пророчеств, музыки, поэзии и легкой атлетики, то искусство Афины было искусством ремесленника, гончара и ткачихи. Афина, хотя и была прекрасной сероглазой богиней, тем не менее была врагом любви, мудрой в советах и любящей битвы. Она была настолько девственницей, что ей дали непорочное зачатие. Ни одна женщина не приложила руку к ее созданию, ибо она во всеоружии выскочила из головы Зевса от удара молота Гефеста. Это была сцена, изображенная на фронте Парфенона. Поклонение Афине необычайно чисто и цивилизовано; это почти

Табличка XXIV. АФИНА ПРОМАХОС. ИЗ ПАНАФИНЕЙСКОЙ АМФОРЫ

полностью свободна от магии и тайн, поскольку Афина - подчеркнуто гражданская богиня, едва ли имеющая какое-либо отношение к силам Природы. Она - чистый интеллект. Правда, у нее драчливый вид, она вооружена копьем и щитом, а также нагрудником, или эгисом, с головой Горгоны и вьющимися волосами.^[29] Было остроумно высказано предположение, что эгис был создан искусством из шкуры зверя, брошенной на плечи, со свирепой головой, свисающей с груди владельца, и легенда о Медузе-Горгоне была придумана для объяснения этого. Как бы то ни было, Афина - богиня-гоплит. Какую бы связь она ни имела с водой в других местах, в Афинах она вооружена для сухопутных войн.

Все эти признаки убеждают нас в том, что Афина, которой поклоняются на Афинском Акрополе, не является примитивной богиней. Ее характер, ее оружие и ее культ - все указывает на северное происхождение, как у Зевса и Аполлона. Более того, в легенде о ее успешной борьбе с Посейдоном за покровительство городу у нас есть четкое описание ее происхождения, и она делила храм с древним героем Афин, родившимся на земле, Эрехтеем. Как же тогда получилось, что она дала городу свое имя? Правда ли, что Афины в прошлом назывались Кекропией? Трудно поверить, что богиня была названа в честь города, поскольку в других местах существовали сильные местные культы Афины, настолько индивидуальные по своему характеру, что название не могло быть связано с простым отождествлением местных героинь со знаменитой богиней известного города. Ни в коей мере не вероятно, что именно спартанцы называли бы богиню, сыгравшую очень важную роль в жизни их государства, именем по сути афинского божества. И опять же, мы не можем поверить, что богиня могла полностью изменить свой характер и стать цивилизованной, не оставив отчетливых следов своего прошлого. Единственный вывод состоит в том, что Афина Паллада была ахейской богиней, которая довольно поздно появилась на Афинском Акрополе. Это правда, что афиняне хвастались тем, что они коренной народ древнего происхождения, и очень вероятно, что основные силы северных захватчиков действительно, как утверждает Фукидид, прошли мимо этого каменистого мыса Аттики как недостойного внимания. Но они вряд ли могли оставить непокоренной сильную цитадель, и хотя Афины и их царь Менестей играют довольно скромную роль в "Илиаде", все же в ахейском войске был афинский контингент. Вполне вероятно, что Афины получили ахейского царя и что сам Акрополь перешел в руки ахейцев. Но население Аттики практически не смешивалось с населением Севера. Геродот сообщает нам, что афинские девушки, спускавшиеся из цитадели за водой, подвергались постоянным нападениям пеласгов, живших на горе Гимет.

Во время всех сложных перестроек времен Перикла скала Акрополя была довольно тщательно очищена от древних останков. Но мы все еще видим следы циклопической каменной кладки, как в Тиринфе и Микенах, образующих то, что афиняне называли "Пеласгической стеной". К

тому периоду относятся такие традиционные члены королевской семьи, как Кекропс, Эрехтей и Пандион, возможно, настоящие имена доисторических царей, которые правили скалой и частью равнины внизу, но ни в коем случае не всей Аттикой. В художественном представлении эти достойные древние люди довольно склонны отращивать змеиные хвосты вместо своих нижних конечностей. Поскольку они поклонялись Посейдону, мы можем быть уверены, что эти кекропийцы или пеласги были торговым, мореплавательским народом, имевшим сношения с Критом и своими родственниками из Кари и Ионии. Посейдон всегда был распространенным божеством ионийского народа, который смотрел на Афины как на своего главу, вероятно, потому, что в ее жилах было так мало притока северной крови. Маловероятно, что Афины когда-либо были цитаделью, равной по значимости Микенам или Кноссосу в доахейские времена. В Аттике сохранилось лишь несколько важных реликвий бронзового века, но, с другой стороны, на Чердаках сохранилась непрерывная серия художественных произведений с древнейших до позднейших времен.

Великим легендарным царем Афин был Тесей, фигура, которой более поздние мифологи придавали большое значение, потому что он был сделан героем-покровителем афинской демократии и афинским синкистом, то есть человеком, который превратил Аттику в город-государство, а не в скопище деревенских владений. Конечно, это не история. Кажется, что все легенды признают, что Тесей изначально был пришельцем. Говорят, что его потомки были изгнаны гомеровским царем Афин Менестеем. После персидских войн на острове Скирос были обнаружены кости великана; в них сразу же признали кости Тесея и с большой церемонией доставили для повторного захоронения в Афины.

В этот ахейский период афиняне, по-видимому, в значительной степени покинули море ради сельского хозяйства и выращивания оливок. Следует помнить, что подарком Афины городу, которым она превзошла морского бога, было оливковое дерево. Конечно, на побережье все еще жили рыбаки, но когда история смутно начинается в седьмом веке, Афины в основном были сельскохозяйственными и ни в коем случае еще не были городом-государством. Она еще не была полностью развитым городом-государством, когда Спарта уже давно утвердилась в управлении и распространила свою гегемонию на весь Пелопоннес. К этому времени афинское царство растворилось в аристократии, а аристократы, или Эвпатриды, были кликой деспотичных землевладельцев, чьи фермы в основном обрабатывались на них, как в Спарте, по *системе* оплаты, по которой арендатор выплачивает определенную долю продукции владельцу. Проблемы, с которыми пришлось столкнуться Солону, были аграрными проблемами, связанными с пограничными камнями. Он считает собственность в бушелях кукурузы и масла. Его постановления, или древние законы, которые издаются под его именем, в основном касаются собак, волков и выращивания оливок. Разрешен экспорт только оливкового масла. Даже после Солона местные партии, разделяющие государство, были подразделениями не горожан, а сельских жителей — пастухов с холмов, фермеров с равнин и рыбаков с побережья. Эти факты всплывают вопреки действиям последующих афинских историков, которые, в угоду *нравственности* демократического города, пытались доказать, что демократия существовала задолго до тирании Писистрата — фактически, еще при Тесее и, конечно же, Солоне. Но любому, кто не обращает внимания на эту тенденцию и беспристрастно изучает их ранние традиции, совершенно ясно, что до времен тиранов Аттика ни в коем случае не была настоящим городом-государством, не говоря уже о демократии. Пока городская жизнь не была развита, демократия была невозможна.

Странные пережитки этой земледельческой жизни сохранились в религиозных обычаях Афин — как, например, в жертвоприношении, называемом Дииполией, или умерщвлении быка. “Они выбирают,” говорит Порфирий, “нескольких девушек в качестве водоносиц, и они приносят воду для заточки топора и ножа. Когда топор наточен, один человек передает его в руки, а другой бьет быка, третий забивает его, третьи сдирают с него кожу, и все они вкушают от него. После этого они зашивают шкуру быка, набивают ее сеном, запрягают в ярмо, как при жизни, и впрягают его в плуг, как будто он собирается тянуть его. По факту убийства проводится судебный процесс, и каждый перекладывает вину за содеянное на другого. Водоносы обвиняют тех, кто точил нож, точильщики обвиняют человека, который передал его, он перекладывает вину на человека, который нанес удар, нападающий - на забойщика, забойщик обвиняет сам нож; и нож, поскольку он не может говорить, признан виновным и брошен в море”. Все эти должности выполняются в определенных семьях по наследственному праву. Вся церемония явно восходит к тем временам, когда пахотный бык считался священным. Древнее богослужение в Аттике носит исключительно сельскохозяйственный характер. Элевсинские мистерии проводятся в честь Деметры (Матери-Земли), Коре, ее дочери, также называемой Персефой, и Триптолема, который привез зерно из Египта.[30] Существуют афинские мистерии, называемые Тесмофориями, в которых женщины бросают таинственные предметы, на самом деле куски разложившегося поросенка и теста в форме змей и мужчин, в расщелины в земле. Они были предназначены для обеспечения плодородия полей и женщин. Существовала также Херсефория, в ходе которой девушки несли корзины с предметами, природу которых они не должны были знать, в обитель богини

Фото XXV. ДЕМЕТРА, ПЕРСЕФОНА И ТРИПТОЛЕМЕЙ

English Photo Co., Афины

[ЭЛЕВСИНСКИЙ РЕЛЬЕФ

]

рождение ребенка. Согласно преданию, две девушки заглянули внутрь и увидели ребенка и змею, которая преследовала и убила их. Скирофория была аналогичной; она включала в себя обряд намазывания изображения Паллады белой глиной, которая использовалась в качестве подкормки для оливковых деревьев. Была еще одна церемония, на которой молодые девушки, одетые медведицами, танцевали в честь Артемиды Браурон. Каждый год проводилось три священных вспашки аттической земли. Помимо героев-змей и змеиных королей, существовал бог-волк, который стал отождествляться с Аполлоном, и бог-козел Пан. Возможно, что сова Афины - пережиток тех дней поклонения природе. Большинство этих культов скорее аттические, чем афинские, и специально локализованы в сельских владениях. Они явно принадлежат к той

же религиозной области, что и змееподобные фигуры Кнососа; и действительно, Крит в значительной степени фигурирует в мифологии этого периода. Антропоморфная религия, вероятно, зародилась в Афинах с грубой женской хоанон, или деревянной статуи, похожей на колонну, которая со временем получила имя девы-воительницы Афины Полиас.

Таким образом, Афины появились в греческой истории довольно поздно. Только два факта с какой-либо ясностью относятся к периоду, предшествовавшему тираниям шестого века: попытка установления тирании Сайлона и раннее законотворчество. Оба эти факта были напомнены событиями последующей истории. Покушение Силона привело к проклятию одной из величайших афинских семей, Алкмеонидов, к которой принадлежали такие знаменитые имена, как Мегакл, Клизфен, Перикл и Алкивиад. Законодатели Афин действительно являются историческими персонажами, что больше, чем мы можем с уверенностью сказать о спартанском законодателе Ликурге, но они послужили основой для многих легенд и значительной части преднамеренных фальсификаций. Афины, несомненно, обладали древними деревянными таблицами законов (хотя это скорее вопрос, могли ли они пережить два сожжения Афин персами), и некоторые из этих законов, вероятно, носили имена Дракона и Солона; но совершенно очевидно, что более поздние ораторы придавали вес любому старому закону, который они хотели процитировать с одобрением, давая ему одно из этих уважаемых названий. С другой стороны, мы знаем, что, когда афинские писатели начали интересоваться конституционной историей, а это произошло только двести лет спустя, они использовали Дракона и Солона для обоснования своих собственных теорий, потому что было возможно сформировать самые противоречивые взгляды на то, что на самом деле сделали эти законодатели. Одним из важных моментов было показать, что демократия стара как мир, и в этом смысле Солон сделал изобретателем Собраний, Совета и даже народных судов присяжных. Некоторые приписывали ему изобретение старого Совета ареопага. Другие утверждали, что Солон был не демократом, а автором ограниченного избирательного права на имущественной основе — фактически, именно той системы, которую предлагали Ферамен и его партия в 404 году до н.э. Другие, опять же, пошли на шаг лучше и приписали демократическую систему Дракону, еще более раннему законодателю, несмотря на тот факт, что Солон отменил все свои законы, за исключением законов об убийстве и виновности в крови. Однако Фукидид, будучи историком с научным складом ума и беспристрастной любовью к истине, останавливается на этом раннем периоде с замечанием, что люди будут принимать, не проверяя на практике какие-либо традиции, даже когда они касаются их собственной страны. И это правильное отношение для нас. До пятого века не существовало историков, вообще никаких записей современников, за исключением очень немногих древних надписей и произведений поэтов-лириков, которые процветали в восьмом, седьмом и шестом веках. У нас действительно есть значительная часть поэзии, которая проходит под именем Солон. Кое-что из этого не вызывает сомнений, поскольку включает в себя так называемую прелюдию к стихотворному изданию его законов и другие строки, написанные тоном, совершенно неподходящим философу. Но из несомненно подлинной части мы узнаем, что Солон, столь далекий от того, чтобы быть беспристрастным посредником, собрал народных последователей, яростно атаковал богатых, а затем “дал людям столько власти, сколько было достаточно, не умаляя и не увеличивая их чести”. Его главной работой была кодификация законов, которые до сих пор существовали только в кругу знати. Он много сделал для того, чтобы упорядочить существующие социальные классы в Афинах, разделив людей на четыре ранга в соответствии с их собственностью, рассчитанной, конечно, на основе землевладения. И он устранил аграрные

проблемы, запретив ссуды под залог личности - обычай, который привел к фактическому порабощению бедных богатыми землевладельцами. Этим он оказал огромную услугу будущей свободе своей страны. Даже осторожная оценка его работы делает его очень великим человеком. Но он не был изобретателем демократии.

Его личность безнадежно увязла в легендах. Он один из Семи Мудрецов, несомненно, реальных личностей, чьи имена служили ориентиром для изобретательских способностей греков. Некоторые из них были натурфилософами, как Фалес Милетский, чьи познания в астрономии были настолько точны, что он предсказал затмение 585 года до н.э. Говорят, что он приобрел свои научные познания, как Солон, как говорят, приобрел свои законодательные способности, в Египте, где он измерял высоту пирамид по их тени. Весьма вероятно, что в историях, согласно которым рождение или, скорее, возрождение образования в Греции происходит из Египта и Крита, есть доля правды. Фалес знал, что свет луны исходит от солнца. Он был первым из тех натурфилософов Греции, главной целью которых было найти “принцип” вселенной. Фалес считал, что все сущее произошло из воды. Другим из Семерых был Биас из Прина, чья деятельность была в основном политической, и который изобрел такие максимы, как “Несчастлив тот, кто не может вынести несчастья” и “Если ты совершил доброе дело, приписывай это богам”. По крайней мере, двое из остальных четырех были тиранами. Солон также связан с любопытной фигурой, которая занималась разъяснением религии и проведением очистительных обрядов, Эпименидом Критянином, который, как предполагалось, прожил пятьдесят лет в пещере, питаясь одними асфоделями и водой, отцом всех отшельников. Какие бы конституционные постановления Солон ни издавал, они так и не успели вступить в силу, поскольку тирания Писистрата и его сыновей последовала почти немедленно.

Возвращаясь к богине: только два отрывка Гомера относятся к Афинам, и оба, вероятно, были вставлены при редактировании Гомера во времена Писистрата. Оба намекают на связь между Афиной и Эрехтеем. В одном месте богиня описывается как посетившая “прекрасный дом Эрехтея”, что, вероятно, означает старый пеласгийский дворец на Акрополе; в другом она приняла Эрехтея, сына Земли, в “своем собственном богатом святилище”. Современная критика, однако, склонна переворачивать отношения хозяина и гостя — рожденный на земле Эрехтей был доисторическим героем, Афина - Олимпийкой, вторгшейся незваной гостьей. Раннее святилище Афины на Акрополе было совсем недавно обнаружено Дерпфельдом на северной стороне плато. По-видимому, это было здание шестого века или раньше, и оно было окружено перистилем с колоннами более поздней работы — которую мы сейчас увидим. Это “старый храм”, замененный в культовых целях Парфеноном. Наш “Эрехтеум”, столь известный своим кариатидным крыльцом, был построен прямо напротив этого старого храма, так что кариатидное крыльцо выступает над его стилобатом. В старом храме находилось старое культовое изображение богини, впоследствии замененное великолепным творением Фидия. Это был хоанон, или статуя-колонна, из оливкового дерева, в стоячей позе, ее грубая форма, несомненно, была скрыта предложенной драпировкой. Он был вооружен копьем, щитом, эгисом и шлемом и приготовился нанести удар. Как показывает иллюстрация[31], это стало излюбленным мотивом в изображении богини; она стоит там как защитница города. Афина Полиас - подходящее ей название. Фидий идеализировал этот тип в своей Афине Промехос. Но, похоже, он не очень древний. Вероятно, в Афинах, как и в Трое, раньше была сидящая Паллада, на колени которой женщины клали свои вышитые “пеплосы”. Ничто в искусстве или ритуалах не заставляет нас сомневаться в том, что Афина Паллада была далеко не коренной жительницей

Афин, что она пришла сюда вместе с ахейцами, и что так было до тех пор, пока Афины не стали настоящим городом-государством с

Табличка XXVI. АФИНА ПОЛИАС: БРОНЗА

English Photo Co., Афины

гражданское богослужение идеализированного типа, что великая мода на Богородицу началась на Акрополе.

Тирания и культура

Содержание

Все это время искусство медленно возрождалось. Лирическая поэзия и музыка нашли покровительницу в развивающемся городе Спарта. Героические и олимпийские культы, которые поощрялись эпическими поэтами и под влиянием дельфийского оракула, несомненно, дали толчок искусству, частично потребовав храмов и храмовых статуй, а частично установив определенные художественные типы для главных божеств. Даже гончар, хотя он все еще там, где мы его оставили, в дипилонском и геометрическом стилях орнамента, начинает изображать героическую мифологию и вырабатывать типы, которым можно подражать и улучшать. Эта фиксация типов или мотивов была необходима для прогресса древнего искусства. Греческий скульптор не создает статую, настолько новую и оригинальную, насколько это возможно, чтобы отправить ее на художественную выставку. Ему поручено создать, скажем, Афину; в этом случае он должен изобразить доспехи, эгиса, сову, возможно, змею. Он действительно пытается сделать богиню настолько прекрасной, сильной и благожелательной, насколько это в его силах. Возможно, ему позволено выбирать между типом Полиас или сидящей статуей, но в любом случае типаж для него фиксирован. Или его могут попросить сделать статую спортсмена; в этом случае ему придется вырезать обнаженную мужскую фигуру, максимально физически совершенную, в спортивной позе. Пока его не попросят изобразить случайные факты, такие как черты лица конкретного человека, в честь которого установлена статуя. Вот как, сосредоточившись на ограниченном количестве мотивов, греческое искусство за несколько поколений преуспело в том, чтобы приблизиться к совершенству.

Покажите мне покровителя, и я покажу вам стиль искусства, который будет преобладать. Аристократы верховой езды северного происхождения, которые преобладали повсюду в Греции в восьмом веке, мало интересовались искусством. Поэзией они могли бы наслаждаться, если бы в ней воспевались их предки или если бы она подбадривала их за чашей кофе. Отсюда

популярность Гомера и Гомерид и Гесиода, с одной стороны, Архилоха, Симонида и Алкмана - с другой. Но эти маленькие “басилеи” были недостаточно королями, чтобы содержать дворы, где искусство могло процветать, не умирая с голоду, и пока еще было мало городов, достаточно больших, чтобы восполнить недостаток покровителя. Мы должны еще раз обратиться к политике, если хотим понять возрождение искусства.

Маленькие государства древности с их естественными цитаделями предоставляли прекрасную возможность любому амбициозному и беспринципному человеку, желавшему стать тираном. Все, что вам нужно было сделать, это выступить как защитник угнетенного “демоса” против деспотичной аристократии, заявить, что ваша жизнь в опасности, обзавестись телохранителями из нескольких десятков крепких головорезов, вооруженных копьями или даже дубинками, затем захватить цитадель, и, если вы не забыли провизию, вы были там. Это был простой трюк, который пытались использовать снова и снова в истории Греции, и он почти всегда удавался. Например, в Коринфе существовала исключительно агрессивная аристократия под названием Вакхиады. У одной из них была дочь-инвалид, которой разрешили выйти замуж за того, кто ниже ее по положению. Ее сын Кипселус не был принят в кругах вакхиад; он почувствовал себя оскорбленным и принял программу, которую я указал. Он основал небольшую династию, которая просуществовала более семидесяти лет, пока не была свергнута спартанцами в 581 году до н.э. То же самое произошло немного раньше на Сикионе; чуть позже это повторилось в Мегаре и в Эпидавре. В Афинах первая попытка Силона, предпринятая около 621 года, потерпела неудачу; в Милете подобная попытка увенчалась успехом. В VI веке на Сицилии повсюду воцарилась тирания. В 560 году Афины последовали примеру тирании Писистрата. Поликрат Самосский появляется примерно тридцать лет спустя. Таким образом, примерно в это время многие государства Греции прошли через фазу тирании.

Хотя греки, к их вечной чести, впоследствии всегда ненавидели имя тирана и хотя они пытались стереть со скрижалей своей истории те блага, которыми они были обязаны им, все же мы можем видеть, что тирания была ценным, почти необходимым этапом в развитии греческого государства. Все лучше, чем аристократия типа Вакхиады: даже

Тарелка 27.—Коринфские вазы.

достоинство тирана в том, что у него одно горло. На самом деле, большинство греческих тиранов, за исключением Фалария Акрагасского, который имел привычку запекать своих подданных в медном быке, были умными и не деспотичными правителями. Они смогли сформировать последовательную внешнюю политику, которая всегда является сильной стороной автократий, основывать колонии, создавать империи, заключать союзы и жениться на дочерях своих соседей. Мы слышим о тиранах, имевших отношения с Египтом и Лидией и импортировавших медь из Испании. Дома они следили за порядком в своих городах и заставляли их ценить преимущества порядка. Прежде всего, без сомнения, из низменных побуждений, они поощряли торговлю. Процветание торговли времен минойской эры

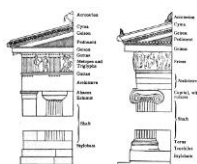
прекратилось с падением талассократии. Пиратство стало широко распространенным явлением на Эгейском море, как мы видим у Гомера, где ни один посетитель не считает невежливым, когда его спрашивают, пират он или не пират. Для искусства и литературы наконец-то нашлись покровители. Возрождение искусства начинается при тиранах конца VII-VI веков.

Монета Коринфа. Шестой век

Коринф, с его могучей природной крепостью, протяженностью более мили в окружности и высотой 1800 футов, двумя морями и господством над узким перешейком, был превосходно расположен для торговли. Она была одним из первых государств, установивших тиранию, основавших империю и возродивших искусство. Ее колонии располагались в основном на западе, и в Коркире у нее была ценная ступенька для Сицилии и Италии. Именно в Коринфе в начале VI века появляется новый тип вазописи. Совершенно очевидно, что мотив все еще был заимствован из текстильного искусства, вероятно, из ассирийской вышивки. Результат, с его насыщенными пурпурными тонами, очень приятен с декоративной точки зрения, хотя сами сцены и орнаменты ничего не значат и, следовательно, не греческие.^[32] Типы монет Коринфа шестого века уже представляют собой красивые рисунки. Именно Кипселус, тиран Коринфа, посвятил в Олимпии тот знаменитый сундук, о котором мы говорили, с параллельными полосами мифологических сцен. Периандр, его сын, изначально был одним из Семи Мудрецов, хотя Платон хотел изгнать его как тирана. Имя третьего, Псамметих, доказывает тесные связи Коринфа с Египтом. Именно Коринф при своих тиранах развил новую поэтическую форму - дифирамб - и первым воздвиг дорический храм в самой Греции. Этот серьезный и великолепный стиль архитектуры, весьма вероятно, был основан на египетских моделях, но с характерно греческими модификациями. Самые ранние греческие храмы, по-видимому, были из дерева и обожженного на солнце кирпича. Первоначально таким был храм Геры в Олимпии, но по мере того, как деревянные колонны рушились одна за другой, их заменили каменными. Во многих чертах дорической архитектуры можно проследить развитие деревянной техники. Вся кровельная система состоит из балок, даже если крыша каменная. Триглифы - это концы балок, переведенные на камень. Первоначально метопы были оставлены открытыми, затем заполнены терракотовыми рельефами и, наконец, каменными плитами с высоким рельефом. В самых ранних дорических храмах колонны были очень толстыми и тяжелыми, а межколонные пространства - очень узкими. Все это указывает на то, что архитектор еще не до конца осознал превосходящую прочность камня. Невежественный или поспешный взгляд может натолкнуть на мысль, что в греческой архитектуре не было прогресса, но внимательный наблюдатель видит, как последующие поколения архитекторов продолжали вносить тонкие усовершенствования, делая колонны более изящными, лепнину более утонченными в своих изгибах, самым хитрым образом исправляя оптические иллюзии прямого ряда высоких колонн, улучшая систему освещения, улучшая каменную кладку, заменяя дерево камнем, а драгоценный мрамор камнем, добавляя орнамент там, где это было уместно, как на фризе внутри перистиля, отвергая его там, где он был неподходящим, как на архитраве, который, будучи главной балкой, *должен* выглядеть тяжелым и крепким, фактически достигая *телоса*, конечной цели того типа, который

поставили перед ним его предшественники. Таков греческий путь. Парфенон - это цель, к которой стремился этот старый храм в Коринфе.

ДОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ИОНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Семь колонн Коринфского храма[33] выстояли во время разрушения римлянами Коринфа и всех последующих исторических потрясений. Об их древности свидетельствует их неуклюжая прочность. Высота колонн всего лишь примерно в четыре раза превышает диаметр основания. Каждая колонна представляет собой монолит из грубого известняка, покрытый штукатуркой и окрашенный, высотой 23½ фута, в диаметре довольно резко сужающийся от основания (5 футов 8 дюймов) к вершине (4 фута 3 дюйма). Храм был периферийным — *то есть* у него была колоннада по всему нефу, по шесть колонн на каждом конце и по пятнадцати с каждой стороны. Уже предпринимаются попытки исправить оптическую иллюзию, из-за которой кажется, что горизонтальные линии опускаются посередине, а вертикальные линии выступают наружу, при этом стилобат, или пол, от которого поднимаются колонны, слегка изогнут, так что центральные колонны примерно на 2 сантиметра выше, чем колонны на крыле. Внутреннее здание состоит из двух продолговатых помещений, расположенных вплотную друг к другу, без сообщения между ними. Боковые стены расширены с каждого конца так, что образуют крылья, и между каждой парой крыльев стояли две колонны "вразброс". Таким образом, на каждом конце под колоннадой есть крыльцо. Из существования двух отдельных помещений мы заключаем либо о том, что храм объединял два различных культа, либо о том, что одно из помещений было сокровищницей, поскольку храмы в Греции всегда использовались как банки. Я подробно описал это здание, потому что это, вероятно, самый старый дорический храм в Греции, за исключением старого деревянного Хереума в Олимпии. Говорили, что черепица, которая делала возможной наклонную крышу, была настоящим изобретением коринфян. Коринфская колония Коркира (Корфу) может похвастаться подобным храмом примерно пятьдесят лет спустя (? 600 г. до н.э.).

Именно при этих тиранах-Кипселидах Коринф начал приобретать свой исторический облик роскошного, чувственного и космополитичного города. Афродита, как ей поклонялись в Коринфе, была не кем иным, как "Аштарот, мерзостью сидонян", и была импортирована вместе с тирским пурпуром из Финикии. У нее был знаменитый храм в цитадели Коринфа, который был переполнен ее священными рабынями, куртизанками. Их число выросло до более чем тысячи, и они были печально известной ловушкой для коммерческих путешественников древности. Нужно было быть богатым человеком, чтобы посетить Коринф, как гласит пословица:

οὐ παντὸς ἀνδρὸς ἐς Κόρινθον ἔσθ' ὁ πλοῦς

"non cuivis homini contingit adire Corinthum."

Мы можем быть уверены, что такое аморальное положение дел началось при тиранах, хотя Периандр, как говорят, собрал всех сводниц, которых смог найти, и утопил их в море. Пиндар деликатно поет о “гостеприимных девицах, министрах”

Фотография XXVIII. СТАРЫЙ ХРАМ В КОРИНФЕ

English Photo Co., Афины

убеждения в богатом Коринфе”. И нам рассказывают, что, когда персы вторглись в Грецию, куртизанки стекались в храм Афродиты, чтобы помолиться об освобождении страны. В благодарность за их патриотизм им были воздвигнуты бронзовые статуи с эпитафией Симонида. Лаис, самая знаменитая из всех этих заблудших женщин, относится ко времени Пелопоннесской войны, хотя, по-видимому, были и другие, принявшие ее знаменитое имя. Другие греки были склонны говорить о Коринфе примерно в том же тоне, в каком современный англичанин или немец говорит о Париже. О богатстве Кипселуса свидетельствует посвящение им колоссальной золотой (или позолоченной) статуи Зевса в Олимпии. Периандр прорыл канал через мыс Левкас и спроектировал другой через Коринфский перешеек.

Один из сикионских тиранов выиграл гонки колесниц в Олимпии и посвятил две большие модели святилищ из испанской бронзы. Но больше всего Клисфен прославился своим роскошным двором, своей враждебностью к Аргосу, из-за которой он запретил чтение Гомера в Сикионе, потому что это почитало аргивян, и сватовством к своей дочери Агаристе. Клисфен издал общее приглашение любому, кто пожелает жениться на ней, прибыть к его двору, предлагая им гостеприимство в течение года. Собрались все богатые молодые джентльмены Греции. В течение целого года Клисфен проверял их достижения. К тому времени фаворитами были два афинянина: Мегакл из знаменитой семьи Алкмеонидов и Гиппоклейд, обладавшие самыми очаровательными светскими манерами в мире. Наконец наступил последний день

принятия решения. Гиппоклейд приготовился к большим усилиям. Был пир, и, возможно, Гиппоклейд вылил слишком много возлияний Дионису. После обеда заиграли флейтисты, и Гиппоклейд начал танцевать. Пусть Геродот продолжит рассказ: “И он танцевал, вероятно, ради удовольствия танцевать; но Клисфен, наблюдая за всем этим, начал подозревать обо всем этом. Затем Гиппоклейд, после короткого отдыха, приказал рабу принести стол: когда его принесли, он начал танцевать на нем, сначала лаконские фигуры, затем аттические; наконец он встал на стол головой” (возможно, это был старый ритуальный танец)“ и жестикулировал ногами. Но Клисфен, когда танцевал в первый и второй раз, возмущился при мысли о Гиппоклейде как о зяте из-за его неприличного танца, но все же сдержался, не желая устраивать сцену. Но когда он увидел, как тот размахивает ногами, то не смог больше сдерживаться. ‘О сын Тизандра, - воскликнул он, - ты разрушил свой брак танцами’. Но Гиппоклейд ответил: ‘Гиппоклейду все равно!’ Поэтому этот ответ вошел в пословицу. ” Итак, Мегакл женился на даме и жил долго и счастливо, став предком Перикла, в то время как Гиппоклейд, вероятно, начал пить и совсем сквернословить. Но об этом Геродот нас не сообщает.

Тирания в Мегаре была недолгой, но мы знаем, что Теаген построил акведук для своего города и превратил его в серьезного коммерческого конкурента Афинам.

В Афинах Писистрат выступил как защитник бедных пастухов Холмов против более богатых партий Побережья и Равнины. Он преуспел там, где Сайлон потерпел неудачу в получении командования над Акрополем со своим телохранителем. Дважды афинянам удавалось изгнать его, но каждый раз он возвращался, в первый раз переодев высокую и красивую женщину в образ богини Афины и въехав с ней в город, а во второй раз наняв отряд всадников из Эретрии на деньги, которые он добыл путем осмотров операций на золотых приисках Фракии. От начала до конца он и его сыновья находились у власти с 560 по 510 год. Трудно оценить его заслуги перед Афинами, поскольку последующие поколения делали все возможное, чтобы отрицать и скрывать их, передавая некоторые из его достижений Солону, некоторые - Тесею, а некоторые даже Эрехтею. Он основал раннюю Афинскую империю. Он отвоевал остров Саламин у Мегары, и пока она не овладела Саламином, у Афин не было открытой дороги к морю. Позже афиняне приписали этот подвиг Солону. Он вернул Сигеум на Троаде после войны с Митиленой. Он установил старшего Мильтиада тираном Фракийского Херсонеса. В этих движениях его политика, очевидно, заключалась в открытии торговли с Черным морем, житницей Греции. Он расширил выращивание оливок в Аттике. Вероятно, он начал разрабатывать серебряные рудники в Лауриуме, которые с тех пор были основным источником доходов афин. Он превратил несвободных землепашцев в крестьян-собственников, конфисковав поместья своих благородных противников. Он был в союзе со Спартой и Аргосом, Фивами, Фессалией и Наксосом. Он ввел в Афины полицию, вооруженную луками.

Вероятно, он сделал многое из того, что, как предполагается, сделал Тесей, объединив Афины, то есть превратив Аттику из нескольких деревень со столицей в город-государство с прилегающей территорией. Мы знаем, что он отправил судей по кругу по всей стране. Другие указания заключаются в том, что Писистрат снес городскую стену, чтобы она могла расшириться, что он построил надлежащий водопровод и что он поощрял поклонение олимпийцам или городским божествам. В то же время он поощрял сельское хозяйство и пытался вернуть афинскую бедноту на землю. Поскольку он был обязан своим возвращением Афине, он выразил свою благодарность, окружив старый храм Афины Полиас мраморным перистилем и скульптурами. Некоторые скульптуры этого периода сохранились на Афинском

акрополе. Как правило, они были вырезаны из более мягкого *поруса* или грубого известняка и щедро украшены цветами. Но украшения храма Писистрата сделаны из паросского мрамора. Геракл и его подвиги, по-видимому, были предпочтительнее Тесея в качестве предмета для представления. На равнине под Акрополем Писистрат начал строительство храма Зевсу Олимпийскому такого огромного масштаба, что республиканские Афины не могли завершить его до тех пор, пока император Адриан не задействовал свои огромные ресурсы.

Но Писистрат сделал больше, чем строительство для религии. Его справедливо можно назвать основателем государственных культов Афин. Он основал Великую Панафинею как символ объединения Аттики. Это была самая торжественная ежегодная процессия из всех людей, которые несли новое вышитое одеяние в дар Богине-Девственнице на Акрополе. Именно эта сцена изображена на фризе Парфенона, который сейчас является главной достопримечательностью Британского музея. Позже афиняне, конечно, приписали Панафинею Тесею или Эрехтею. Наряду с процессией проводились спортивные игры и жертвоприношения. Призами на играх были прекрасные большие кувшины для масла, панафинеийские амфоры, которых у нас сохранилось множество.^[34] Это дало большой импульс гончарному делу. Примерно сейчас мы приступаем к созданию вазы с черным рисунком, в которой фигурки нанесены блестящей черной глазурью на насыщенно-коричневый цвет фаянса.

Писистрат очень поощрял идею о том, что Афины являются ведущим членом Ионических государств Греции. До этого времени великие ионические города, такие как Милет и Эфес, намного опережали Афины по богатству и цивилизации. Трудно сказать, как Писистрат убедил их, что Афины были в некотором роде их родным городом, если только это не было фактом. Он положил начало торжественному очищению Делоса, убрав мертвых с острова. Отныне Аполлон Делосский должен был делить с Посейдоном Микальским покровительство Ионии. Как на Панионных празднествах на Делосе, так и на Панафинеийских празднествах в Афинах торжественное чтение Гомера составляло важную часть мероприятия. Именно Писистрат распорядился подготовить в Афинах авторизованную версию Гомера. Были отобраны и отредактированы определенные фрагменты. Таким образом, в конце концов Гомер стал постоянным канон.

Другой праздник, учрежденный Писистратом, привел к важным литературным результатам. Это была Великая Дионисия. Дионис был поздним пришельцем в олимпийской мифологии, вероятно, родом из Фракии. Как богу вина, его пришествию пришлось столкнуться с некоторым противодействием со стороны партии трезвости, но, как бог, он восторжествовал. Именно в "Дионисии", как мы увидим, афинская драма зародилась как богослужение.

Литература нашла искреннего покровителя в лице великого

1. КОРИНФСКАЯ ВАЗА.
3. ЧЕРНОФИГУРНАЯ ВАЗА.

2. КРАСНОФИГУРНАЯ ВАЗА.
4. БЕЛАЯ ПОЛИХРОМНАЯ
ВАЗА.

младший сын тирана Гиппарх. При его дворе были, среди прочих, Симонид, Анакреонт и Ономакрит. Симонид Кеосский особенно ассоциируется с дифирамбом, хором в честь Диониса, сыгравшим большую роль в развитии трагического хора. Он также был сочинителем победных од для успешных спортсменов, хотя здесь его славу затмил его более молодой соперник Пиндар. Но его слава сохранилась главным образом как автора элегий, эпитафий и эпиграмм. Всем известна эпитафия, которую он написал Леониду и его Трем сотням спартанцев при Фермопилах.

“Пойди и скажи в Спарте, ты, проходящий мимо,
Что здесь, послушные ее слову, мы лежим”.

Сохранилась его прекрасная ода на ту же тему. Анакреонт известен даже “обычному читателю” через Байрона:

“Наполни чашу самийским вином!
Мы не будем думать о подобных темах!
Это сделало песню Анакреонта божественной,
Он служил — но служил Поликрату —
тирану; но тогда наши хозяева
были, по крайней мере, нашими соотечественниками”.

Основным занятием Анакреона было, как предполагает наш поэт, написание праздничных песен о любви и вине. Довольно грустно размышлять о том, что его анакреонтика была составлена — по его собственному рецепту — на основе десяти частей воды к пяти частям вина; но все древние разбавляли свой ликер. Насколько тесно тирания связана с возрождением культуры, доказывает карьера этих двух поэтов. Анакреонт перешел от двора Поликрата, тирана Самоса, к Гиппарху, одному из афинских тиранов. Когда он пал, Анакреонт отправился к еще более блестящему двору Гиерона, тирана Сиракуз. Симонид пошел с ним, и там к ним присоединились Вакхилид, Пиндар и Эсхил.

Ономакрит был странным человеком. Похоже, что у Гиппарха было хобби коллекционировать оракулов, и он поручил Ономакриту отредактировать знаменитый сборник поэтических пророчеств Мусея, полумифического барда. Ономакрит был уличен во вставке некоторых своих собственных композиций и очень корректно исключен из-за фальсификации. Если бы были обнаружены все исторические фальсификаторы того периода, участь современного историка была бы более счастливой.

Один памятник этого периода представляет особый интерес - *стеле*, или надгробный камень Аристиона.^[35] Это барельеф, когда-то раскрашенный, изображающий воина в доспехах с длинным копьем в руке. Маловероятно, что была предпринята какая-либо попытка создать портрет покойного. Поскольку *стелла* была найдена на месте рождения Писистрата, было

высказано предположение, что это может быть тот самый Аристион, который предложил указ, наделяющий тирана его телохранителем. Это, безусловно, относится к нужному периоду искусства, но имя Аристион было распространенным; и вероятно ли, что сохранились бы записи о таком человеке?

В Афинах было принято после обеда передавать по кругу арфу, и каждый гость, когда подходила его очередь, либо импровизировал куплет, либо заканчивал экспромт своего соседа, либо пел отрывок из какой-нибудь известной песни. Самой популярной из всех этих "сколий" была "Миртовая ветвь". Одна из ее версий гласит:

- Я буду носить свой меч в миртовой ветке,
Как Гармодий и Аристокитон,
Когда они убили тирана
И освободили Афины.

"Дорогой Гармодий, ты еще не умер.
Говорят, ты на островах Блаженных,
Где живут Ахилл быстроногий
И Диомед, сын Тидея.

- Я буду носить свой меч в миртовой ветке,
Как Гармодий и Аристокитон,
Когда при жертвоприношении Афине
Они убили Гиппарха, повелителя тиранов.

"Вечной будет ваша слава на земле,
дорогие Гармодий и Аристокитон,
За то, что вы убили тирана
И освободили Афины".

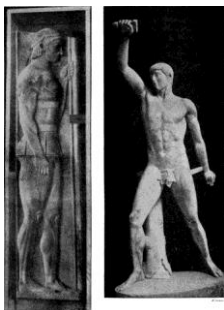

РИС. 1. СТЕЛА АРИСТИОНА РИС. 2. ГАРМОДИЙ

Даже во времена Демосфена, почти двести лет спустя, эти два человека все еще упоминались в большинстве государственных указов, потому что иммунитеты были предоставлены их потомкам навсегда. Они - единственные частные лица, которым более ста лет воздвигали статуи. Вся эта необычайная честь принадлежала им, потому что они убили тирана.

Хотя мы можем видеть благословения, которые греческие тираны принесли своим городам, к чести греков следует отметить, что они не смогли этого сделать. Они гораздо больше предпочитали плохо управлять собой, чем быть столь же эффективно управляемыми кем-то другим. Тиран мог дать им богатство, мир, культуру и счастье, но ни один грек никогда не упускал из виду *telos*, или цель тирана. Тиран правил, как говорит Аристотель, “ради собственной выгоды, а не ради выгоды своих подданных”. Отсюда их отвращение к тирании и чрезвычайные почести, которые они оказывали тираноубийцам. Такое мнение оказало огромное влияние на историю. Греки учили этому в своих школах, их ораторы приукрашивали тему, римские школьники учились декламациям против тиранов у своих греческих учителей риторики, пока, наконец, эта старая легенда о Гармодии и Аристогитоне не направила кинжалы Брута и Кассия против Цезаря.

Боюсь, это была легенда. Афинская тирания была свергнута спартанской армией, убежденной подкупленным оракулом по приказу Алкмеонидов. Все, что сделали Гармодий и Аристогитон, - это врасплох убили Гиппарха, младшего брата Гиппия, когда он возглавлял панафинейскую процессию. Очевидно также, что мотивом была просто любовная интрижка того рода, которую мы считаем сомнительной; но это только добавило необходимый оттенок романтики в историю. Ни один древний историк не поддерживает веру простых афинян в то, что Гармодий и Аристогитон освободили Афины.

Эта история послужила сюжетом для одной из самых известных архаических статуй - “Гармодий и Аристогитон” Антенора. Она была увезена Ксерксом в Персию, когда он разграбил Афины в 480 году, но в конечном итоге возвращена Антиохом Великим. Тем временем двум другим скульпторам было поручено воспроизвести группу Антенора. Вероятно, именно с этой репродукции были сделаны наши многочисленные копии. Мы видим их на монетах, на вазах, на мраморном троне и, прежде всего, на двух отдельных статуях в Неаполитанском музее, где, к сожалению, Аристогейтон, который должен был быть бородатым старцем, был унижен добавлением одной из прелестных кудрявых голов четвертого или третьего века. Но Гармодий - прекрасная архаическая работа, хотя он был свободно отреставрирован и, конечно, является всего лишь копией. Мы отмечаем, насколько удачнее выглядит тело, чем голова. Но какой бы неотесанной ни была голова, она полна достоинства и мужественности.[\[36\]](#)

Из Аристофана следует, что петь “Гармодия” по каждому возможному поводу было признаком афинского джинго-демократа.

Гиппий, как я уже говорил, был изгнан махинациями Алкмеонидов и сильной рукой Спарты в 510 году до нашей эры. Именно Алкмеонид Клисфен был призван составить новую конституцию. После выхода из тиранической стадии все греческие государства создали республику, либо олигархическую, либо демократическую. При олигархическом типе гражданство было ограничено несколькими сотнями более богатых граждан, а фактическое управление осуществлял небольшой совет из десяти-пятнадцати членов. Это был обычный тип греческого правительства. Демократия Афин была уникальной. Все греческие государства с древнейших времен унаследовали публичное собрание на рыночной площади как одно из прав

гражданства. В Афинах, в конце концов, все административные указы принимались на этой Ассамблее, или Экклесии, без какого-либо пересмотра вообще, и все взрослые граждане мужского пола могли присутствовать и выступать, если хотели. Это было равносильно управлению через массовый митинг. Это был, конечно, невежественный, непостоянный, легковозбудимый орган, особенно в ведении войны или части внешней политики. Но это был замечательный инструмент воспитания, и он давал афинскому гражданину то чувство непосредственного участия в делах своего государства, которое только и могло удовлетворить политические устремления грека. Кто назовет это провалом из-за того, что оно провалило войну и империю, если оно сделало Афины оком мира на веки веков? Клисфен учредил Совет из пятисот членов, по пятьдесят из которых были избраны от каждого из его новых десяти племен, но это был всего лишь комитет по подготовке к Ассамблее. Также все еще оставался старый патрицианский совет знати, теперь состоящий в основном из бывших магистратов, которые собирались на Ареейском холме и назывались Советом ареопага. Они были опекунами законов, что, вероятно, сводилось к наложению вето на работу Собрания и общей цензуре в отношении морали. Они также были высшим уголовным судом по делам о кровной вине — торжественным и ужасным трибуналом. Состоящие из бывших чиновников, они, естественно, имели большое влияние на магистратов, назначавшихся всего лишь ежегодно, или *архонтов*; и, фактически, как мы недавно узнали от Аристотеля, они управляли большинством дел в Афинах до окончания персидских войн. Главными исполнительными магистратами по-прежнему были девять ежегодных *архонтов*, по-прежнему избираемых всенародным голосованием. Со своими новыми десятью племенами Клисфен учредил десять *стратегов*, или генералов, чтобы руководить ими под командованием Военного архонта. Десять племен были сгруппированы таким образом, чтобы предотвратить любое повторение местных столкновений, которые позволили Писистрату возвыситься. И Клисфен изобрел хитроумную систему, названную остракизмом, с помощью которой любой непопулярный государственный деятель, набравший определенное количество голосов, поданных против него, подвергался вежливому и почетному изгнанию. Как правило, такая участь постигала лидера оппозиции, и таково было намерение. Хотя греческая демократия неизбежно развивала партийную систему, она так и не была признана. Оппозиция считалась предательством по отношению к государству, как, впрочем, и было обычно.

Такова в целом была конституция, при которой Афины достигли славы. Она была изменена, как мы увидим, Периклом в демократическом направлении. Пока что ее с ее могущественным ареопагом и выборными магистратами вряд ли можно назвать демократией. Но она стремится именно к этому, и путь, который ей предстоит пройти, ясен. Клисфен потерял большую часть заслуг, причитающихся ему, в процессе, который наделил Солона сверхчеловеческой мудростью. Он, вместе с Периклом, является отцом афинской демократии.

Иония

Содержание

В это время, когда материковые города Греции начали возрождать древнюю эгейскую культуру в изменившихся условиях, их родственники по ту и другую сторону моря опередили их в цивилизации. Почему это было так, трудно сказать — невозможно, исходя из старой теории, что все эти великие города от Милета до Сибариса были просто колониями Афин, или Коринфа, или

бедной маленькой Мегары. Но если верно, что одна и та же одаренная раса обитала со времен неолита на побережьях Восточного Средиземноморья, то вполне естественно, что города, наиболее удаленные от главного центра северного вторжения, первыми оправились от потрясений Темных веков, вызванных приходом ахейцев и дорийцев. Ионийцы, во всяком случае, обладают всеми характеристиками, которые мы должны ожидать от сородичей этих доахейских народов, без северной жесткости. Они умны, артистичны, коммерциализированы, без каких-либо военных достоинств, о которых стоило бы говорить. Они тяготеют к натуралистическим божествам, таким как Диана Эфесская, и они насмеваются над олимпийской системой. Их бог-покровитель - бог моря. Никакая глубокая пропасть, подобная пропасти расы, не отделяет их от стоящих за ними лидийских и карийских народов. Более того, мы можем определить период и политические мотивы, когда легенды об их основании в Афинах впервые вошли в моду. На Востоке "яван" было собирательным названием греков.

В восьмом, седьмом и шестом веках такие города, как Милет, Эфес и Митилена на Лесбосе, были величайшими городами греческого мира по размерам, богатству и культуре. Они, в свою очередь, отправляли колонии в Черное море, чтобы освоить его богатые регионы по выращиванию кукурузы и шерсти. Мы познакомились кое с чем из мудрости Фалеса, и мы должны позволить нашему воображению подсказать, какой огромный объем предварительных знаний и культуры требуется, прежде чем человек сможет рассчитать затмение. Вполне вероятно, что эти знания прибыли на торговых кораблях из Египта. Мы также видели, какую важную роль Иония сыграла в развитии (если не в авторстве) гомеровских эпосов. Именно здесь лирическая поэзия достигает своего апофеоза. Я надеюсь, мы согласились с тем, что эпос возник не из пустоты, но что песни должны были быть до того, как появились длинные поэмы. Следовательно, мы не склонны к экстравагантному предположению, что Сафо и Алкей были новичками в своем ремесле.

Великий лирический период VII-VI веков политически относится к эпохе аристократии и тирании. Аристократия здесь состояла не из фермеров, как в Афинах, и не из воинов-рыцарей, как в Спарте, а из князей-торговцев, которые всегда оказывались щедрыми покровителями определенного вида искусства и литературы. Большинство великих поэтов, по-видимому, были представителями аристократии.

Сапфо - выдающаяся фигура в истории литературы, единственная женщина, когда-либо занимавшая первое место среди поэтов. У нас сохранилось о ней всего несколько десятков строк из разрозненных фрагментов, всего два стихотворения, превышающих десять строк, и ни одного из тридцати. И все же даже по этим разрушенным остаткам мы можем сквозь века ощутить живую пульсацию ее страсти, выражающуюся в музыке совершенно несравненной красоты. Невозможно описать эмоции, которые испытывали ученые и поэты всех эпох, когда они впервые натыкались на

"Бессмертная Афродита звездного трона,
Дочь Бога, ткачиха коварства, я умоляю тебя
Не вызывать ни отвращения, ни огорчения, покори,
Леди, мое сердце..."

Или припев "Распавшийся брак":

Девицы

Как сладкое яблоко, краснеющее на самой верхней веточке,
Верхушка самой верхней, о которой забыли собиратели.
Забыли? Нет, но они не могли дотянуться до него.

Молодежь

“Как гиацинт на холмах, который пастух, покачиваясь,
Топчет ногами и спускает на землю яркий цветок...”

Но перевод неизбежно портит аромат, как обнаружили даже Россетти и Суинберн. Именно о Сафо Суинберн пишет в своем собственном стихотворении:

“Ах, это пение, ах, восторг, страсть!
Все Возлюбленные плакали, слушая; измученные тоской
девять коронованных Муз Стояли вокруг Аполлона;
Страх охватил их,
В то время как десятая пела удивительные вещи, которых они не знали.
Ах, десятая, лесбиянка! девять молчали,
Никто не вынес плача при звуках ее песни;
Лавр за лавром
Увядали все их венцы; но на ее лбу,
Вокруг сплетенных кос и пепельных висков,
Белых, как мертвый снег, бледнее летней травы,
Опустошенных поцелуями,
вечно Сиял огненный отблеск, как корона.
Да, почти неумолимая Афродита
остановилась и чуть не заплакала; такой песней была эта песня....”

Плодовитое и похотливое изобретение позднегреческой науки дало этой возвышенной поэтессе биографию, которая столь же фальшива, сколь и неприятна. Однако из ее собственных работ мы можем почерпнуть некоторые интересные подробности. Она принадлежала к правящей аристократии Лесбоса и, по крайней мере, на какое-то время, отправилась в изгнание вместе с ней. Женщины Лесбоса, по-видимому, образовали соперничающие литературно-культурные салоны, и сама Сафо возглавляла один из них. Между ними была сильная ревность. Как ни странно, самые пылкие ее стихи адресованы человеку ее собственного пола, и поскольку не может быть правдой, что она пишет любовным языком только поэтов-мужчин, мы должны заключить, что женщины Ионии подражали мужчинам в этой странной страсти, которая игнорировала секс. Чтобы опровергнуть знаменитую басню о ее драматическом самоубийстве со скалы из-за неразделенной любви, у нас есть фрагмент ее послания дочери со спокойного смертного одра:

“...Ибо нехорошо, чтобы в доме, где обитают Музы, обитала Скорбь: нам это не подобает”.

Мы не можем легкомысленно отмахнуться как от простой сплетни от истории о нежных чувствах или, по крайней мере, нежных выражениях между Сафо и Алкеем. Они были современными поэтами-любовниками из одного и того же города. Сафо иногда использовала алкайскую меру, а Алкей - сапфическую. Кроме того, у нас есть это на основании авторитета Аристотеля. Сохранилась одна строка от Алкея к Сафо:

“Сафо, чистая, сладко улыбающаяся ткачиха фиалок”.

Алкей тоже принадлежал к лесбийской аристократии. Он намекает на недолговечную тиранию, которая закончилась назначением конституционного тирана или диктатора, мудрого и великодушного Питтака. В ходе этих беспорядков Алкей отправился в изгнание — среди прочих мест, следует отметить, в Египет, — в то время как его брат поступил на службу к царю Вавилона. Таковы были космополитические отношения того периода. Поэт также сражался за свою страну против афинян в борьбе за Сигеум и с юмором описывает тот факт, что во время разгрома потерял свой щит. Такая потеря была обычным признаком поражения и обычно рассматривалась как клеймо позора для солдата. Но ионийцы ни к чему не относились серьезно, даже к войне. Станным образом о преобладании типов в греческом искусстве свидетельствует тот факт, что многие поэты—лирики потеряли свои щиты в битве - Алкей, Архилох и Анакреонт, — в то время как римлянин Гораций был слишком тщательным подражателем греческой лирической традиции, чтобы пренебречь их примером в этом отношении. Поэзия Алкея делится на два класса — праздничные песни, восхваляющие любовь и вино, и политические песни, нападающие на его врагов. Он тоже в основном сохранился в таких фрагментах, как

“Вино - зеркало для смертных...”

“Вино, дорогое дитя, и Правда...”

Хотя в его творчестве нет огня Сафо, оно необычайно художественно, отточено и богато языком чистой поэзии. В остальном мы должны довольствоваться признанием его великой репутации в античности и наслаждаться им через посредство латыни Горация.

Эти два великих поэта, которые оба расцвели около 600 г. до н.э., их предшественники Архилох, Арион, Каллин и Терпандр, а также их преемники следующего поколения Анакреонт и Симонид, являются лучшими представителями ранней культуры Ионии. Для полноты картины мы должны вспомнить ее философов. Помимо Фалеса и Биаса, двух мудрецов (Биасу, кстати, приписывают предложение о том, чтобы ионийцы массово покинули свои дома и основали объединенное государство на западе), были исследователи естественной философии, такие как Анаксимандр, который составил первую карту и первые солнечные часы и объяснил эволюцию жизни из хаоса взаимодействием тепла и холода, Гераклит Эфесский, “плачущий философ”, или Гекатей Милетский, прародитель истории и географии. Гекатей впервые объяснил, что боги - это всего лишь обожествленные смертные прошлых эпох, доктрина, впоследствии названная

эвгемеризмом. Это была ионийская позиция скептицизма, которая, несомненно, прослеживается в отношении Гомера к богам. Даже Сафо, поклонявшаяся Афродите, говорит в одной отрывочной строке:

“Я не знаю, кто такие боги: у меня есть два понятия...”

Язык - самое простое средство для творчества. Мы не должны удивляться, обнаружив, что этот высокий поэтический и философский стандарт хронологически сопровождается пластическими работами, которые до сих пор называют архаичными, на которых художник мучительно борется со своим

Рис. 1. СКУЛЬПТУРНАЯ КОЛОННА ИЗ СТАРОГО ХРАМА АРТЕМИДЫ В ЭФЕСЕ

РИС. 2. РЕЛЬЕФ ИЗ ГРОБНИЦЫ ГАРПИЙ, СЕВЕРНАЯ БОКОВАЯ плита XXX

материал. Хотя Милет уже богател благодаря торговле, ионические типы монет все еще очень примитивны. Принято считать, что чеканка монет была изобретена лидийцами в седьмом веке, но долгое время знаки на их монетах были всего лишь механическими оттисками. Одной из самых ранних попыток использования художественного мотива является найденная в Галикарнасе монета с изображением оленя и надписью, которая, по-видимому, означает “Я - знак Фанеса”. Мы знаем о Фанесе в Галикарнасе в конце VI века, но это, должно быть, знак его предка. Большинство этих монет изготовлены из электрума, натуральной смеси золота и серебра.

Монета Фанеса

О скульптуре этого региона мы должны довольствоваться двумя примерами. Одна из них - так называемая Гробница гарпий из Ксанфа в Ликийи.^[37] Это показывает нам “гарпий”, задуманных как ангелы смерти — ни в коем случае не злобные, какими гарпии впоследствии стали, — уносящие мертвых. Возможно, было бы лучше назвать их Керами, или Судьбами. В центре этой северной стороны изображен мертвый воин, отдающий свой шлем Аиду. На западной стороне величественно восседает Царица Мертвых (Персефона). Над дверью изображен распространенный геральдический мотив козленка, а справа от нее трое верующих приносят подношения из маков и кунжута другой сидящей богине. Археологи датируют этот памятник второй половиной VI века.

Другая - скульптурная колонна из храма в Эфесе.[38] Большой интерес к этой работе вызывает надпись, которая сообщает нам, что она была создана лидийским царем Крезом. Этот знаменитый монарх находился у власти с 560 по 546 год до н.э. Сам наполовину грек, с сильными эллинскими симпатиями и в тесной связи с дельфийским оракулом, его растущая мощь побеждала и поглощала независимые города Ионии, которые не оказывали особо сильного сопротивления. Но ему самому пришлось столкнуться с еще большей силой, поглотившей тогда древние царства Востока, — с Киром мидийским и персским. Крез проиграл великую битву и умер так же пышно, как и жил, на великолепном погребальном костре. Греки любили придумывать истории об этом плутократическом властителе, иллюстрирующие одну из их любимых максим, направленных против гордыни: “Не называй человека счастливым, пока он не мертв”. Вопреки хронологии, между ним и Солоном были составлены поучительные беседы. Очевидно, что на греков произвела огромное впечатление его великолепная жизнь и драматический конец. Падение лидийской державы поставило греков лицом к лицу с Персией, и от исхода этого важнейшего конфликта зависели судьбы европейской цивилизации.

Из чисто эстетических соображений я предпочитаю проиллюстрировать этот раздел картиной, которая, как можно опасаться, хронологически относится к периоду, по крайней мере, двумя поколениями позже. Но дух Сафо, кажется, раскрывается в нем, как ни в каком другом произведении искусства. Эти “Рельефы с трона Людовизи”[39] были обнаружены в Риме без надписи, сообщающей нам, откуда или когда они были туда доставлены. С точки зрения декора они представляют собой превосходные образцы барельефа. Обратите внимание, как мотивы сочетаются с треугольными плитами. На одной изображена девушка-флейтистка, играющая на двойной трубе. Женская нагота действительно редко встречается в работах пятого века; вероятно, никто, кроме *аулетриса*, не был бы так представлен в то время; но тема рассматривается со всей возможной изысканностью и сдержанностью. На другом изображен поклоняющийся в капюшоне, поправляющий или гасящий лампу. А кто эта богиня в диадеме на центральной плите? Это не море, из которого она поднимается. Это не может быть никто иной, как служанка Персефона, которая провела полгода со своим темным повелителем Аидом под землей, а половину - со своей матерью Деметрой наверху, и когда она вернулась, то принесла с собой весну и цветы. Изображение шелковых одежд, наполовину открывающих тонкую анатомию под ними, настолько искусно и продвинуто, что мы с удивлением замечаем, что глаза все еще изображены архаично.

Пока эти строки появлялись в прессе, появились новости о том, что

Плита XXXI. РЕЛЬЕФЫ С “ТРОНА ЛЮДОВИЗИ”

Алинари

Америка добавила еще один к своему списку трофеев, захваченных в Европе. Бостонский музей изящных искусств только что приобрел еще три плиты, которые, очевидно, принадлежат тому же памятнику, и благодаря любезности Директора мы имеем возможность опубликовать одно из самых ранних фотографических изображений.^[40] Говорят, что эти дополнительные плиты годами пролежали незамеченными в руках коллекционера в Льюисе, в Сассексе. Независимо от того, составляли ли они вторую половину того же трона, гробницы или алтаря, или они составляли вторую из пары, новые плиты точно соответствуют старым по форме, тематике и обращению. Фигура в капюшоне на старом “троне” уравнивается удивительно реалистичной старой женщиной из нового. Обнаженная флейтистка имеет своего двойника в виде обнаженного мужчины-кифариста. А длинная центральная плита дополнена новым рельефом, изображающим крылатого бога-мужчину и двух сидящих женщин.

Что касается стиля, то он, очевидно, идентичен; та же замечательная смесь архаичного несовершенства в очертаниях голов и лиц с законченным и уверенным мастерством в технике рельефа. Архитектурный орнамент, резьба по обнаженным телам, обработка крыльев и драпировок столь же совершенны, как и скульптуры Парфенона. И все же архаичная улыбка на лицах, резьба по глазам, несовершенное расположение головы в профиль на теле анфас напоминают ранние эгинетские скульптуры и метопы Селина. Я полагаю, мы должны датировать эту работу периодом между Марафоном и Саламином или чуть позже. Тем не менее, даже на вазописях на полвека вперед нет ничего, что соответствовало бы изображениям обнаженных тел или крылатого бога.

Сюжеты одинаково загадочны. На длинной плите мужским богом, должно быть, является Любовь или (как я скорее думаю) Смерть. Отверстия в мраморе указывают на то, где были прикреплены бронзовые весы, которые он держал в руках. Две женские фигуры, очевидно, обозначают Радость и Печаль. Бог улыбается, и весы склоняются в сторону Радости. Рядом с коленями двух женщин находятся загадочные предметы из мрамора, которые, казалось, свисали с весов и на самом деле поддерживали их. На каждом изображена обнаженная мужская фигура с поднятыми над головой руками, словно готовящаяся нанести удар мечом. Архитектурные свитки, которые поддерживают это, и соответствующие отдельные фигуры на новых плитах, как мне кажется, указывают на корабль, тем более что под одним из них изображен дельфин, обычный символ моря. В других уголках есть гранаты, фрукт, ассоциирующийся с подземным миром.

Мифологическая интерпретация, без сомнения, попытается соотнести эти сцены со знаменитым гомеровским сравнением весов в связи с судьбой Гектора. Но это в высшей степени неудовлетворительно. На мой взгляд, вся серия содержит отсылки к Смерти. Крылатый Бог Смерти вновь появляется на афинских погребальных лецитах более поздней даты. Фигуре Скорби может соответствовать мраморная статуя, найденная в Элевсине. У музыкантов печальные или задумчивые лица исполнителей панихиды. Восходящая Персефона - героиня элевсинского мифа о бессмертии. Пожилая женщина может быть Судьбой, а ее младший двойник наверняка готовит светильник к путешествию. Короче говоря, я бы рискнул высказать мнение, что весь памятник носит элевсинский и погребальный характер, скорее символический, чем мифологический. Такой персонаж действительно странен для периода, к которому, по-видимому, относится искусство, но само искусство не имеет какой-либо близкой

параллели. Большого сейчас говорить было бы неприлично; памятник находится *на рассмотрении суда*, и пока профессор Студничка не выскажется, “пусть ни одна собака не лает”.

Запад

Содержание

Где бы ни был покровитель, поэты соберутся вместе. Когда такие тираны, как Поликрат и Писистрат, перестали существовать на Востоке, а ионийские города пали под властью лидийской и персидской деспотии, придворные поэты мигрировали со своими лирами и прочим багажом на Сицилию и в Южную Италию, где аристократия была столь же элегантной, а тираны - столь же щедрыми. Центры торговли в этом

Фото 32.—Рельефы с трона “Людовизи”, ныне находящиеся в Музее изящных искусств, Бостон, США

периодом до того, как Афины приобрели известность, были Милет, Коринф, Эгина и Сибарис, но прежде всего первый и последний. Запад был тогда, как и сейчас, одной из величайших житниц мира. В частности, Сицилия с ее плодородной вулканической почвой и ровным климатом считалась исконной родиной пшеницы. Милезийская шерсть и восточные изделия нашли готовый рынок сбыта среди этрусков, вкусы которых были греческими, как и у их расы изначально. Большая часть этой торговли проходила через руки Сибариса. В результате Сибарис, на ее мягком, теплом берегу залива, стал символом богатства и женственности, вошедшим в поговорку. В начале VI века Сибарис, по-видимому, был больше и богаче, чем любое другое государство в любой период греческой истории. Ее стены имели окружность более шести миль, ее население составляло 100 000 человек, она постоянно держала силы в 5000 всадников и, как говорят, в своей последней великой битве выставила на поле боя 300 000 человек. Но в разгар своего богатства и роскоши она пала - и была разрушена навсегда, так что не осталось и следа на ее месте. Ее погубил сосед и соперник Кротон. Кротон был далеко не так богат, но он был лучше подготовлен к войне. Она гордилась количеством призов, завоеванных ее спортсменами в Дельфах и Олимпии, и ее возглавлял знаменитый силач Мило, тот, кто

“Мог бы сломать дуб
И привязать тебя к его узловатым внутренностям”.

Говорят, что в великой битве на реке Трайс в 511 году кавалерия Сибариса была настолько лучше приучена к музыкальной муштре, чем к сражениям, что при звуках вражеских флейт лошади сибаритов пустились в пляс! Аскетизм, который привел к эффективности Кротона, был результатом учения великого философа Пифагора Самосского. Станным человеком был Пифагор; его философия в значительной степени состояла из здоровой математики, помешанной на метафизике. Он придавал мистическое значение четным и нечетным числам; гармония была принципом вселенной. Неизменным учением его философии было учение о метемпсихозе, или переселении душ:

“Клоун”. Каково мнение Пифагора о дикой птице?

“ Мальволио. Что душа нашей бабушки, возможно, вселится в птицу.

Эти доктрины о бессмертии души пришли, без сомнения, с Востока, поскольку сообщается, что Пифагор жил в Египте и посетил Вавилон. Он основал великое тайное общество, которое жило по монашеским (и, конечно, вегетарианским) принципам. Он оказал значительное влияние на умы Платона. Его последователи, объединенные мистическими обрядами посвящения, стали играть важную роль в политике своей страны и, как следствие, приобрели дурную славу.

Когда Сибарис был разрушен, некоторые из выживших нашли убежище в Посидонии, ее колонии. Здесь, в современном Песто, находится одна из самых великолепных реликвий дорической архитектуры.[\[41\]](#)

Ксенофан Колофонский был еще одним ионийским философом VI века, пришедшим наставлять Запад. Он был основателем важной элеатской философской школы, учившей, что Бог един и был един с природой. Как и другие ему подобные, он уделял большое внимание изучению природы, особенно геологии. Эти регионы также могли похвастаться двумя самыми знаменитыми законодателями древности: Залевком из Западных Локров, который, как говорят, был первым, кто записал законы, и Харондасом из Катане. У нас есть основания полагать, что законодатели Греции представляют собой скорее концепцию греческой истории, чем факт. Несомненно, эти два мудреца имеют такое же историческое значение, как Солон, но еще меньше сомнений в том, что они оба стали мишенью для тщательно продуманных подделок какого-то позднего пифагорейского философа, которому удалось навязать им целый ряд превосходных моральных доктрин, к великому замешательству более поздних авторов, таких как Цицерон и Диодор, которые считали их подлинными.

Табличка XXXIII. ХРАМ ПОСЕЙДОНА В ПЕСТО

Их лживость была убедительно продемонстрирована великим Ричардом Бентли.

Поэты-лирики тоже возникали на Сицилии и в Малой Азии. Стесихор из Гимеры, который ослеп из-за того, что плохо отзывался о прекрасной Елене Троянской, и Ибик из Регия, который с почти сапфическим пламенем поет о розах, соловьях и Эросе

“Который бросает свой тающий взгляд из-под темных век”.

Но наиболее примечательной по объему таланта является плеяда поэтов, собравшихся в Сиракузах вокруг великого тирана Гиерона. О его богатстве свидетельствуют его частые победы в греческих гонках на колесницах. Этим спортивным триумфам мы обязаны не только несравненными видами монет из Сиракуз, но и бессмертными победными песнями Пиндара. Орлиные полеты Пиндара я уже описывал как неопишуемые. Я думаю, мы не можем занять позицию греков по отношению к скачкам. Как бы мы ни были уверены в них, мы не связываем их с историей и религией. Пока мы этого не сделаем, Пиндар должен оставаться для нас в значительной степени незнакомцем. Он подобен сказочному жонглеру, подбрасывающему нитки драгоценных камней, которые исчезают, когда мы пытаемся схватить их. Вакхилид - меньший, более легкий Пиндар. Я уже упоминал, что его дядя Симонид и Анакреонт также переехали ко двору. Вскоре к ним присоединился более великий, чем они все, трагик Эсхил.

Как на Востоке были могущественные варварские королевства, которым предстояло противостоять, так и у ворот Запада всегда стоял ужасный враг — семиты. Эти финикийские торговцы были гораздо более могущественными и агрессивными в своей колонии Карфагене, чем в метрополиях Тире и Сидоне. Превосходно организованное государство, с способными

генералами и хорошо обученными наемными войсками, они жаждали заполучить богатый остров Сицилия. Они, по-видимому, обосновались на западной оконечности острова еще до того, как греки пришли колонизировать восток и юг. Благодаря огромным ресурсам сиракузских тиранов здешние греки более успешно сопротивлялись варварам, чем ионийцы на востоке. Великий конфликт разгорелся в битве при Химере, которая, согласно традиции, произошла в тот же день, что и Саламин, и была выиграна Гело, который предшествовал своему брату Гиерону на троне Сиракуз. Эта победа загнала финикийцев обратно в их угол почти на столетие.

Следует отметить, что Химера и Платея означали гораздо больше, чем физические победы. Ни персы, ни финикийцы не были варварами в нашем понимании; более того, в том, что касается политической организации и материального комфорта, они были намного впереди греков. Это был вопрос, какая из двух цивилизаций, какая из двух духовных и нравственных точек зрения должна преобладать. Благодаря этим победам Европа вышла из Гоморры с запахом серы на волосах и подолах своих одежд.

Ближайшим к карфагенянам городом на Сицилии был Селин. О богатстве и благочестии этого города свидетельствуют остатки восьми дорических храмов, семь из которых относятся к шестому и началу пятого веков. Отсюда происходят самые ранние образцы храмовой скульптуры. Самой ранней является очень архаичная метопа[42], на которой Персей отсекает голову Горгоне, которая цепляется за маленького Пегаса, в то время как Афина стоит позади, чтобы подбодрить героя. Головы изображены анфас, а ноги в профиль. Горгона - самая счастливая работа (она выглядит самой счастливой из трех), потому что это был признанный вид искусства уродства и ужаса. Другая[43], проиллюстрированная здесь, относится к началу пятого века, незадолго до метоп Олимпии. Она с большим достоинством и красотой изображает появление Геры перед Зевсом, когда она явилась во всем своем наряде, как рассказывается у Гомера, чтобы очаровать его сердце. Обратите внимание, как превосходно спроектирована сцена, чтобы заполнить пространство панели, не перегружая ее.

И Акрагас, родина тирана Терона, тоже оставил нам руины колоссального храма необычной конструкции. Колонны настолько огромны, что внутри них может стоять человек.

РИС. 1. ПЕРСЕЙ И ГОРГОНА РИС. 2. ГЕРА И ЗЕВС

Табличка XXXIV. МЕТОПЫ ИЗ ХРАМА ГЕРЫ В СЕЛИНЕ

Наиболее примечательной особенностью является ряд колонн, вырезанных в виде мужчин, несущих тяжелый антаблемент, подобно кариатидам Эрехтеума, несущим свой портик на головах. Но мотивом в Акрагасе было указать на силу носильщиков и тяжесть ноши. Утонченный афинянин поставил на их место девушек с очень легкой крышей для переноски. Эта идея не

нашла большого признания среди греков, хотя она довольно популярна у современных архитекторов — примером может служить дворец Эрмитаж в Петербурге.

Из всего великолепия древних Сиракуз лучшими памятниками являются высокие дорические колонны, встроенные в стены христианского собора. Однако в поисках сиракузского искусства мы предпочитаем обратиться к их монетам.^[44] Говорят, что Гело отлил эти первые красивые серебряные изделия из добычи, взятой у карфагенян при Химере. На реверсе всегда изображена колесница с четырьмя лошадьми, обозначающими тетрадрахму, двумя - дидрахму и одной - драхму. На аверсе изображена голова нимфы Аретузы, которая охраняла священный источник на полуострове цитадель Сиракуз, которая называлась Ортигия. Дельфины вокруг головы изображены как символ соленого моря, которое окружает этот пресный источник воды. Если типы монет являются каким-либо доказательством, мы можем предположить, что Гело больше думал о своих победах в Олимпии в гонках на колесницах, чем о своем триумфе на поле битвы при Химере.

IV

ВЕЛИКИЙ ВЕК

Содержание

ὄθι παῖδες Ἀθαναίων ἐβάλοντο φαεινὰν κρητὶ δ' ἐλευθερίας.
Пиндар.

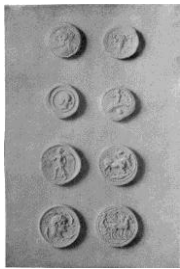
Расцвет Афин

Содержание

НИКОГДА во всей мировой истории не было такого скачка цивилизации, как в Греции пятого века. В одном городке с населением около тридцати тысяч человек при жизни мужчины и его отца произошли такие вещи: держава-завоевательница мира была разрушена навсегда, была создана военно-морская империя, драматургия достигла расцвета, скульптура выросла из грубого младенчества до высоты, которую она еще никогда не превзошла, живопись стала изящным искусством, архитектура поднялась от неуклюжести до предела своих возможностей в одном направлении, история была доведена до конца как научное искусство, родилась самая влиятельная из всех философий. И все это не при покровительствующем деспоте, а на крайних человеческих границах свободы, равенства и братства. Одна афинская семья могла знать Мильтиада, Фемистокла, Эсхила, Софокла, Еврипида, Сократа, Фидию, Перикла, Анаксагора, Аристофана, Геродота, Фукидида, Полигнота и Иктина.

Никакая историческая причина не может объяснить гениальность, ни один историк не может предсказать ее приход. Некоторые говорят, что великая литература создается вспышками национальных эмоций, как Шекспир был “произведен” поражением испанской армады (хотя он

Табличка XXXV. РАННИЕ МОНЕТЫ СИЦИЛИИ И ВЕЛИКОЙ ГРЕЦИИ

1. NAXOS. 2. ТАРЕНТ. 3. КАТАНА. 4. СИРАКУЗЫ.

было двадцать четыре, когда это произошло), а Мильтона - "Пуританским восстанием" (хотя он написал "Комуса" в 1634 году). Другие утверждают, что искусство - это расцвет упадка. Тщетно искать истинную причину восстания гениев в политике. Но когда целое государство одновременно достигает интеллектуального накала, при котором шедевры создаются почти ежедневно почти во всех сферах человеческой деятельности, мы можем и должны искать какое-то историческое и политическое объяснение.

Писистрат, как я уже утверждал, заложил основы афинской цивилизации, частично превратив ее в настоящий город-государство, частично напрямую поощряя искусство и литературу, частично развивая торговлю и, таким образом, открывая путь иностранным влияниям. Затем, в 507 году, Клисфен и спартанцы создали в Афинах свободную республику с отчетливо выраженными демократическими тенденциями. Таким образом, холодное господство консервативной, некультурной аристократии, которая в основном занималась сельским хозяйством, утратило свои позиции, хотя, без сомнения, Ареопаг, который по-прежнему "руководил большинством дел", в значительной степени сохранил свое влияние. То, что теперь превратилось в самый могущественный элемент в государстве, было мореплавательным торговым населением, жившим в основном на морском побережье. Это были беспокойные, нетерпеливые умы, которые начинали все обдумывать и ориентироваться в большом мире за пределами Аттики. Они были бы в постоянных деловых отношениях со своими ионическими родственниками по ту сторону моря и таким образом впитали бы нотку их космополитической культуры. Соответственно, когда в конце VI века ионийцы подняли восстание против своих персидских хозяев, Афины вместе с Эретрией, другим торговым городом с восточными связями, единственными откликнулись на их крик о помощи. Это был всего лишь набег, но он опалил бороду Великого царя, спалив одну из его столиц, Сарды. За это была обещана месть. Великий царь тех дней не был женоподобным, роскошным азиатом, подобным тем, за кем Александр гонялся по Азии в более поздние времена. Мидяне и персы были тогда непобедимыми завоевателями, которые только что поглотили все великие империи и древние цивилизации Востока. Они намеревались завоевать весь мир, и теперь между ними и самонадеянными греками не было ничего, кроме узкого моря. Соответственно, в Грецию обычным образом были отправлены послы с требованием земли и воды в знак покорности. Говорят, что афиняне бросили своих послов в баратрон, куда сбрасывали тела преступников для захоронения, чтобы собрать там столько земли, сколько смогут. Спартанцы, у которых оригинальность никогда не была сильной стороной, бросили свою книгу в колодец, указав тем самым, что ответ был отрицательным. Итак, Дарий собрал очень большое войско из всех своих вассалов и отправил

его по суше, с кораблями, идущими вдоль берега. К счастью для Греции, флот потерпел страшное кораблекрушение у опасного Халкидийского мыса горы Афон. В 490 году Дарий предпринял новую попытку. На этот раз это были гораздо меньшие силы, предназначенные не для завоевания Греции, а просто для наказания Афин и Эретрии. Это была всего лишь морская экспедиция, но на кораблях было предусмотрено место для возвращения закованных в цепи афинян для судебного разбирательства. Датис и Артаферн были лидерами, но бывший тиран Гиппий был там, чтобы показать им дорогу к Акрополю, где, похоже, у него уже были друзья, ожидавшие его возвращения. Но среди военачальников Афин также был бывший тиран Херсонеса, тот, кто знал персидские методы ведения войны и имел сильнейшие мотивы для сопротивления им. Этим тираном был Мильтиад. План Гиппия состоял в том, чтобы пересечь пролив из Эвбы, где персам удалось поработить Эретрию, высадиться на северном побережье Аттики с большими силами и, пока сухопутная армия Афин была занята там, проскользнуть с флотом к Пейрею и захватить Афины незащищенными. Его планы потерпели неудачу, поскольку афинская линия пронеслась вниз по холму у Марафона^[45] на персидских лучников, прежде чем они были полностью развернуты, и своим молниеносным ударом отбросили их обратно в море с большой резней, а затем на полной скорости вернулись в город, вовремя.

Фото XXXVI. МАРАФОНСКАЯ РАВНИНА

English Photo Co., Афины

Это был триумф афинского гоплита — его единственный действительно великий подвиг в истории — возглавляемого аристократами и управляемого аристократическим советом. Сам гоплит был обеспеченным гражданином, который мог позволить себе полный комплект доспехов. Это не было победой демократии, и шумный пролетариат Пирэя почти не участвовал

в ней, если вообще участвовал. Но это был чисто афинский триумф. В одиночку - с помощью своей маленькой беотийской подруги Платеи — в одиночку она сделала это. Бегун Филиппидис настоятельно умолял великий дорийский город прислать помощь. Но Спарта была занята празднеством, и ей пришлось ждать, пока луна не взойдет как раз для того, чтобы выступить в поход. Теперь Афины, благодаря этому высшему достижению, вышли на второе место среди греческих держав.

Несколько лет спустя несколько рабов, работавших на афинских серебряных рудниках в Лауриуме, случайно наткнулись на богатую жилу металла. Все афинские граждане были пайщиками всего государственного имущества и, естественно, рассчитывали разделить прибыль, которая составила бы около десяти франков на душу населения. Затем встал некий Фемистокл — не аристократ, но убедительный оратор с самым гибким мозгом, который Зевс когда-либо создавал с тех пор, как Гермес украл коров, — и предложил потратить всю премию на корабли. Это поворотный момент в истории Афин. Стойкие гоплиты, одержавшие победу в Марафоне, были ошеломлены этим предложением. Они указывали, что сила Паллады заключалась в ее копье, что создание военно-морского флота означало бы поощрение буйных радикалов в Пейрее. Кроме того, для чего это было нужно? Персы снова отправились домой. В ответ Фемистокл обратил внимание на то, что в то время шла небольшая война с Эгиной, островом, который, очевидно, не могли завоевать только гоплиты. Несомненно, сосед-грек был более убедительным пугалом, но Фемистокл должен был знать, что Персия была врагом. Афинам не требовалась сотня новых кораблей для сражения с Эгиной, у которой не было и десятка для использования в бою. Несомненно, Фемистокл пользовался поддержкой “морской черни”, поскольку он получил большинство голосов за свое предложение и вскоре после этого избавился от своего главного противника, Аристидеса, подвергнув его ostracism. Таким образом, Афины приобрели флот, несравнимо более мощный в греческих водах. Это было необходимо.

Персия потратила этот промежуток времени на подавление Египта; Дарий был мертв, и Ксеркс правил вместо него. Но раб все равно стоял за царским креслом и каждый день за обедом шептал: “Господин, вспомни афинян”. В 480 году у него было время вспомнить их. На этот раз не должно было быть никаких просчетов; на этот раз не просто рейд, а самое мощное вооружение в истории. На этот раз обошлось без кораблекрушений: там, где армии предстояло пересечь море у Дарданелл, был построен мост; там, где флоту предстояло обогнуть мыс, был прорыт канал.

Ведущий был в том же масштабе. Геродот и Эсхил одинаково наслаждаются, выставляя напоказ диковинные имена восточных вождей, демонстрируя численность этого могучего воинства всех народов земли, то, как они выпивали реки досуха во время марша, останавливаясь на странном снаряжении далеких варваров Фракии, Индии и Судана, богатстве и великолепии Великого царя, как он хлестал море, когда оно разрушило его мост, как он допрашивал изгнанного спартанского царя Демарата, не в силах поверить, что эти маленькие люди осмелились восстать против него. Даже больше, чем жизнь и смерть Креза, эта бессмертная история о великой армаде персидского монарха и ее падении, с трагическим контрастом между его славным отправлением в путь и жалким возвращением, впоследствии всегда будоражила воображение греков. Разве это не иллюстрировало их любимую философию “Без излишеств” и “Познай самого себя”? Все их искусство было основано на этом мотиве: “Познай самого себя; проявляй Благоговение, потому что Богатство и Процветание ведут к Дерзости, а это вызывает

Зависть у богов и людей. Гнев (Немезида) следует по пятам за Дерзостью, обольщая ложной Надеждой и, в конце концов, приводя к Гибели”. Такова доктрина всей греческой трагедии; и Геродот, и Фукидид проиллюстрировали это в истории, причем первый привел Персию, а второй - Афины в качестве примеров и жертв. Но это определяло и их искусство; в этом секрет сдержанности, которая характеризует все лучшее в их творчестве. Эта добродетель Айдоса управляла их духом. Вот почему так абсурдно думать о греках как о счастливых язычниках. Они ходили в страхе перед Господом, в тени трагедии.

Известие об этом размещении войск повергло Грецию в состояние разобщенности и террора. Некоторые государства подчинились по первому требованию. Все послали за советом к дельфийскому оракулу. Аполлон, к сожалению, был охвачен паникой. Он велел критянам не вмешиваться, он велел аргивянам беречь свою голову; в Афины, в частности, он послал самые страшные угрозы: “О несчастные люди, почему вы сидите здесь? Летите на край земли, оставляя свои дома и высокую цитадель вашего города в форме колеса. ... Ибо огненный и стремительный Арес, управляющий сирийской колесницей, разрушает ее. И он разрушит много других замков, и не только ваш; и он предаст пожирающему огню многие храмы бессмертных, которые сейчас стоят, обливаясь потом и трясаясь от ужаса; черная кровь сочится с самых верхних крыш, предвещая неизбежное разрушение. Покиньте святилище и закалите свои сердца, чтобы встретить несчастья”. Представьте себе действие такого оракула в такое время и представьте себе мужество Афин, готовящихся к сопротивлению! Фессалия покорилась; Гело из Сиракуз, самый могущественный союзник греков, которого они могли иметь, отказался помочь, будучи на самом деле полностью занят карфагенским вторжением на Сицилию; Коркира сидела сложа руки. Предполагалось, что Фивы были предателями, но нет никаких сомнений в том, что история была несправедлива к Фивам. Тем не менее, персу было предложено сделать все, что в его силах. План спарты состоял в том, чтобы провести сильные рубежи через Коринфский перешеек и сражаться там, защищая Пелопоннес, который был единственной Грецией, о которой заботилась Спарта. Это означало дезертирство из всех северных частей. В конце концов ее убедили попытаться оказать сопротивление на северных перевалах, но она сделала это без особого энтузиазма. Темпе был признан неприступным, поскольку захватчики прорывались через другой перевал к западу от него. Поэтому первое сопротивление было оказано у Фермопил, где горы оставляли лишь узкую тропу вдоль берега.

Битва при Фермопилах и гибель Леонида с его тремя сотнями спартанцев часто изображаются как безнадежное самоубийство. Напротив, это был разумный план обороны, хотя и задуманный лишь как первая линия сопротивления. Шесть тысяч греческих гоплитов шли вместе с Леонидом, и их должно было быть достаточно, чтобы удержать этот узкий проход и горную тропу, которая одна могла обогнуть его, против огромных сил. Конечно, персы наступали по суше и морю, но Фемистокл с греческим флотом должен был сдерживать их флот в параллельной точке. План провалился, потому что фокейцы, охранявшие горную тропу, были застигнуты врасплох и бежали. Пелопоннесских союзников, которые затем были отправлены обратно Леонидом, не распустили из-за безнадежности дела, а отправили защищать точку, где горная тропа выходит к главному перевалу. Этого им не удалось сделать. Леонидас оказался между двух огней и доблестно погиб со всеми своими людьми. Это было не менее славно, потому что это было разумно. Тем временем сильный шторм нанес серьезный урон персидскому флоту.

Теперь стратегия защиты перешейка казалась единственной надеждой, и это, конечно, означало оставление Афин. К сожалению, афиняне осознали необходимость этого; они перевезли своих жен и детей на остров Саламин и посадили всех своих воинов на борт своего флота, насчитывавшего почти двести судов. Доктор Г. Б. Гранди, современный исследователь этих войн, считает, что оборона Акрополя была серьезной попыткой, а не фанатичным неверным толкованием того второго оракула, который советовал Афинам полагаться на деревянные стены. Персы неудержимо наступали, разрушили Аттику и сожгли город Афины и ее цитадель — однако не настолько полностью, чтобы уничтожить там все старинные скульптуры.

Великая морская битва при Саламине[46] Здесь не нуждается в описании

Фото XXXVII. САЛАМИНСКИЙ ЗАЛИВ

English Photo Co., Афины

Это была победа Фемистокла. Он уговаривал, угрожал и, наконец, обманом заставил спартанского адмирала остаться там, вместо того чтобы отступить на перешеек. Он хитро убедил персидского монарха атаковать греков в узких водах, где численность была лишь препятствием; флот, победивший в тот день, был его творением. Битва приобрела свое бессмертное очарование благодаря изображению Ксеркса, сидящего на возвышенном холме на мраморном троне и наблюдающего за сражением, происходящим у его ног. В этом узком проливе между Саламином и материком и в той ясной атмосфере каждая деталь боя должна была быть видна монарху, его придворным, его евнухам и наложницам. Не было ни дыма, ни пыли; маневром было просто “полный вперед и таранить”, управляя, если вы могли, так, чтобы металлический нос вашего корабля ударил врага наискось и срезал весь ряд выступающих весел с одной стороны. Затем, если только враг не падал под ударом, это был рукопашный бой с копьем и щитом против стрел и ятаганов.

Таким образом, отпала необходимость в укреплениях на перешейке. Афины победили на море так же, как они победили на суше при Марафоне. Ксеркс бежал домой с большей частью своей армии в сильном страхе, что его мост через Геллеспонт будет разрушен.

Он оставил позади себя большие силы под командованием Мардония, отборную персидскую кавалерию и пехоту, которые в течение некоторого времени опустошали Северную Грецию и совершили второе разграбление Афин. Наконец дело дошло до великой кампании при Платее (479 г.). Здесь спартанская пехота получила свой шанс и доказала, что достойна его, хотя афинские гоплиты также убили их тысячи. Так что, наконец, персидская опасность миновала, и Греция снова смогла вздохнуть свободно.

Весь этот эпизод был великим достижением греков на поле боя. Он перешел в область героической истории. Это почти единственный исторический эпизод, который разрешалось использовать в драме, обычно посвященной героическим и эпическим сюжетам. Ни одно

публичное выступление не было полным без упоминания о нем. Художники-вазописцы также изобразили историю Дария и Ксеркса так же, как они изобразили историю Гектора и Приама. Однако это оставалось на грани дозволенного, поскольку, когда храмовые скульпторы хотели сослаться на это, они обычно делали это под прикрытием гомеровских состязаний между греками и троянцами или мифологических битв между богами и гигантами или Лапифами и кентаврами. Память об этом объединенном действии оказала определенное влияние на противодействие местному сепаратизму греков.

Сторона этого великого состязания, которая нас больше всего волнует, - это его влияние на развитие афинской цивилизации. Саламин и Платеи выдвинули Афины вперед, в первые ряды Греции, до положения почти на одном уровне с самой Спартой. Это правда, что ей все еще приходилось спрашивать разрешения у Спарты или обманом заставляя ее согласиться, прежде чем она могла построить стены, о которых мечтала. Но прежде всего это было триумфальное подтверждение политики Фемистокла. Даже Аристид, вернувшийся домой, чтобы помочь своей стране в час испытаний, вынужден был признать это. С этого момента он, похоже, работает с Фемистоклом на стороне демократов. Ибо Саламин затмил даже Марафон. "Морской сброд" оправдал себя. Партия осторожных гоплитов, боявшихся демократии, больше не контролировала политику государства. Вместо этого они остались на своих разоренных фермах, ворча на "демагогов" и выступая в поддержку консервативных политиков, таких как Кимон и Никиас. Их великим поборником в литературе является Аристофан, который любит изображать марафонцев как настоящий оплот государства. Когда Афины были отстроены заново, Фемистокл позаботился о том, чтобы Пейрей отныне был частью города, соединенный с ним длинными стенами. Пейреус выступал за военно-морские интересы и военно-морскую империю, за торговлю (хотя и не за мир) и за демократию. Это было не так уж далеко, но избиратели могли съехаться в Афины, когда должно было состояться Собрание. В Афинах проживало большое количество иностранцев.

Так Афины стали демократическим городом-государством.

Фотография XXXVIII. ПЕРИКЛ

Мэнселл и Ко.

Демократия развивалась на различных этапах: самые бедные получили право занимать должности магистратов; ограниченная власть ареопага была уменьшена; магистраты (архонты) и советники больше не были лидерами, избираемыми за заслуги, а обычными гражданами, выбираемыми по жребию; Собрание стало фактически суверенным органом управления в соответствии с положениями конституции. Сам Фемистокл вскоре подвергся ostracismu,

поскольку был слишком велик и умен, чтобы чувствовать себя комфортно в демократическом городе-государстве. Довольно любопытно, что время сохранило одну из тех самых “острак”, или черепков, носящих его имя, за которые он был приговорен к изгнанию.

Остракон Фемистокла

Затем им в руки попала империя. Все началось, как начиналось большинство древних империй, с союза, постепенно превратившегося в тиранию. Большинство ионических городов уже завоевали свою свободу после разгрома персидского флота, но некоторые еще предстояло освободить, и все они нуждались в защите на будущее. Год после Платеи греческий флот провел в крейсерстве по Эгейскому морю, выполняя работу по освобождению. Сначала командовали спартанские адмиралы, но ионийцам не понравилась дисциплина дорийцев, и Павсаний, победитель Платеи, надулся от гордости и власти. Поэтому они обратились к Афинам, командирами которых были Кимон, богатый и щедрый сын Мильтиада, Аристид Справедливый и Ксантипп, отец Перикла, все люди аристократии, но верные слуги Афин и способные моряки. Таким образом, они образовали Делосскую конфедерацию, лигу приморских государств, ионийцев, поклонявшихся делосскому Аполлону. На его священном острове должна была находиться сокровищница лиги, и там должны были собираться общие синоды. Эта лига вскоре превратила Афины в империю. С самого начала некоторые из его членов были слишком бедны, чтобы обеспечить обычную единицу подписки - галеру-трирему. Затем они внесли деньги на оценку Аристидеса. Афины строили для них корабли на своих собственных верфях и посылали своих коллекционеров за деньгами. Вскоре, с истинно ионической небрежностью, все государства, кроме Хиоса, Самоса и Лесбоса, превратили свой военно-морской вклад в денежную выплату. Государства принуждались к вступлению в лигу, из Афин присылались гарнизоны и магистраты, чтобы держать их в повиновении. Часто на их территории создавались колонии афинских граждан. Когда персидская опасность была окончательно устранена уничтожением финикийского флота у Эвримедона, союзники начали подумывать о выводе войск. Их очень скоро научили, что членство в альянсе не является добровольной привилегией. Теперь Афинская империя представляла собой неприкрытый деспотизм, смягчаемый лишь тем фактом, что многим государствам было разрешено самим управлять своими внутренними делами. Казна лиги была переведена с Делоса в Афины, и деньги расходовались по ее усмотрению. Тем временем амбиции Афин с успехом расширялись. Она больше не довольствовалась морской империей. Она начала лелеять планы создания великого колониального владычества на западе; она хотела поглотить своего уменьшившегося соседа Мегару, чтобы иметь выход к Коринфскому заливу; она взяла Наупактус в этих водах в качестве базы и отправляла разведывательные экспедиции на Сицилию и планировала создать большую панэллинскую колонию в Туриях, на Юге Италии. Более того, она вмешивалась в дела великих иностранных держав, таких как Египет. Она напала на Кипр и захватила Беотию.

Во всей этой имперской политике примерно с 460 года лидером демократии, который благодаря своему личному влиянию был почти таким же могущественным, как афинский монарх, был Перикл.^[47] Он был одним из тех аристократов, которым удается заручиться преданностью масс, подобно Тиберию Гракху, или Питту, или Солсбери, самой своей отчужденностью. Его единственной целью было сделать Афины свободными, могущественными

и славными. В Греции империализм был в союзе, в отличие от нас, с радикализмом. Дома Перикл отнял у ареопага последние остатки власти; он ввел плату присяжным,

Табличка XXXIX. ФРОНТОННЫЕ ФИГУРЫ ИЗ ХРАМА АФАЙИ В ЭГИНЕ

Брукманн

жалование солдатам и матросам, жалование, позволяющее беднякам посещать театр. Короче говоря, он был тем, кого мы сейчас назвали бы социалистом. За границей он был сторонником экспансии империи как на суше, так и на море. Он выступал за сохранение жесткой власти над “союзниками” и оправдывал использование их взносов в личных целях Афин. Очевидно, он пришел к власти через плечи Кимона как сторонник враждебности по отношению к Спарте. Пелопоннесская война была делом его рук. В этом очерке его политики есть многое, что вызывает у нас неудовольствие. Но в личности Перикла было что-то такое, что заставляло даже таких критиков, как Фукидид, благоговеть перед его именем, в то время как они ненавидели людей, которые проводили точно такую же линию политики после его смерти. Это был его идеалистический патриотизм, свободный от всех низменных и эгоистичных мотивов. Он верил в свободу афин и был готов расширить ее силой, если потребуется. Это нелогичное и парадоксальное состояние ума свойственно идеалистам; у нас самих есть свои драчливые “пацифисты”, наши церкви готовы распространять Евангелие Мира мечом.

Конфликт со Спартой был неизбежен. Афины постоянно наступали ей на пятки в различных частях Греции. Она была соперницей-выскочкой, открыто претендующей на первое место в Элладе. Поскольку это так, у нас нет необходимости подробно разбираться в событиях великой войны, длившейся последнюю четверть века, с 431 по 404 год, и закончившейся унижительным поражением Афин. В любом случае причины этого следует искать гораздо раньше в этом столетии, поскольку Афины и Спарта долгое время существовали только на условиях перемирия.

Можно кратко изложить основные черты Пелопоннесской войны, которая составляет тему великой истории Фукидида. Почти до того, как это началось, Афинам пришлось отказаться от всех своих притязаний на сухопутную империю. Это было ошибкой с самого начала, поскольку Афины никогда не могли сформировать линию гоплитов, способную противостоять натиску спартанцев. Стратегия Перикла, продиктованная необходимостью, состояла в том, чтобы укрыться за стенами города, полагаясь на флот в поддержании открытых коммуникаций и нанесении ответного удара по врагу. Слабость этой стратегии заключалась в том факте, что ни один флот не мог тронуть Спарту, и что это создавало очень серьезную нагрузку для сельского населения Аттики, которому приходилось покидать свои дома и видеть, как их посе

разоряются во время ежегодных набегов из Спарты. Такое положение дел привело к ужасающей эпидемии чумы в Афинах и к чувству горечи по отношению к Периклу, которое омрачило последние годы его жизни. Он умер через два года после начала войны, и его место занял Клеон, который шел по его стопам как демократ и империалист, но, не обладая своей возвышенной личностью и высоким происхождением, очень плохо зарекомендовал себя в истории и литературе. Постоянное обращение Аристофана к “кожевнику”, направленное против него, вероятно, имеет свой смысл в том факте, что он открыто представлял коммерческие интересы. Он был ответственен за шокирующий указ, который приговорил всех жителей Митилена мужского пола к смертной казни в наказание за их бунт, указ, в котором раскаялись и отменили в последний момент, и он часто был препятствием на пути к миру. Но нет никаких оснований обвинять его в эгоизме или нечестности, и он, безусловно, не был лишен таланта. Ему следует приписать самое блестящее достижение афинской кампании - взятие Сфактерии и ее спартанского гарнизона.

Казалось бы, война могла бы продолжаться вечно, если бы не безумные амбиции афинской демократии, которые привели ее к отправке огромного флота в 415 году на Сицилию для покорения этого острова. Это был безрассудный план этого симпатичного негодяя Алкивиада. Никто, кроме Сократа, не мог отказать ему ни в чем, не говоря уже о массовых собраниях на афинском Пниксе. Таким образом, Афины растратили две великие экспедиции на предприятие, предпринятое по невежеству и доверенное неэффективным командирам. Со всеми своими резервами ей едва удалось снарядить новый флот и выиграть еще несколько морских сражений, но конец нельзя было долго откладывать. Наконец афинский адмирал был застигнут врасплох в Эгоспотами. Больше не было ни кораблей, ни денег в казне. После непродолжительной осады Афины капитулировали перед Лисандром в 404 году.

Таково в самых кратких чертах историческое содержание Великого столетия, и такова история первой из европейских империй. Какое отношение это имеет к нашему первоначальному исследованию причин художественного и интеллектуального расцвета пятого века? Начнем с того, что у нас есть народ, необычайно наделенный Природой острым умом и изумительным чувством формы. Персидские войны и возвышение Афин добавили к этим естественным преимуществам страстную гордость за свой город и почти фанатичную веру в его миссию. Таким образом, все ее граждане стремились сделать все возможное, чтобы приумножить красоту и почет города, увенчанного фиолетовой короной, и его богини-девственницы. Город-государство гораздо более прямо апеллирует к чувству патриотизма, чем крупное современное территориальное государство. Наконец, в Афинах была свобода, какой никогда не пользовалось ни одно государство в истории, свобода мысли, как и в политике. Это было опровергнуто, но нападки на Фидию и Перикла, а также на философов Анаксагора и Сократа могут быть объяснены политическими соображениями. Достаточно взглянуть на пьесы Аристофана, чтобы увидеть, какая удивительная свобода слова царила в Афинах. Более того, это было привилегированное и образованное равенство. Мы никогда не должны забывать о тысячах рабов, чей жестокий труд в шахтах и на фабриках сделал возможным создание этого блестящего общества на столь раннем этапе истории. Не следует забывать, что греческая свобода и коммунизм были свободой аристократии, какими бы демократичными ни были отношения между ее членами. Таким образом, в Афинах вы имеете многочисленное гражданское сообщество, поднятое государством над всеми грязными заботами и интересами, живущее очень насыщенной общественной жизнью на открытом воздухе, где есть все, что стимулирует интеллектуальные интересы — ежедневные речи и дебаты в суде и Собраниях,

постоянные фестивали и драматические представления, бесконечные беседы на агоре, палестре и различных колоннадах, ежедневное прибытие и отбытие кораблей со всех сторон, постоянные посольства из городов Лиги, визиты всех талантливых людей Греции, достаточные контакты с Египтом и Востоком - все для стимулирования интеллекта, и все же доминирующее религиозное или моральное убеждение, которое неизбежно вело к самому суровому самоограничению и отвращению ко всякой экстравагантности.

Фидий

Содержание

В великой речи над телами погибших афинских солдат, которую Фукидид приписывает Периклу, государственный деятель призван выразить свой идеал Афин. Она была “наставницей Греции”. Она единственная, по его словам, следовала “культуре без экстравагантности и философии без мягкости”. Она единственная сочетала смелость с рефлексией. Она одна приветствовала незнакомцев и, почитая богов и законы, предоставляла свободу слова и совести всем людям. Он поздравил ее со счастьем жизни в Афинах, с публичными представлениями и жертвенными банкетами, которые ежедневно доставляли удовольствие ее жителям. Он не придавал особого значения внешнему великолепию города, поскольку это, в значительной степени, было его собственной работой. Но это тот аспект его политики, который мы все можем оценить, независимо от того, являемся ли мы демократами или империалистами, или ни тем, ни другим, или обоими сразу.

Сам Перикл подал пример, которому последовали Афины, поощряя таланты со всех сторон посвящать свои способности служению Афинам. Аспазия, по-видимому, содержала салон, который посещало большинство гениальных людей того времени. Сама она была родом из Милета и, будучи ионийкой, привыкла к свободе интеллектуального общения, которой были лишены женщины-затворницы Аттики. Перикл развелся со своей женой по обоюдному согласию, и хотя законы не позволяли ему жениться на иностранке, он прожил с Аспазией большую часть своей общественной карьеры. Она была не только красавицей, но и остроумной. В ее доме вы могли бы встретить скульптора Фидия, музыканта Дамона, философа Анаксагора, Алкивиада и Сократа. Можно предположить, что там свободно обсуждались планы благоустройства Афин.

Это была редкая возможность для художников. Здесь был имперский город, который нужно было отстроить, и много денег на строительство.

Пластина XL. СКУЛЬПТУРЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТОНА ПАРФЕНОНА

Мэнселл и Ко.

Руководителями работ были скульптор Фидий и архитектор Иктин. Фидий обучался своему ремеслу у Агеладаса Аргосского. Таким образом, он стоит в самом начале периода изобразительного искусства. Техническое мастерство в работе с камнем и бронзой ни в коем случае не было полным, когда он начал работать. “Архаичная улыбка” все еще витала над губами современных скульптур, глаза были слишком выпуклыми, веки все еще были срезаны так, чтобы сходиться в уголках, а не перекрываться, волосы все еще были условно изображены параллельными бороздками или спиралями, или грубо перекрыты для окрашивания.

Однако тело, благодаря спортивным моделям, уже было гораздо более удачно очерчено, чем голова. Возможно, лучшими образцами скульптуры пятого века до Фидия являются фронтоновые фигуры из Эгины. Эти фигуры из храма Афайи в Эгине были обнаружены английским архитектором Кокереллом в 1811 году; они были приобретены королем Баварии, отреставрированы Торвальдсенем и сейчас находятся в Глиптотеке в Мюнхене. Наша иллюстрация[48] передаст их стиль во всей его архаичной силе. Все, кроме лица, в высшей степени удачно; обнаженные мускулистые формы воинов повторяют даже позы спортсменов, особенно фигура в позе борца, который наклоняется вперед, чтобы оттащить тело Патрокла. Читатель также должен заметить, как искусно разработана поза, чтобы соответствовать тому очень сложному углу фронтона, где крыша наклоняется вниз. Изобретательность художников требовала создания сцен, соответствующих этим треугольным пространствам. Обычное правило состоит в том, что восточные фронтоны должны изображать сцену божественного покоя и величия, которая является конечной точкой, с которой верующие входят в храм. Западные фронтоны, напротив, в целом демонстрируют борьбу. В этом раннем эгинетском храме оба конца заполнены боевыми сценами из эпоса о славе Эгины, одна - об Аяксе, другая -

о его отце Теламоне. Эти эгинские скульптуры относятся к периоду между Марафоном (490 г.) и Саламином (480 г.). Группа Гармодия, о которой я уже говорил, явно принадлежит к той же фазе.

Если мы обратимся от этого к скульптурам Парфенона, то увидим удивительную стремительность расцвета греческого искусства. Благодаря Фидию, и во многом, без сомнения, благодаря его гению, пластическое искусство победило свой неподатливый материал, но оно еще не достигло той фатальной беглости, которая вызывает небрежность или сознательную проработку и экстравагантное стремление к эффекту. Это этап, на котором искусство и ремесла создают свои шедевры. В наши дни, благодаря механическим приспособлениям, обрабатывать камень так же легко, как глину. Скульптор создает свою модель, иностранные подчиненные выполняют тяжелую резьбу, а художник заканчивает ее. Возможно, именно поэтому Роден создает такой эффект силы, оставляя большую часть своих работ в грубом виде. Мы можем быть уверены, что Фидиас выполнил весь процесс с любовью и усердием от начала до конца.

Голова Зевса на монете Элиды Голова Зевса на монете Филиппа II Македонского

Увы, здесь! следует признать, что у нас нет ни одной работы, которую мы могли бы с уверенностью приписать руке самого мастера. Его великие шедевры, "Зевс Олимпии" и "Парфенос Парфенона", были сделаны из слоновой кости и золота. Конечно, они полностью исчезли. Нам приходится довольствоваться описаниями — а древний искусствовед был на редкость неумелым даже для искусствоведа - и случайными попытками копирования на монетах или статуэтках. Монеты Элиды действительно дают нам изображение Зевса значительного достоинства, которое может дать некоторое представление о великолепном оригинале, но от Афины Парфенос у нас нет даже этой реликвии. Я отказываюсь следовать учебникам по греческой архитектуре, представляя взъерошенного "Юпитера из Отриколи" или ухоженного, но глупого старого сенатора, известного как "Дрезденский Зевс", за работу Фидия. Я также не стану оскорблять его, изображая Парфеноса с помощью приземистых статуэток "Варвакейон" или незрелых статуэток "Ленорман". Такой

Рисунок ХLI. ФРАГМЕНТЫ ВОСТОЧНОГО ФРИЗА ПАРФЕНОНА

Мэнселл и Ко.

карикатуры только мешают нашему суждению. В отношении этих статуй нам лучше довериться своему воображению, опираясь на то, что говорит Плиний: "Красота Зевса-олимпийца,

кажется, добавила что-то к общепринятой религии, настолько величественная работа соответствует божеству”.

Но можете ли вы, в конце концов, представить себе великолепие этих двух статуй, созданных величайшим скульптором, который когда-либо жил? Части тела были из слоновой кости, одежда из чистого золота на сердцевине из дерева или камня. Зевс был колоссальных размеров, сорока футов в высоту. На голове у него была зеленая гирлянда из ветвистых олив; в правой руке он держал Победу из слоновой кости и золота, в левой - скипетр, инкрустированный всевозможными металлами. На золотом одеянии были выгравированы фигуры и лилии. Трон был украшен золотом и драгоценными камнями, черным деревом и слоновой костью, на нем были нарисованы и изваяны фигуры. Даже ножки и перекладины трона были украшены рельефами. Вокруг него были низкие ширмы, покрытые голубой эмалью спереди, и картины брата скульптора, Панаиноса, сзади и по бокам. Табурет, на котором покоились ноги бога, был украшен золотыми фигурами; основание, на котором покоился трон, было таким же. Мы не должны представлять древнегреческое искусство таким же холодным и бесцветным, как мраморные статуи, которыми оно представлено в наших музеях. Греки любили цвет и использовали его повсюду. Мы настолько привыкли к простым белым статуям, что некоторых из нас оскорбляет идея цвета в скульптуре и архитектуре. В этом вопросе мы можем смело положиться на хороший вкус художников, которые так чудесно умели проектировать и вырезать. Два любимых греческих мрамора, паросский и Пентелический, сами по себе являются очень красивыми тканями, гораздо более красивыми, благодаря их блестящей крупнозернистости и примеси железа, придающей им теплый желтоватый отблеск, чем любимый современный мрамор Каррары, который настолько холодно-белый и с такой тонкой текстурой, что ослепляет и утомляет глаз и размывает все изящные очертания. Но греки того времени смотрели даже на свой прекрасный мрамор так же, как мы смотрим на кирпич, достаточно хороший для строительства храмов, но недостойный высших богов. Слоновая кость и золото для богов, если верующие могли себе это позволить, в противном случае - бронза.

Поэтому, к сожалению, мы должны искать гений Фидия в произведениях, которые, вероятно, были созданы по его эскизам, второстепенных работах, простых декоративных рельефах, примененных к архитектуре, сильно искаженных случайностью и временем, но все еще несущих на себе печать величия и достоинства. Из последних свидетельств следует, что создание скульптур Парфенона началось только после изгнания Фидия. Но мы вполне можем полагать, что они были спроектированы мастером. В любом случае, это оригиналы великого периода и, следовательно, гораздо лучшие путеводители, чем любые копии, какими бы искусно выполненными они ни были. Плутарх рассказывает нам, что по мере того, как здания Перикловских Афин становились “величественными в размерах и неподражаемыми в симметрии и изяществе, мастера соперничали друг с другом в художественной красоте своей работы. Особенно удивительной была их скорость. Фидий был надсмотрщиком.” Сохранившиеся реликвии скульптур Парфенона делятся на три группы в зависимости от их места в храме — фронтоны, метопы и фриз.

Из них фронтоны являются наиболее важными из-за их размера и выдающегося положения в здании. Например, это единственные внешние скульптуры, замеченные путешественником Павсанием. Более того, каждая фигура представляет собой отдельную статую, вырезанную по кругу и идеально отделанную как сзади, так и спереди, хотя их невозможно было увидеть иначе, как спереди. Раскин сообщил бы нам, что это свидетельство морального совершенства

художника. Но греки были практичным народом, который не любил расточительства в любой форме, и профессор Эрнест Гарднер, вероятно, прав, предполагая, что скульптор заканчивал свои статуи для того, чтобы быть уверенным, что они сделаны правильно. Такая верность своему религиозному долгу, в конце концов, свидетельствует о моральном превосходстве. Время нанесло скульптурам жестокий ущерб. Центральные фигуры исчезли еще до того, как Керри сделал свои рисунки для маркиза де Нуантеля в 1674 году. В 1687 году произошел сильный взрыв, когда венецианский артиллерист (со старой доброй венецианской фамилией Шварц) бросил бомбу в

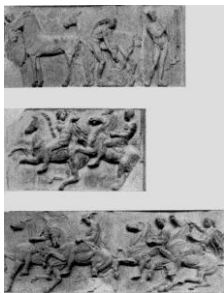

РИСУНОК XLII. ФРАГМЕНТЫ ЗАПАДНОГО ФРИЗА ПАРФЕНОНА

Мэнселл и Ко.

Турецкий пороховой склад, хранившийся в храме, вызвал еще больший хаос. Затем победоносный генерал Морозини попытался убрать некоторые фигурки и сломал их в попытке. В 1801 году лорд Элджин, вооруженный фирманом, разрешающим ему демонтировать несколько каменных блоков, унес большую часть уцелевших скульптур. У него они были приобретены британским правительством для Британского музея. Какой бы ни была мораль этого захвата, по сути, это было благословение, поскольку Парфенон получил дополнительные повреждения во время Освободительной войны, и те камни, которые остались *на месте*, пришли в гораздо больший упадок, чем те, которые были вывезены. Кроме того, у греков до сих пор есть много древнего мрамора, на котором они могут написать свои имена. Какими бы несчастными они ни стояли в Комнате Элджина, избитыми и в синяках, все безголовые, кроме одного, и он сильно изуродован, они все равно производят впечатление непревзойденной красоты и совершенства искусства.

Темой переднего или восточного фронтона[49] было рождение Афины. Центральная сцена исчезла, когда Керри делал ее набросок. Вероятно, что вооруженная богиня, поднимающаяся из головы Зевса, заполнила бы вершину. Рядом стояла бы богиня деторождения (Эйлитуйя), а Гефест, освободивший Афины ударом своего молота, был бы ближе к центру. В углах фигуры сохранились лучше и в основном находятся среди мрамора Элджина. Предлагались различные интерпретации их мотива, но единственная, которая заслуживает рассмотрения, - это теория Брунна о том, что они являются сценическими олицетворениями, а не мифологическими персонажами. Как утверждал Фуртвенглер, трудно найти какой-либо другой пример подобного рода персонификации в искусстве или литературе пятого века. Но некоторые из этих приписываний слишком правдоподобны, чтобы их можно было избежать. Под одним углом Солнце как раз восходит в своей колеснице, головы лошадей которой видны над карнизом; под другим Луна как раз опускается в свою. На нем изображено время великого

события. Рядом с ними приведены цифры, обозначающие местность. Лицом к Гелиосу, спиной к центральной сцене, стоит тот великолепный полулежащий юноша, которого в нашем Музее раньше называли “Тесей”. По словам Брунна, он на самом деле гора Олимп. Вполне возможно, что он гора, но разве Фидий не подразумевал под ним афинскую гору Гимет? С другой стороны, художники вздыхали над совершенством этих трех сидящих женских фигур, увы, безголовых! но замечательные в совершенстве мастерства, которое передает замысловатые складки мягких ионических драпировок, не нарушая массивного величия тел под ними. Мы привыкли называть их “Три судьбы”. Но вполне вероятно, что это не группа из трех человек; одна полулежит на коленях у своей сестры, третья сидит одна. Если верить географической интерпретации, мы не можем улучшить предположение профессора Вальдштейна о том, что сестринская пара - это Таласса (Море) на лоне Геи (Земли). Это, однако, оставляет нас без подсказки к третьему. Разве луна не зайдет за сушу и море над островом *Саламин*? Из оставшихся фигур быстро движущаяся богиня с развевающимися на ветру драпировками может быть не кем иным, как Ирид, посланницей богов.

Задний или западный фронтоны всегда обозначают соперничество, но здесь, как и подобает Афине, соперничество моральное, а не физическое, борьбу между Афиной и Посейдоном за опеку над Афинами. Высокий угол в центре был бы заполнен оливковым деревом, а двух божеств-соперников можно увидеть на рисунке Керри. Посейдон в ужасе отшатывается при виде дара Афины, и она торжествующе приближается; крылатая Победа была бы совсем рядом, чтобы возложить корону на ее голову. Единственная значительная реликвия этого фронтона - еще одна обнаженная мужская фигура в Британском музее, лежащая наподобие “Тезея”, но без головы и рук, “Илисса”.

Не только исполнение фигур, но и композиция двух сцен, с их тонкими соответствиями и различиями, их сложным ритмом (обратите внимание на расположение складок драпировки в “Трех судьбах”), и все же их простое, широкое достоинство типично для того, каким был пятый век

РИС. 1. ЩИТ “СТРЭНДЖФОРД”

РИС. 2. РЕКОНСТРУКЦИЯ АКРОПОЛЯ

Мэнселл и Ко.

Табличка XLIII

стремление к. На первый взгляд мы могли бы принять почти суровую простоту искусства пятого века, какую мы видим, например, в драмах Софокла, истории Фукидида или линиях дорической архитектуры, за результат незрелости. Но чем больше мы изучаем эти вещи, тем больше находим для изучения. Кажущаяся простота была создана бесконечным трудом и любовной заботой.

Метопы Парфенона, первоначально насчитывавшие девяносто два, состоят из отдельных панелей, почти квадратных, украшенных фигурами максимально возможного рельефа, часто совершенно свободными от задней стены. Каждый из них представляет собой одиночную битву: Боги против гигантов, Лапифы против кентавров, греки против амазонок, греки против троянцев, с разных сторон. Эти сюжеты, наряду с состязаниями Тесея и подвигами Геракла, являются обычными сюжетами скульптур греческих храмов. Все они олицетворяли для греческого сознания вечное моральное состязание между эллинизмом и варварством, или между культурой и дикостью. Геракл, уничтожающий чудовищ, таких как змея Гидра, Тесей, убивающий разбойников и угнетателей человечества, символизируют конфликт между светом и тьмой. Они также, без сомнения, имеют историческую отсылку к персидским войнам. Лучшие из этих метопических скульптур находятся высоко на стенах комнаты Элджина. Это были работы подчиненных художников, и они сильно различаются по совершенству исполнения. В некоторых из них мы можем увидеть работу старых скульпторов, обучавшихся в архаичной школе спортивной скульптуры, которые до сих пор делают свои драпировки жесткими и механическими. В лучших из них чувствуется огромная энергия и тонкий рисунок. Все они отличаются изобретательностью композиции. Было нелегко заполнить девяносто две квадратные панели борющимися фигурами без монотонности или повторений. Тем не менее, я не думаю, что греческие художники когда-либо получали большое удовольствие от своих метопических работ.

Наконец, мы подходим к фризу. Чтобы правильно судить о нем, зритель должен запомнить его расположение на храме, поскольку его характер полностью меняется, когда его видят на уровне глаз на стенах нашего музея. Она проходила по верху стены целлы, на высоте 39 футов над полом, внутри колоннады Парфенона. Его можно было бы осмотреть, взобравшись на стилобат и неловко вытянув шею, но в обычном случае вы бы лишь мельком увидели его между колоннами, проходя снаружи. Более того, он находился в тени крыши, освещенный, как напоминает нам профессор Гарднер, снизу отражением от белой мраморной мостовой. Художник предусмотрел это, сделав рельеф верхней части более глубоким, чем внизу, так что головы наклоняются вперед от панелей. Там, где внизу требуются глубокие тени, их часто создают, врезавшись в фон. Вот еще одно доказательство того преимущества, которое Искусство получает, когда его служителями становятся практичные мастера, а не роскошные джентльмены, проводящие время между студией и гостиной. Создатель этого фриза — *а дизайнером*, несомненно, был не кто иной, как сам мастер, — имел здесь полную свободу действий, его не связывали никакие законы традиции, поскольку такой фриз не имеет аналогов в прошлом. Он должен был покрыть орнаментом непрерывное пространство в 524 фута. Он выбрал в качестве сюжета великую процессию, представляющую народ Афин, которая ежегодно совершалась на Панафинейском празднике, чтобы преподнести богине новое шафрановое одеяние. Посмотрите, как он это задумал. Над первой[50] он поместил бессмертных богов и богинь не в ужасном величии Олимпа, а внизу, на земле, в их любимом городе Афинах. Он изобразил их непринужденно; только их добавленное достоинство в облике и большой рост (их головы достигают карниза, хотя они сидят) указывают на их божественность.

Они не перегружены атрибутивными эмблемами. В Афинах они чувствуют себя как дома. Они сидят, почти бездельничают, в удобных позах. Дионис опирается на плечо юного Гермеса. Арес, грозный фракийский воин, оставил свои доспехи дома; он приятно отдыхает, обхватив руками правое колено. Гера поднимает голову, поворачиваясь, чтобы сказать несколько слов своему царственному мужу, который сидит немного поодаль со своим простым достоинством. Афина, героиня этого часа, не отличается помпезностью; она

Фото 44.—Лемнийская Афина.

Tamme.

дружески беседует с Гефестом. Аполлон поворачивает свою прекрасную голову, чтобы сказать несколько слов могильному Посейдону. Эрос - обнаженный человеческий мальчик, склонившийся к коленям Афродиты; она полностью задрапирована и даже покрыта вуалью, как и подобает божеству Небесной Любви. День теплый и мирный: боги сбросили с плеч туники, богини облачены в мягкие ионические одеяния. Скульптор решил не изображать церемонию в момент ее перелома. Процессия уже в пути, на улицах внизу слышна музыка. Рядом с Афиной, не отделенный никаким дополнительным пространством, священник передает сложенное одеяние, без сомнения, старый пеплос, парню. Это не может быть подношением нового, поскольку Афина стоит спиной к сцене. Группы серьезных старцев беседуют друг с другом, опираясь на свои посохи. Служанки стоят рядом с корзинами на головах. Эта восточная окончательность показывает нам мир и счастье небес, недалеко удаленных от земли, в лучшем виде.

Поворачивая за угол, мы видим с каждой стороны приближающуюся процессию, медленно продвигающуюся вперед. Когда проходящий посетитель бросает взгляд между колоннами, процессия действительно движется. Первыми идут юноши, ведущие жертвенных животных, быков и овец, со слугами, несущими подносы и кувшины с водой. Флейтисты и арфисты следуют во главе воинов, боевых колесниц, мужчин с победными ветвями и гоплитов со щитами и копьями. И затем, самые блестящие из всех, молодые рыцари, [51] отпрыски лучших семейств Афин, восседающие на своих огненных конях без седла с очаровательной легкостью и грацией, некоторые в широкополых шляпах и коротких хламидах, некоторые в хитонах, некоторые в развевающихся на ветру мантиях, некоторые в доспехах. То тут, то там вы видите маршалов, командующих процессией. Чуть дальше процессия только формируется; молодые рыцари садятся на коней, а слуги держат их наготове. Мы должны дополнить фриз цветным фоном и бронзовой фурнитурой, такой как копья и уздечки.

Но почему, черт возьми, он не упомянул о самом священном одеянии? Что ж, он мог бы посадить Афину на ее трон во всем великолепии и сделать всю сцену гораздо более благочестивой и впечатляющей в религиозном смысле. Вместо этого он повсюду ослабил напряжение. Солдаты могли бы маршировать дисциплинированными рядами с дорической точностью. Животные могли идти по двое, как и подобает хорошо воспитанным животным, идущим на жертвоприношение. Все это могло быть формальным и величественным. Фидий предпочел придать этому очарование своей простотой и изяществом. Его процессия сияет молодостью и красотой, скромная, но непринужденная. Молодой рыцарь, зашнуровывающий свой военный ботинок, совершенно не осознает, что мы с вами смотрим на него. Это не подошло бы для торжественных фронтонов, это было бы неуместно на буйных метопах, но здесь, просто взглянув между колоннами, как на легкий, лишний орнамент, художник почувствовал свободу выразить радость жизни.

Если вам нужно было увидеть божественность во всем ее ужасающем величии, вам нужно было только войти в святилище и поклониться перед храмовой статуей. Это была хриселефантинская Афина Парфенос, 39 футов ростом, в одежде из чистого золота стоимостью 150 000 фунтов стерлингов, в шлеме с тройным гребнем, со щитом и Победой, с эгисом и змеей. Подобно олимпийскому Зевсу, она должна была быть настолько великолепна, насколько искусство могло создать ее; повсюду были цвета и орнаменты. Я не думаю, что даже здесь она была ужасно воинственной. Распущенные пряди ее волос выбились наружу, чтобы смягчить свирепость шлема с его свирепым сфинксом и монстрами. Ее ручная сова сидела где-то на шлеме. “Щит Стрэнджфорда” в Британском музее[52] представляет большой интерес, потому что он, кажется, с некоторой точностью копирует дизайн оригинального щита, и это относится к интересному анекдоту, рассказанному о скульпторе. В 432 году, когда на Перикла напали через его друзей, они обвинили Фидия в присвоении части золота, доверенного ему для этой статуи, и в богохульной непристойности при размещении его собственного портрета вместе с портретом Перикла на статуе богини

Рисунок 45.—Голова лемнийской Афины.

Алинари.

щит. Первое обвинение, на которое он смог ответить, потому что Перикл предупредил его отделить все золото, чтобы его можно было взвесить. Последнее имеет фамильное сходство со всем классом сказок ризничего, которые прикреплены к каждому художественному памятнику в Европе. На щите была и есть голова старика, которая выглядит настолько реалистично, что может быть портретом. Рядом с ним изображен воин, закрывающий лицо рукой, и, как говорят, это был прием художника, чтобы скрыть от посторонних глаз говорящее изображение Перикла.

Тем не менее разгневанный народ осудил Фидию, как рассказывает нам Аристофан, его современник:

“Фидий начал это зло, он был первым, кто попал в беду”.

Несколько других подробностей из жизни скульптора заслуживают повторения. Приведено много, но их противоречия ставят нас в безвыходное положение. Ни портреты, ни биографии не относятся к пятому веку, настолько всецело индивидуум был слит с сообществом. Последующие века должны были их создавать.

Количество работ, достоверно приписываемых Фидию, составляет двадцать четыре. Он особенно прославился своими божественными статуями. Он смог попрактиковаться в своей хризелефантиновой работе над так называемым акролитическим изображением, то есть из позолоченного дерева и мрамора, для маленького Платея. Он работал также с бронзой. В Олимпии он сделал статую мальчика Виктора Пантаркеса, которого любил. Для Афинского акрополя он изготовил две другие статуи Афины, одну из которых - колоссальную бронзовую фигуру, обращенную лицом к посетителю, когда тот проходил через Пропилеи к священной цитадели. Ее копье было видно над крышами морякам в море, и именно так оно изображено на монетах города. Это была работа его ранних лет, выполненная для Кимона. Он был перевезен в Константинополь, и историк Никита рассказывает нам о его разрушении пьяной толпой в 1203 году нашей эры. Была также Лемнийская Афина,^[53] посвященная колонистами этого острова около 450 г. до н.э. Здесь она была представлена в мирном виде без шлема, “с румянцем на щеках вместо шлема, скрывающего ее красоту”. Прекрасная статуя, которую Фуртвенглер создал, установив голову из Болоньи^[54] на тело в Дрездене, представляет собой блестящую и, на мой взгляд, триумфальную репродукцию этой статуи. Конечно, это всего лишь копия. Если верно, что Фидий делал жертвоприношения афинянам в Дельфах сразу после персидских войн, то его художественная карьера должна была продолжаться пятьдесят лет. За это время он постиг искусство скульптуры с младенчества до расцвета зрелости.

Иктин и строители храмов

Содержание

Одной из характерных черт греческого искусства является подчинение художника своему произведению, как и самого искусства своей цели. Это всего лишь часть общего подчинения индивида обществу в греческой жизни. Отсюда следует, что нам редко приходится думать об изолированном гении и никогда о гении греческих художников как о каком-то порывистом и необъяснимом капризе природы. По этой причине не так невероятно, что могло существовать несколько разных Гомеров, все гениальные люди, как то, что в Риме возникли два Вергилия или два Шекспира в Англии. Сафо - одна из группы поэтов-лириков превосходной степени. Софокл - один из четырех. Демосфен - величайший из группы великих ораторов. Это остается примечательным фактом, учитывая естественную тенденцию времени заострять очертания вершин в диапазонах культуры и национальную тенденцию греков персонифицировать все процессы и движения.

Каким бы великим ни был Фидий, он, тем не менее, окружен кругом скульпторов и архитекторов, граверов и художников, которые все великие. По исполнению они могут быть ранжированы по степени мастерства, и их индивидуальность четко различима, но все они вдохновлены одним и тем же благородством художественного характера, так что дух искусства пятого века легко воспринимается глазом. Сдержанность и достоинство - его наиболее характерные черты. Он разделяет со всем греческим искусством

Табличка XLVI. СТАТУЯ МАРСИЯ. В ЧЕСТЬ МИРОНА

Мэнселл и Ко.

качества изящества и прямоты, под которыми мы подразумеваем живой и логичный интеллект, который знает свою цель и неуклонно ее преследует.

У Фидия был сокурсник Мирон. О спортивных достижениях Мирона я уже говорил. Он был настолько оригинален, насколько это было возможно в пятом веке. Поскольку он был занят в основном второстепенными произведениями частного и эпизодического характера, он, естественно, привлек внимание эпиграмматистов. Мы много слышим о статуях животных, которые он вырезал, и об их необычайном реализме, поскольку именно это привлекало древних искусствоведов. Судя по всему, он был мастером бронзовой техники и искусным ювелиром. Мраморная копия его Марсия в Латеране и бронзовая в Британском музее [55] изображен сатир, в изумлении приближающийся, чтобы поднять флейту, которую только что отбросил Аполлон. Как и в “Дискоболе”, мы видим любовь к искаженным позам, которая позволила Майрону продемонстрировать свое прекрасное рисование и анатомию. Здесь, действительно, он - *rei cinquième siècle*; но мы должны помнить, что эта фигура принадлежит к драматической группе. Я говорил о Поликлите также как о скульпторе атлетического телосложения. Весьма примечательно, что это молодое искусство уже в пятом веке создает свой “Канон” и свои технические трактаты. Хотя “Дорифор” - самая известная из его работ, глава его “Диадумена” из Рима, вероятно, является наиболее точным воспроизведением поликлетианского оригинала. Другие имена упоминаются древними авторами как достойные быть причисленными к Фидию; Каламис, например; но для нас это просто имена, и остроумные попытки современной археологии сопоставить их с соответствующими работами на предмет качеств, приписываемых им древними критиками, опасны и по большей части неудовлетворительны. Учитывая немногочисленные факты, зафиксированные таким образом, и множество трудностей, которые они вызывают, мы не можем слишком доверять древнему искусствоведу. Например, говорят, что Алкамен и Пеоний были скульпторами двух фронтонов в Олимпии, и все же Алкамен описывается как ученик Фидия, что для любого, кто сравнивает Аполлона на западном

фронтоне с фронтонными скульптурами Парфенона, абсурдно. Другое имя также вызывает сомнения, поскольку Пеоний был автором знаменитой книги "Победа в Олимпии",^[56] с ее превосходным исследованием летящих драпировок. Надпись свидетельствует о том, что он был воздвигнут мессенцами из Наупакта из награбленного врагом — предположительно, спартанским гарнизоном, захваченным Клеоном при Сфактерии. Следовательно, если Павсаний прав в своем рассказе об авторстве олимпийских фронтонов, оба этих скульптора, должно быть, достигли необычайно быстрого прогресса в своем искусстве или сознательно выбрали архаичный стиль для фронтонов.

Фото 46А. МАЛЬЧИК-ВИКТОР,
БРОНЗА, Пятый ВЕК до н.э.

Вот и все о названных скульпторах того периода. У нас есть несколько других работ, которые, очевидно, относятся к той же дате. Прекрасный портретный бюст Перикла[57], без сомнения, является копией со статуи Кресиласа. Я уже говорил выше, что портретная живопись в пятом веке была редкостью. Необычайное значение Перикла в искусстве того периода является одной из причин этого исключения. Более того, это, в конце концов, вряд ли портрет в кромвелевском смысле, скорее идеализированный тип военного государственного деятеля: он не только не нарушает, но и замечательно иллюстрирует господство идеализма в пятом веке. Говорили, что на всех портретах Перикла он изображен в шлеме, *скрывающем* его чрезмерно длинную голову, что часто является предметом остроумия Аристофана. Типичными для того периода также являются элевсинский рельеф,[58] рельефы Людовизи,[59] и Скорбящая Афина.[60] Великолепный бронзовый бюст Мальчика Виктора, изображенный на нашей фотогравюре, является одним из редких оригинальных бронзовых изделий того великого периода. Это часть статуи в полный рост, бюст является современной реставрацией и представляет большую ценность для студентов, изучающих древнее бронзовое мастерство. Когда статуя была впервые найдена в Неаполе в 1730 году, глазные яблоки были инкрустированы серебром, а зрачки - гранитом. Губы позолочены, а диадема украшена серебром и позолотой. Мальчик, вытаскивающий занозу из своей ноги ("Спинарио"), относится к чуть более раннему периоду и по стилю очень похож на Бегущую девочку. Это очаровательно грациозная мальчишеская фигура, совершенно свободная от застенчивости. Мы замечаем, что, хотя тело сделано искусно, голова явно неправильная, поскольку длинные волосы со склоненной головы свисали бы ему на лицо.[61] Какой бы естественной и приятной ни была поза, это не просто жанровое исследование, сделанное в угоду фантазии художника, потому что его взгляд привлекла симпатичная поза ребенка в спортзале. В тот ранний период художники работали совсем не так. У "Спинарио", я думаю, за плечами должна быть история: кто-то выиграл соревнования среди мальчиков, несмотря на занозу в ноге, и это рекорд его мужества.

От скульптуры мы переходим к родственному искусству архитектуре. Здесь мы можем с уверенностью утверждать, что Афины эпохи Перикла достигли совершенства в пределах, которые они установили для себя, а именно в дорическом стиле. Для храмовой архитектуры религиозное чувство того времени предписывало определенную программу, переступить через которую было бы почти богохульством. Иными словами, очертания храма должны были соответствовать нормам дорической архитектуры, установленным более века назад. Таким образом, оригинальность художника сводилась к задаче улучшить детали изображения таким образом, чтобы это осталось незамеченным широкой публикой, которая лишь смутно ощущала обостренное чувство ритма и гармонии. Здесь мы находим доказательство того, что греческая простота является результатом чрезвычайной утонченности. До Пенроуза все представляли линии Парфенона прямыми. Напротив, внешне плоский стилобат или пол возвышается на 1 к 450 к центру на 228 футов в длину и 101 фут в ширину. Колонны не только сужаются, как кажется, но и вздуваются посередине, чтобы нейтрализовать убывающий эффект света за ними, хотя в чисто греческой работе диаметр стержня никогда не превышает диаметр основания. Ось наружных колонн наклонена внутрь на 1 дюйм из 106; внутренние колонны имеют немного меньший наклон - 1 дюйм из 150. Изучается даже рифление; эффект тонкой тени достигается за счет уменьшения ширины, но не глубины борозд по мере приближения к эхинае. Не все колонны одинаковой толщины, потому что угловые колонны сделаны немного выше и толще, чем соседние, потому что на них падает более яркий свет. Как и стилобат, антаблемент также изгибается вверх в центре, но еще более слегка — 2 дюйма на 100 футов. Плоскости лепнины

иногда наклонены вперед, чтобы предотвратить ракурс. Таким образом, чтобы обеспечить эффект прямолинейности, Иктинус вырезал каждый камень этого великого здания под наклоном, измеренным на ширину волоса. На мой непрофессиональный взгляд, эти факты проливают разоблачающий свет на природу греческого искусства и истинное значение греческой простоты. Оцените сдержанность, проявленную Иктином (и, конечно, энтасис не ограничивается Парфеноном), когда он тратит эти бесконечные усилия на дело, которое ускользнуло бы от глаз девяти из десяти зрителей. Девять из десяти? Да, но десятым может быть брат—архитектор - или это может быть Афина Паллада. Теперь, когда измерительная лента доказала, насколько утонченна греческая простота в одном искусстве, мы должны быть готовы к ней в других искусствах, где мы не можем измерять так точно - в литературе, например, когда Еврипид кажется банальным, а Сократ нелогичным.

В то время как колонны из белого мрамора и крыша из белого мрамора создавали впечатление простой прочности и чистоты, декоративная лепнина между ними была дополнена не только скульптурой, которую мы описали, но и ярким цветом. Фон за скульптурой фронтона был красным, основание метоп, вероятно, красным, а основание фриза, вероятно, синим. Простая лепнина из эхинации и счетов на капителях была украшена узорами из листьев красного, синего и золотого цветов. В архитраве есть отверстия, в которых когда-то держались бронзовые колышки для ряда позолоченных щитов и венков. Канавки триглифов были окрашены в синий цвет. Яркий узор в виде ключа проходил по верхнему краю триглифа. Гутта, или “капли”, вероятно, были позолочены. На каждом углу крыши стояло по золотому кувшину для масла, а на вершине фронтона был вырезан раскрашенный акротерион.

РИС. 1. ПОБЕДА ПЕОНИЯ

РИС. 2. “СПИНАРИО”

Внутри колоннады находится целла длиной 194 фута с шестью собственными колоннами внутри перистиля на каждом конце. Внутреннее убранство было разделено на две основные части — Гекатомпедос, ровно 100 Аттических футов в длину, где в уединенном величии стояла огромная статуя из золота и слоновой кости, а рядом стояло ложе, на котором богиня могла возлежать, когда уставала; и Опистодомос, расположенный к западу от него, строго называемый Парфеноном, который был своего рода музеем или банком ценных пожертвований. Интерьер, кажется, освещался только через двери. Ионические колонны использовались для поддержания потолка самого Парфенона. Сам деревянный потолок был украшен утопленными панелями, ярко раскрашенными. Каким бы потрепанным и обветшалым ни было это мраморное здание сегодня, после столетий использования в качестве храма, кирхи, мечети, порохового погреба и археологического медвежьего сада, оно по-прежнему поражает своим величием.^[62] Мы с трудом можем представить, какое впечатление он произвел, когда засиял жизнью и красками в день Панафинейского фестиваля в 438 году до нашей эры, когда был открыт для публики после пятнадцати лет строительства. Скульптура, по-видимому, была установлена после открытия храма.

Давайте взглянем на основные здания рядом с Парфеноном, который венчал цитадель с плоской вершиной. Я подозреваю, что большинство современных зрителей испытывают тайное чувство недовольства, когда видят реконструкцию Акрополя.^[63] Невозрожденный гот в наших сердцах вызывает к шпильям и остроконечиям в таком великолепном месте, к куполам, башням и зубчатым стенам, которые радовали бы небо над ним. Простояли бы какие-нибудь их реликвии двадцать три столетия в этой стране землетрясений?

Когда были достроены Длинные стены Афин, больше не было необходимости в укреплениях Акрополя, хотя архитектурная концепция всего комплекса по-прежнему представляла собой сочетание святилища и цитадели. Доисторические пеласги выровняли вершину, укрепили ее на западном, единственном доступном конце, и окружили стеной. Все плато поднимается на высоту 200 футов. Приближаясь к нему со стороны агоры с запада, паломник поднимается по ряду низких ступеней к крыльцу, или пропилеям. Это было завершено в 432 году Мнесиклами на месте более старых и гораздо более скромных ворот времен Кимона. Современные исследователи показали, что это было спланировано в гораздо более масштабных масштабах, чем само исполнение, и что комната была оставлена для последующего завершения. Считается, что начало Пелопоннесской войны стало причиной такого ограничения первоначальной схемы. Тем не менее, он прославлялся в древности и, безусловно, является самым впечатляющим зданием, возведенным греками в светских целях. Он состоит из ворот, образованных стеной с пятью проемами и обрамленных дорической колоннадой с двускатной крышей и фронтоном, обрамленных с каждой стороны в первоначальном плане двумя залами с колоннадами, меньшим спереди и большим сзади. Этот план явно является развитием ворот доисторических цитаделей, таких как Тиринф и Троя II. Одна из комнат крыла использовалась как картинная галерея, стены которой были расписаны Полигнотом и другими знаменитыми художниками. Этот зал до сих пор находится в отличной сохранности, благодаря тому, что франки использовали его как зал заседаний совета, а турки - как дворец своих пашей. Длина некоторых каменных балок достигает 20 футов.

Передняя камера каждого крыла опиралась на бастион из искусственного камня, и поскольку южный так и не был достроен, платформа оставалась свободной для возведения прекрасного миниатюрного святилища - храма Бескрылой Победы. [64] Это здание, хотя его камни были полностью разбросаны и превратились в турецкий бастион, было реконструировано в 1835 году европейскими архитекторами с таким успехом, что является одним из самых очаровательных в Афинах. Должно быть, он был построен вскоре после отказа от первоначального плана строительства пропилей. Он имеет по четыре колонны ионического ордера на каждом конце, увенчанные скульптурным фризом, четыре панели которого находятся в коллекции Elgin. Все святилище, размером всего 18 на 27 футов, было окружено перилами, опирающимися на мраморную балюстраду с вырезанными на ней Победами в виде барельефа. Хотя они в основном без голов,

Фото XLVIII. ПАРФЕНОН. СОВРЕМЕННЫЙ ВИД С СЕВЕРО-ЗАПАДА

English Photo Co., Афины

контуры находятся в хорошем состоянии и демонстрируют очень тонкую работу, особенно в обработке драпировки. Они явно относятся к следующему периоду после фриза Парфенона. С платформы перед святилищем открывается прекрасный вид на Аттическую равнину в сторону Элевсина. За ним, над Саламином и голубым Сароническим заливом, виднеется цитадель Коринфа и далекие горы Арголиды и Пелопоннеса. Именно здесь старый Эгей стоял, наблюдая за отплытием своего дорогого сына с Крита.

Пройдите через широкие порталы пропилей. Справа от вас была мраморная терраса, где маленькие афинские девочки наряжались медведицами, чтобы танцевать в честь брауронской Артемиды. Здесь была группа Афины и Марсия, и здесь Пракситель должен был создать свою

статую брауронской Артемиды. За пределами Браурон-ского участка находилась статуя Афины-Мастерицы. В этот момент над вами возвышалась колоссальная бронзовая Афина “Промехос” Фидия высотой 36 футов. Мы уже побывали в Парфеноне; слева от него, сразу за фундаментом старого храма Афины Полиас, находится замечательный Эрехтеум. Это строительство, хотя и было начато вскоре после того, как персы сожгли старый “дом Эрехтея” и примыкающий к нему храм Афины, построенный Писистратом, было отложено Пелопоннесской войной и завершено только в конце столетия. Здесь задача, поставленная перед архитекторами, была своеобразной. Начнем с того, что здание было не храмом, а домом — домом древнего пеласгийского героя; очевидно, оно не должно было быть дорического ордера. Также он должен был включать в себя ряд недвижимых священных объектов, таких как соляной источник, который забил, когда Посейдон ударил по скале своим трезубцем, и священное оливковое дерево, которым Афина победила его. Это патриотическое дерево обрело новую жизнь после того, как персы уничтожили его, и с ним нужно было обращаться по-доброму. На иллюстрации показано, как архитектор преодолел эти проблемы, создав нетрадиционное здание с необычайным изяществом и очарованием. Главное здание имеет колоннаду из шести ионических колонн спереди и северное крыльцо из шести ионических колонн, выступающих с одной стороны; на западном конце к нему примыкал участок Пандросос (дочери Кекропса), окружающий священное оливковое дерево, а с южной стороны - прелестный маленький портик Дев.[65] Это его самая знаменитая особенность, состоящая из фигур шести афинских девушек, несущих изящный ионический антаблемент. Одна из кариатид была привезена в Лондон лордом Элджином и заменена терракотовой копией. Капители на их головах выполнены в виде корзинок. Я уже говорил об этом использовании скульптуры для колонн в связи с Теламонами из Акрагаса. Название Кариатиды, данное этим фигурам в более поздние времена, произошло от названия города Каруа в Аркадии.

Эрехтеум: современная реконструкция

Помимо уже упомянутых предметов, в Эрехтеуме хранился ряд очень древних реликвий. Там вам показали следы трезубца Посейдона на скале; там были трофеи, отнятые у персов; старинная деревянная статуя Гермеса, посвященная Кекропсу, колесница Дедала, лампа Каллимаха, постоянно горящая, и, прежде всего, древнее деревянное изображение Афины Полиас.

Дерпфельд утверждает, что старый храм Афины Полиас остался стоять даже после завершения строительства Эрехтеума. Если бы это было правдой, нам пришлось бы поверить, что архитектор намеренно спроектировал свое ненужное Кариатидное крыльцо прямо в

РИС. 1. ХРАМ НИКИ АПТЕРОС [БЕСКРЫЛОЙ ПОБЕДЫ]

РИС. 2. КАРИАТИДНОЕ КРЫЛЬЦО ЭРЕХТЕЯ

English Photo Co., Афины

Пластина XLIX

глухая стена старого храма, где ее не было видно и едва ли можно было пройти, поскольку она примыкает прямо к стилобату старой колоннады.

Я упомянул лишь некоторые из замечательных предметов на священной скале. Когда Павсаний увидел ее, она была от края до края заставлена произведениями искусства, священными или памятными. Ни один нечестивый человек не населял его.

Именно на Акрополь впервые обратили внимание Перикл и его художники, когда пришло время украсить Афины. В городе внизу вы были бы поражены простотой частных домов, не представляющих никакого декоративного аспекта на узких и извилистых улочках. Все они были одноэтажными, с покатой внутрь крышей, переходящей в открытую колоннаду, вокруг которой были сгруппированы помещения. Агора была центром коммерческой и общественной жизни. Рядом находилось несколько знаменитых портиков или галерей, тенистых и прохладных для отдыха. В Королевском портике “король-архонт” занимался своими делами, в основном связанными с религией. Здесь в более поздние времена заседал Совет ареопага. Здесь беседовал Сократ, и здесь его судили за нечестие. На стенах этого здания были начертаны древние законы. В Портике Свободы находились статуи и знаменитые фрески, написанные Евфранором в четвертом веке. Украшенный портик (Стоа Пойкиле) на агоре был еще более известен своими историческими и мифологическими картинами, в том числе картиной Панаиноса "Марафонская битва" и картиной Полигнота "Взятие Трои". Именно в этой Стое Зенон развил в более поздние времена свою стоическую философию. Все эти картины бесследно исчезли, но мы все еще можем видеть их отражения на вазах того времени.

Рядом на невысоком холме стоит дорический храм пятого века, почти идеально сохранившийся. Обычно его называют Тезеем, но это, несомненно, храм Гефеста, упомянутый Павсанием.^[66] Храм построен из пентелийского мрамора, со всех сторон окружен колоннами, по шесть на каждом конце. Он датируется немного раньше, чем Парфенон, и в нем очень мало той тонкой системы оптических поправок, которая там использовалась. Это было не очень важное здание в древних Афинах; на самом деле, оно почти не упоминается в античности; но как наиболее хорошо сохранившееся здание во всей Греции, оно представляет для нас большой архитектурный интерес. Метопы были вырезаны не все; остальные, вероятно, были раскрашены. Есть также скульптурный фриз. Темой метопов были Подвиги Геракла и Тесея. Они довольно сильно пострадали от непогоды и в своем нынешнем состоянии не очень привлекательны. Недалеко отсюда находятся Дипилонские ворота с их древним могильником, подробнее о котором мы расскажем в следующем разделе. На противоположном конце города посетитель пятого века до нашей эры был бы поражен огромными колоннами храма Зевса

Олимпийского, начатого Писистратом, но так и не законченного. Недалеко от скалы Акрополя находился Театр Диониса, где ставились трагедии и комедии, а также музыкальный зал, или Одеон, возведенный Периклом. На крутом склоне скалы находилась пещера Пана. Публичные заседания Афинского собрания проводились на холме Пникс, к западу от Акрополя. Здесь было что-то вроде театра под открытым небом. Мы все еще можем видеть трибуну, с которой Перикл обращался к народу, и места для председательствующего комитета за ней.

Афины настолько полностью сосредоточивают на себе культуру пятого века, что мы склонны забывать, что Афины не были Грецией. Храм Зевса в Олимпии был самым знаменитым храмом во всей Греции, но главным образом из-за богатства его посвящений и количества атлетических статуй. Дельфы тоже обогатились бесчисленными художественными подношениями, присланными, вопреки малодушным советам Пифии, из военной добычи. Там был знаменитый треножник с подставкой из переплетенных змей, на кольцах которых были начертаны названия тех городов, которые принимали участие в битве при Платее. Жалкие остатки его все еще сохранились в Константинополе. И Олимпия, и Дельфы были недавно раскопаны, первая - немцами, а вторая - французами. Но ни одно из этих мест не оправдало ожиданий. Величайшие находки в Олимпии

Табличка L. "ТЕЗЕУМ", АФИНЫ

English Photo Co., Афины

это были "Гермес Праксителя", относящийся к следующей эпохе, и фронтоны храма, о которых я уже упоминал. В Дельфах колесничий в длинном одеянии, одно из самых благородных бронзовых изделий пятого века, был самым заметным сокровищем, но заслуживает упоминания одна очень красивая атлетическая статуя. Это Агиас, атлетический портрет из мрамора, выполненный Лисиппом, четвертым из великих мастеров греческой скульптуры.[\[67\]](#) Были

обнаружены следы большого количества небольших святилищ, которые служили сокровищницами различных государств и были сгруппированы вокруг великого храма Аполлона, и некоторые из них, в частности киднийские, сифнийские и афинские сокровищницы, содержат важные реликвии скульптуры. Священный участок был переполнен сокровищницами, святилищами, группами по обету и колоннадами. Он включал в себя театр, круглую площадку для танцев и колоссальную статую Аполлона. Альтис в Олимпии был точно так же заполнен сокровищницами; вокруг него, сразу за пределами, располагались стадион, ипподром, палестра и гимнастический зал.

В отдаленной горной долине Аркадии был спрятан шедевр Иктинуса, который сейчас представляет собой прекрасные руины среди самых уединенных и романтических пейзажей. Это храм Фигалеи, современный Бассе.^[68] Фигалейцы посвятили его Аполлону, Спасителю от эпидемии. Вскоре после завершения строительства Парфенона они послали за самым известным архитектором Греции. Поскольку его клиентами были бедные альпинисты, Иктинус использовал для строительства здания местный известняк, но крыша и скульптуры были сделаны из импортного мрамора. Ему также пришлось изменить обычный дорический план в соответствии с местными религиозными традициями поклонения солнцу. В целле храма внутренние ионические колонны соединены со стеной короткими каменными перегородками, образуя таким образом ряд из пяти часовен с каждой стороны. На восточной стороне была сделана дверь, чтобы свет восходящего солнца падал на статую бога солнца, поскольку главное здание уникально среди греческих храмов, расположенных на севере и юге. Узкий фриз, опоясывающий внутреннюю часть целлы, изображал, как обычно, состязания греков и амазонок, кентавров и Лапифов.^[69] Сейчас она находится в Британском музее. Она тончайшей работы, и здесь мы видим систему дизайна, едва ли менее тонкую, чем на фризе Парфенона, примененную к сценам силы и насилия. Фриз был полностью удален бароном фон Штакельбергом и куплен на аукционе британским правительством за 15 000 фунтов стерлингов.

Мы находим еще один пример разностороннего гения Иктина в Элевсине. Элевсин был самым важным городом Аттики, за исключением Афин, и долгое время был независимым. Он стал сельскохозяйственным центром равнины вокруг себя. Его знаменитые мистерии изначально имели сельскохозяйственное значение и были в основном связаны с поклонением Деметре и Персефоне в их персонажах как дающих зерно. Без сомнения, это было более позднее развитие событий, когда греки начали прививать себе глубочайшие религиозные и метафизические доктрины, касающиеся бессмертия. Мы можем легко увидеть, как деревенские обряды, посвященные смерти и возрождению кукурузных полей, должны приобретать это возвышенное значение для мыслящих людей. Каждый год в пятую ночь Большого Элевсинского праздника весны афинский народ выходил по Священному Пути в факельном шествии. Только посвященным, Мистам, разрешалось присутствовать при тайной церемонии, которая, по-видимому, состояла из ритуального бракосочетания. За наиболее ясными предположениями относительно его реальной природы я бы отсылал читателя к недавней книге мистера Дж. К. Лоусона “Современный греческий фольклор и древнегреческая религия”.

Великий Храм Мистерий был спроектирован, но не достроен Иктином, поскольку Пелопоннесская война положила конец элевсинским богомольцам из Афин, что стало не последним из их лишений. Но они возобновились, когда Алкивиад вернулся домой, и продолжались до тех пор, пока Аларих Гот не разрушил храм. Особенность этого здания в том, что оно врезано в живую скалу. Внутреннее убранство несколько напоминало театр с восемью

каменными ярусами по всему периметру и верхним этажом, опирающимся на колонны. Само здание было квадратным, с портиком в

Табличка LI. “АГИАС” ЛИСИППА

English Photo Co., Афины

только спереди. На верхний этаж вела скальная терраса, вырубленная в склоне холма сзади. Весь храм вместе с пристройками был обнесен стеной.

Подводя итог архитектурному характеру того периода, мы должны сказать, что религиозный консерватизм строго ограничивал его самыми строгими очертаниями и простейшими планами. Таким законам он преданно подчинялся, и в то же время находил в них простор для изысканного мастерства и утонченных разновидностей. Иктинус и Мнесикл были вполне способны приспособиться к любым местным особенностям, но строгий дорический стиль по-прежнему царил безраздельно. Наконец, мы отмечаем, что прекрасная архитектура почти полностью посвящена служению религии и патриотизму, в то время как частные и светские здания по-прежнему находятся в самом непритязательном масштабе. Единственное архитектурное произведение строго утилитарного характера, которое мы можем упомянуть, - это планировка Пейрея, которая была такой же упорядоченной, регулярной и скучной, какими обычно бывают "градостроительные" города.

Трагедия и комедия

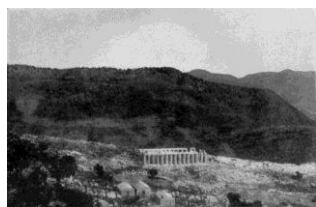
Содержание

Это была политика Перикла, когда он доверял своим согражданам такую огромную власть, чтобы обучать их быть пригодными к владению ею. Как ни любил афинянин политическое и социальное равенство в своем гражданском кругу, я думаю, что его тон и темперамент были, как и у всех других греков, изначально аристократическими. Греки были избранным народом. Они стояли в стороне, под ними были рабы и илоты, а вокруг них - варвары. Мало кто из греков стал бы оспаривать доктрину, с помощью которой Аристотель оправдывал рабство: грек по природе своей выше других; поселите его в варварском городе, и через короткое время грек стал бы королем. Они бы мило посмеялись над "Правами человека" Лафайета. Человек получает свои права только как член партнерства, корпоративного сообщества, а именно города. В это сообщество он вступил, когда был признан гражданином, не без строгого изучения своих претензий, так же формально, как мы вступаем в клуб. Однажды вступив в партнерские отношения с таким государством, как Афины, его права стали четкими и важными. Среди

прочих прав демократия предоставляла ему право занимать свой пост в правительстве, если жребий или голоса его сограждан определяют его на этот пост. Политическая философия утверждает в качестве аксиомы, что лучшие люди должны править худшими, осуждая всю демократию, и Афины в частности, потому что там многие правила немногими, и, следовательно, обязательно худшие правила лучшими. Перикл отрицал бы не эту доктрину, а только ее применимость к Афинам. Он бы заявил, что все афинские граждане обладали “добродетелью” в смысле политического философа; все они были *аристократами*, поскольку он позаботился о том, чтобы все афинские граждане получили воспитание, которое, хотя и сильно отличалось от спартанского по своим целям и методам, было еще более способно превратить массы в аристократию манер и интеллекта.

Даже ходить по улицам этого замечательного города, молиться в его великолепных святилищах, плавать по Средиземному морю на его флотах, нежиться в его колоннадах и слушать мудрость мудрецов было большим образованием. Храмовые службы, фестивали и банкеты были задуманы с торжественной символикой, чтобы возвысить умы верующих. У каждого была реальная практика ведения общественных дел, будь то в Ассамблее, Зале Совета или в Судах с большим числом присяжных. Таким образом, была выражена надежда, что любой человек, которого жребий назначит архонтом или президентом, будет пригоден для исполнения своих обязанностей.

Но из всех инструментов общественного воспитания, пожалуй, самым важным была Драма. Это слово, которое у нас ассоциируется с развлечениями после обеда, с мишурой и плохой вентиляцией, означало для греков религиозную торжественность, предназначенную для восхваления богов и назидания людей. В пятом веке в Афинах сцена была, безусловно, самой мощной формой литературного и художественного самовыражения — настолько, что, поскольку греческая литература в этот период почти полностью поглощена Афинами, все остальные голоса поэзии на какое-то время замолкают. Удивительно быстрое развитие этой формы выражения было в значительной степени обусловлено концентрацией, с которой литературный

Табличка LII. ХРАМ АПОЛЛОНА В ФИГАЛЕЕ [БАСС

English Photo Co., Афины

гений Греции преследовал эту цель. Афинская драма, трагическая, комическая и сатирическая, ставилась на праздниках Диониса, и обычно предполагалось, что она возникла из грубых припевов в честь бога вина, которые Арион и другие превратили в дифирамбы. Это древняя и уважаемая теория. Сатирическая драма, очевидно, связана с вином и козлиными последователями бога вина, сатирами. Комедия произошла от *kōtē*, деревни, изначально являясь деревенской формой того же вида миметического поклонения. Что касается Трагедии, то этимологически она восходит к греческому слову, обозначающему козла, и, конечно же,

козел связан семейными узами с Дионисом. Но недавно было высказано мнение, что трагедия, безусловно, была самой ранней формой развития драмы, и хотя *мы* можем завершить вечер весельем, посмотрев “Отелло”, все же античная трагедия, как часто отмечали сами древние, не имеет ничего общего с вином или Дионисом и вряд ли носит тот праздничный характер, который мы должны ассоциировать с этим жизнерадостным божеством. У профессора Риджуэя есть некоторые основания полагать, что драма возникла совершенно иным образом, а именно в отличие от похоронных церемоний, проводимых на могиле погибшего героя. Он показывает частое появление гробниц в декорациях трагедий и приводит доказательства того, что греки действительно включали миметические изображения умершего героя и его подвигов в число церемоний, проводимых в его честь. Это объясняет не только характер Трагедии с ее мрачными размышлениями о Смерти и Роке, но и среду, в которой неизменно разворачиваются ее сцены, а именно Эпический круг героев. Профессор Риджуэй далее указывает, что поклонение Дионису само по себе не было ни очень древним, ни строго греческим культом. Театры и танцплощадки, однако, так же стары, как Кносос.

Но эта весьма правдоподобная и наводящая на размышления теория едва ли еще успела выдержать испытание. Что несомненно и наиболее важно для понимания Трагедии, так это то, что Драма развилась из песни и танца Хора. Сначала один, а затем два члена *кордебалета* были выведены из рядов для сольного исполнения ролей, рассказа эпизода в описательной рапсодии или обмена информацией посредством быстрых вопросов и ответов. Важные этапы этого эволюционного процесса в древности приписывались Теспису, так называемому “изобретателю” трагедии, а также Фриниху и Эсхилу, всем афинянам конца VI-начала V веков. Затем роль, которую играли “Отвечающие” (лицемеры), как называли актеров, постепенно приобрела масштаб и значимость. В “Эсхиле” хоровые пассажи по-прежнему являются главной особенностью пьесы. У Софокла они образуют своего рода лирический комментарий к действию драмы, в котором теперь начинает сосредотачиваться весь интерес. В более поздних произведениях Еврипида Хор в значительной степени является излишней уступкой драматическим условностям. Уже к концу карьеры Софокла в нем было целых четыре актера, и поскольку каждый исполнял множество перевоплощений, диапазон характеров был значительным. Какой бы грандиозной ни была афинская драма, даже рассматриваемая как средство литературного сочинения, само написание “книги” было второстепенной частью работы по постановке пьесы. На самом деле греческая трагедия гораздо более близка к современной оратории, чем к современной театральной пьесе. Задача обеспечения, оснащения и обучения хора была одной из “литургий”, или общественных обязанностей, возложенных афинским государством на своих более богатых граждан. По усмотрению архонта “даровать припев” поэту.

Первоначально сцена представляла собой круглую танцплощадку (оркестр) с алтарем посередине. Тут вошли пятнадцать участников хора во главе с единственным флейтистом, распевая в унисон. Как только они заняли позицию, они выстроились в три шеренги в глубину, корифей в середине первого ряда, а лидер каждого семихора справа и слева от него. Во время пения они выполняли простые ритмические движения торжественного характера. Сначала отдельные актеры просто выходили из рядов, чтобы произнести свои реплики, но в более поздние времена (когда именно, является предметом ожесточенных споров) они появлялись за оркестром на приподнятой сцене. Представление, конечно, давалось всегда

БИТВА МЕЖДУ КЕНТАВРАМИ И ЛАПИФАМИ [ЗАПАДНАЯ СТОРОНА, ПЛИТА 528

БИТВА МЕЖДУ ГРЕКАМИ И АМАЗОНКАМИ [ВОСТОЧНАЯ СТОРОНА, ПЛИТА 537 г.

Мэнселл и Ко.

Лист LIII. ФРАГМЕНТЫ ФИГАЛЕЙСКОГО ФРИЗА

Театральные деятели, Комические и Трагические

на открытом воздухе.^[70] В пятом веке не было обычного театра; только плоский круглый оркестр, где драмы ставились в “Месте давяльни” к западу от Акрополя, а зрители сидели кругом на деревянных скамьях. Только в конце четвертого века под южным утесом цитадели был построен великий Театр Диониса с его ярусами каменных сидений, покоящихся на живой скале. Было отмечено, что греческая сцена была не живописной, как наша, а скорее пластичной, создавая эффект рельефных фигур на заднем плане. Это было одной из причин, почему актеры носили высокие сапоги, которые придавали им сверхчеловеческий рост, а также одежду с подкладкой и волочащиеся юбки. Маски, которые они носили, были частью традиционной традиции греческой драмы. Маска, конечно, исключала бы какое бы то ни было выражение лица. Греческий актер продемонстрировал свое мастерство в грации движений, выразительности жестов, а также в четкости и силе артикуляции. Драматическая декламация была его основным занятием. В этих обстоятельствах ясно, что мы не должны ожидать, что действующие лица греческой трагедии будут передавать тонкие нюансы смысла, хотя современные переводчики всегда находятся в поиске их. Представьте себе Генри Ирвинга с неподвижной бровью или Коклена с приоткрытым ртом в постоянной гримасе. Очевидно, что весь характер представления преобразуется. Женские роли тоже, как и на нашей елизаветинской сцене, неизменно исполняли мужчины или юноши. Декорации были самые простые. Костюм был обычным для трагической сцены; была предпринята лишь незначительная попытка одеть роли. Таким образом, пьесы отличались простотой и широтой трактовки, которые мы видели в скульптуре и архитектуре того периода. “Искусство Фидия” - наиболее яркий комментарий к творчеству Софокла. Как мы видели в “Портрете Перикла” Кресиласа, идеалистическая трактовка настолько верно соблюдается как принцип, что реалистическая характеристика допускается только в той мере, в какой она не противоречит идеалу. В обоих искусствах герои и героини должны обладать профилем и контурами физического и нравственного совершенства. Только в этих пределах Деянира может быть

мягкой и женственной, Антигона суровой и верной до смерти, Аякс грубым и отважным, Неоптолем молодым и великодушным. Второстепенные персонажи прорисовывают характер более широкими штрихами. Посыльным, рабам и стражам иногда позволено домашняя нравоучительность няни Джульетты. Но нет ничего, что можно было бы по-настоящему назвать избавлением от суровых теней, окутывающих мир греческой трагедии.

Не следует забывать, что сюжетами Трагедий были, почти исключительно, героические или эпические легенды. Есть одно или два исключения; “Персей” Эсхила - одно из таких, по причинам, которые я уже объяснял. Фриних также написал трагедию, основанную на современной истории, “Разграбление Милета”, эпизод Ионийского восстания. Но такая тема была слишком близка к сердцу, слишком близко касалась политики, и поэт был наказан штрафом. В остальном у драматурга не было простора для оригинальности или элемента неожиданности в выборе своего сюжета. Это как если бы

Тарелка ЛИВ. ТЕАТР В ЭПИДАВРЕ

English Photo Co., Афины

наши драматурги были ограничены Библией в выборе сюжетов вместо того, чтобы быть полностью отстраненными от нее. Зрители знали основную схему истории, как только начиналась пьеса. Таким образом, зрители часто пребывали в секрете, в то время как персонажи на сцене отсутствовали, и этот факт давал простор для драматической иронии, которая особенно связана с именем Софокла.

Софокл является для литературы высшим воплощением афинского духа в этот его самый чистый и возвышенный период. Трагедии Эсхила обладают величием и незавершенностью архаического искусства. Он борется с самыми ужасными проблемами человеческой судьбы и божественного предназначения. Его стиль соответствует его темам; это водоворот пенящихся образов, в котором постоянно появляются и исчезают огромные массы поэтических фраз и метафор. Он постоянно ставит в тупик переписчиков и современных переводчиков, и только самый благоговейный дух может удержаться от случайного ощущения нелепого пафоса. Еврипид, с другой стороны, настолько свободно и непринужденно владеет своим мастерством, что по контрасту часто кажется заурядным. Он, вероятно, самый умный из всех драматургов, и он часто обращался к своим религиозным темам в духе беззастенчивого скептика. Подобно Платону, он видел, что боги антропоморфного творения были очень далеки от идеала; и он использовал все искусство и тонкость рационалиста, чтобы показать их в самом слабом виде. Эсхил - поэт религиозных людей Марафона; Еврипид, "человек", - пророк Новой эры четвертого века, либерал, космополит, беспокойный и бесстрашный в исследованиях. Софокл - истинный представитель Афин эпохи Перикла в области литературы.

Благодаря его непреклонному идеализму поэзия Софокла возвышена почти до пределов человеческого понимания. Современные люди иногда находят его слишком совершенным, слишком величественным, чтобы быть интересным. Это и их несчастье, и их вина. Оценка Софокла - это проверка утонченной учености и уха, чувствительного к внутренним голосам поэзии. Это делает перевод практически невозможным, но мистер Уайтлоу из Регби подошел так близко к достижению этого невозможного, что я рискну с его помощью представить образец изысканного искусства этого поэта. Это знаменитая хоровая ода о любви из "Антигоны".

Strophe

“О Любовь, наша победительница, несравненная в могуществе,
Ты побеждаешь, О Любовь, ты делишь добычу:
На дамасских щеках девы
Установлен Твой ночной дозор.
Ты странствуешь над морем;
На холмах, в пастушьих хижинах ты;
Ни бессмертные боги, ни короткоживущие люди,
От твоего безумия никому не спастись.

Антистрофа

“Несправедливы через тебя помыслы праведных;
Ты подчиняешь их, о Любовь, своей воле, своей злобе.
Недобрую распря разжег ты,
Этот спор сына с отцом.
Ибо великие законы, царящие в сердце,
Уступают место влиянию соперничающей силы,
свету любви, вспыхнувшему в глазах прекрасной невесты:
В своем торжестве смеется Афродита.

Меня, даже сейчас, тоже меня,
Видящего все это, охватывает внезапная жалость,
Неподвластная никакому управлению:
Фонтаны моих слез
Я больше не могу сдерживаться,
Провожая Антигону сюда, в чертог брачный,
Приди, во всепринимающий чертог Смерти”.

В этой оде мы видим греческий трагический взгляд на страсть Любви как на разрушителя и нарушителя спокойствия и здравомыслия человека. Любовь - это одно из средств, с помощью которых трагическая судьба осуществляет свои цели мести. Обстоятельства этого конкретного случая таковы: из двух братьев Антигоны один выступил против своего родного города, а другой взялся за оружие, защищая его. Оба пали на поле битвы. Креонт, городской тиран, запретил кому бы то ни было под страхом смерти хоронить убитого врага. При этом, конечно, он нарушал один из самых священных законов греческой религии. Теперь Антигона была помолвлена с собственным сыном Креонта, Хемоном; тем не менее ее долгом было пренебречь указом тирана и с почестями похоронить своего умершего брата. Она так и сделала. После этого Креонт объявил ей приговор, и Хемон в отчаянии покончил с собой на могиле, в которой она была замурована. Вся эта история - всего лишь эпизод в судьбе дома Эдипа, отца Антигоны. Таким образом, греческий взгляд на Любовь является антитезой романтическому представлению о ней. Там, где Любовь вступает в конфликт с долгом, она должна быть строго подавлена, как источник безрассудства, слабости и порочности. Это настолько верно, что Софокл вкладывает в уста Антигоны слова, которые он, вероятно, позаимствовал у Геродота и которые дают представление о Великой Страсти столь болезненно неромантическое, что современный комментатор, который при всей своей прозаичности является насквозь романтическим человеком, испытывает искушение воспользоваться ножницами, которыми он обычно срезает узлы, и назвать это вставкой. “Мой долг, ” говорит Антигона, “ в первую очередь перед моим братом. Ты говоришь о моем долге перед моим будущим мужем и моими будущими детьми. Я отвечаю, что брат - это больше, чем муж или дети; *их можно заменить, брата - нет.*”

Еще более сбивающее с толку проявление здравого смысла в предположительно романтической ситуации можно увидеть в этой потрясающей пьесе Еврипида “Алкеста” — несомненно, самом заметном провале во всей драматической литературе. Каждый знает историю о том, как Адмету было позволено в качестве милости от Аполлона заполучить кого-то другого вместо себя, когда за ним пришла Смерть. Его верная жена Алкестиде заняла его место, получив от Адмета утешение обещанием пышных похорон. Затем на сцене появляется старый отец короля, чтобы выразить свои соболезнования вдовцу, но на него немедленно обрушиваются самые яростные упреки в том, что он, старик, уже стоящий одной ногой в могиле, не проявил достаточно мужества, чтобы добровольно умереть. Он вполне естественно возражает, что если речь идет о смелости умереть, то сам Адмет не отличался храбростью. Этот момент нравится Еврипиду; это хороший казуистический момент; он позволяет ораторам долго оспаривать его. Я думаю, что эти два отрывка имеют большое значение. Когда мы думаем о греках как о расе поэтического и художественного гения, мы не должны забывать, что практичный, несентиментальный здравый смысл является одной из их наиболее выдающихся характеристик. Они обычно подвергали слабых младенцев смерти. Их комедия на редкость безжалостна к болезням и уродствам. Отношение Платона к проблеме секса в его идеальной

республике поразительно хладнокровно, но едва ли более хладнокровно, чем реальное отношение к той же проблеме в реальной республике Спарта. Прежде чем мы оставим этот вопрос о романтическом в греческом характере, следует отметить две вещи. Романтический элемент, несомненно, усиливается по мере того, как греческая цивилизация приближается к своему упадку: его много у Менандра и Феокрита, еще больше у Гелиодора; Александр Македонский романтичен до кончиков пальцев. Во-вторых, хотя этого так мало в Трагедии или вообще в отношениях между двумя полами, оно встречается в почти современной степени интенсивности в отношениях между Гераклом и Гиласом, между Тесеем и Пиритусом, между Гармодием и Аристогейтоном. Для греков не было глупостью, когда человек встречал смерть ради юноши, которого любил. Действительно, основываясь на этой теории, Эпаминонд Фиванский организовал тот Священный отряд, который на какое-то время произвел революцию в греческой истории.

Еще одним характерным достоинством греческой драматургии, и особенно Софокла, является ее необычайная сила повествования. С его суровыми сценическими ограничениями сцена на Чердаке мудро воздержалась от попыток реалистично воспроизвести захватывающие зрелищные происшествия. Настоящие "трагедии" редко происходят на глазах у зрителей. Гораздо чаще герой или героиня покидают сцену в отчаянии, хор исполняет скорбную оду, а затем прибывает посыльный с рассказом о роковом происшествии. Шекспир, с едва ли менее суровыми ограничениями, столкнулся с невозможным и вызвал насмешки, изображая сражения во всех деталях на сцене с помощью горстки перегруженных работой "статистов". То, что они не могли изобразить, греки отправляли в повествование; и Гораций, действительно, превозносит это в принцип драматического искусства, гласящий, что "Медея не должна прилюдно убивать своих младенцев". То, что греческие драматурги так воздерживались, вероятно, объяснялось драматической традицией, а также практической необходимостью данного случая. Когда в дополнение к хору выступал только один актер, его партия, должно быть, представляла собой в основном то, что наши составители ораторий называют "речитативом". По этим двум причинам, а также, возможно, в соответствии с греческим духом самоограничения, повествовательное декламирование "вестников" является поразительной чертой всей греческой трагедии.

Мы уже видели религиозную теорию, на которой обычно основывается трагедия, логическую последовательность Успеха, Гордыни, Мести и Гибели. Трагики в основном имеют дело с историями о роке, который преследовал некоторые героические дома, такие как Лабдак или Атрей. В таких случаях пророческое проклятие ложится на всю династию: Атрей убивает детей своего брата и предрекает гибель Агамемнону. Агамемнон убит своей виновной женой Клитемнестрой, в результате чего долг мести ложится на их сына Ореста, который *должен* убить свою мать и, следовательно, *должен* понести небесную кару матереубийцы, если только сам Аполлон не сможет вмешаться и освободить его от мести фурий. Такими историями занимались все три великих трагика, часто в виде последовательностей из трех трагедий, называемых трилогиями. У них нет "морали", за исключением того, что грех причиняет страдания третьему и четвертому поколению, но грех часто бывает произвольным. Цель трагика - показать борьбу человека с судьбой. Согласно часто цитируемой теории Аристотеля, цель трагедии - действовать как "очистительное средство от эмоций посредством жалости и ужаса". Как хирург пускает кровь, чтобы снизить температуру, так и драма позволяет зрителю обрести душевный покой, переживая чужие горести своих героев и героинь. Аристотель утверждает, что каждая трагедия состоит из двух частей: завязывания узла и его развязывания. "Потеря" обычно

включает в себя *перипетии*, или внезапный поворот судьбы, как, например, когда триумфальное возвращение Агамемнона сменяется смертью и трауром; часто это вызвано *анагнозом*, или узнаванием, как, например, когда выясняется, что незнакомец во дворце - Орест, вернувшийся домой, чтобы отомстить. Так называемых аристотелевских "единств", которые так громоздко вырисовывались в истории драматической критики и из-за страха перед которыми были заключены в тюрьму французские драматурги-классики, у Аристотеля не найти. Он действительно выступает за единство предмета, но нигде не требуется единства времени и места. Естественные ограничения и вытекающая из них простота греческой сцены обычно диктовали эти единства как практическую необходимость.

Греческая простота часто, как мы видели, является тщательно созданным впечатлением и результатом тщательного сокрытия искусства. То, что это не совсем так в случае с драмой, доказывается поразительной плодовитостью ведущих драматургов. Эсхил написал более 70 пьес, Софокл - 113, Еврипид - 92, а другой трагический поэт, чьи произведения не сохранились, - 240. Они были написаны и поставлены на конкурсной основе. В 468 году до н.э. Софокл начал свою общественную карьеру, соревнуясь с Эсхилом за премию "Трагедия". Поскольку палата, казалось, разделилась поровну, председательствующий архонт предоставил принимать решение десяти генералам, которые только что вернулись с победой из своей войны во Фракии. Премия была присуждена Софоклу, который, что важно отметить, специально обучался у известного музыканта. Еврипид получал премию всего пять раз за свою пятидесятилетнюю поэтическую карьеру. Приз также был вручен хорегу, который спродюсировал и тренировал лучший хор. У преуспевающего хорега, который, конечно же, всегда был богатым человеком, был обычай посвящать свой приз — треножник — на определенной улице в Афинах. Один из таких памятников четвертого века работы некоего Лисикрата до сих пор стоит в прекрасной сохранности. Это был прекрасный образец роскошной архитектуры коринфского ордера.^[71]

Трагедии ставились три раза в год на трех праздниках Диониса. Аудитория поэта составляла 13 000 человек,

Табличка LV. ПАМЯТНИК ЛИСИКРАТУ В АФИНАХ

English Photo Co., Афины

включая незнакомцев со всех уголков Греции. Поначалу, казалось бы, вход был бесплатным, но давка была настолько велика, что была взята небольшая плата за вход. Это была одна из действительно популярных мер Перикла - основать фонд не только для того, чтобы дать возможность беднейшим гражданам поступать бесплатно, но и фактически для компенсации им потери работы во время выполнения этого общественного долга. В конце концов, почему

гражданин должен лишаться привилегий бесплатного образования только потому, что ему больше четырнадцати лет? Почему мы должны платить за вход в театр, когда двери Национальной галереи открыты для нас бесплатно?

Мне гораздо труднее говорить об афинской комедии искренне и разборчиво. Ученые с незапятнанной репутацией и безупречным чувством юмора, несомненно, находят пьесы Аристофана, даже поставленные английскими школьниками в день выступления, чрезмерно увлекательными. Правда, у Аристофана есть немало простого честного веселья того типа, который представлен мистером Панчем или мистером Пиквиком и его очками в тачке. Когда бьют не того человека или когда невежественному любителю велят сесть за весло, а он продолжает сидеть *на* нем, это, я полагаю, не менее забавно в двадцатом веке *anno Domini*, чем в пятом веке до Рождества Христова. Но здесь я должен оставить юмор Аристофана тем, кто может оценить его и все еще смеяться, даже когда они старательно вычленили суть шутки из примечаний в конце своего учебника. Большая часть юмора такого типа. Он был написан для того, чтобы высмеять известных личностей того времени, и, без сомнения, чрезвычайно хорошо выполнил свою задачу. Действительно, нет более достоверного доказательства свободы слова, царившей в Афинах, чем тот факт, что Аристофану было разрешено представлять Клеона, премьер-министра, в последовательных пьесах в самых нелепых и оскорбительных ситуациях. Старая Афинская комедия в значительной степени покоилась на ядовитой личной клевете без всяких ограничений, без соблюдения даже элементарных приличий. Следует добавить, что весь древний юмор был искажен у истоков непристойностью. Антропология, без сомнения, удовлетворительно объясняет это для антрополога. Комедия возникла из непристойных представлений о силе плодородия. Женщинам и детям было строго запрещено присутствовать на комических представлениях. Так обстоит дело не только с литературой; комические вазописи Афин и комические фрески Помпей не соответствуют современному вкусу.

Аристофан как поэт относится к совсем другой категории. Время от времени в парабасисе он обращается к своей аудитории, так сказать, от своего имени, переходя на мгновение на серьезный лад. В таких отрывках он часто бывает великолепен.

В следующем диалоге из "Лягушек" мы сталкиваемся с интересным и характерным образцом литературной критики. Аристофан, как мы видели, тори. Афинянин, которого он любит, удивительно похож на Джона Булля из нашего национального идеала. Здесь Эсхил как поэт старого порядка спорит с Еврипидом, и сам Дионис выступает в качестве судьи, замаскированного под неуместного филистера. Энергичный и очень свободный перевод выполнен Хукхэмом Фрером. Еврипид уже изложил свои принципы, теперь его очередь за Эсхилом.

Эсхил

“Итак, взгляните и отметьте, какими были наши граждане,
Когда впервые из-под моей опеки они были доверены вам;
Не негодяи-доносчики или жалкие шуты,
уклоняющиеся от услуг, причитающихся государству;
Но с сердцами, горящими жаждой приключений и войны,
Отличающиеся выносливостью, ростом и силой,
не выставляющие напоказ ничего, кроме копий и дротиков,

оружия, амуниции и боевых доспехов,
щитов, доспеховых доспехов, кольчуг,
шлемов , и плюмажи, и героический наряд.

Еврипид

- Но как тебе удалось сделать их такими мужественными?
Каким был метод, какие средства вы использовали?

Дионис

- Говори, Эсхил, говори и веди себя получше,
И не будь в ярости таким молчаливым и суровым.

Тарелка 56.—Краснофигурная ваза; и Пиксис

Эсхил

“Драма, до краев наполненная героическим духом.

Еврипид

- Как ты это назвал?

Эсхил

“Вожди против Фив”,
Который вселил в каждого зрителя воинские амбиции,

мужество, пыл, доблесть и гордость.

Дионис

- Но ты поступил очень неправильно, поощряя фиванцев.
Действительно, вы заслуживаете наказания, вы это делаете,
Ибо фиванцы выросли отличными солдатами.
Именно этим вы причинили нам вред.

Эсхил

“Вы сами виноваты, если выбрали другие курсы;
Урок, который я преподавал, был адресован вам;
Затем я дал вам великолепную тему "Персов",
наполненную возвышенными патриотическими мотивами,
Послужной список и пример благородных достижений,
Радость города, гордость сцены.

Дионис

Признаюсь, я обрадовался, когда эту весть донесли
старому царю Дарию, так давно умершему и похороненному,
И хор, собравшийся вместе, продолжал заламывать руки,
Рыдая и причитая, и плакал, увы!

Эсхил

“Таков долг, задача поэта,
с честью выполняющего свой пост и оказанное доверие.
Взгляните на традиционную историю, взгляните
На древность, примитивную, раннюю, отдаленную:
посмотрите, какое благословение прославленные поэты
давали человечеству в прошлые века.
Орфей наставлял человечество в религии,
Удержал его от кровопролития и варварских обрядов;
Мусий передал учение о медицине,
И предостережения, пророческие на грядущие века.
Следующим был старый Гесиод, учивший нас земледелию,
вспашке и севу, сельским делам,
сельскому хозяйству, сельской астрономии,
домашней морали, труду и бережливости:

сам Гомер, наш обожаемый Гомер,
Каково было его право восхвалять и прославлять?
Что, как не ценность уроков, которые он преподавал нам, -
дисциплины, оружия и военной стойкости?”

Критики всех мастей судят обо всей греческой литературе и искусстве с почти исключительно моральных позиций. “Хорошо ли он учил?” “Сделало ли его искусство людей лучше?” Таковы постоянно возникающие вопросы. Доктрина искусства ради искусства показалась бы грекам чудовищной и порочной. Фактические обвинения, выдвинутые против Еврипида в этих сценах, заключаются в том, что (1) он был новатором; (2) что он был реалистом, представляя хромым людей и нищих в лохмотьях на сцене идеалистической трагедии; (3) что он увлекался казуистикой и тем самым культивировал нечестность; (4) что он выбирал аморальные сюжеты, касающиеся таких отвратительных тем, как влюбленные женщины! Очевидно, наш неугомонный бард считает Софокла персонажем слишком священным, чтобы выводить его на сцену. Этот кроткий дух не стал бы участвовать в подобной борьбе ни здесь, ни в подземном мире.

Я смотрю на греческую комедию как на сатурналийский продукт. Народ, привыкший к строгой, навязанной самим себе дисциплине в остальном своем искусстве и морали, намеренно сбрасывает с себя ограничения и при случае дает себе волю, как шотландец в Хогмани. Греки ни в малейшей степени не были шокированы случайными и сезонными вспышками приподнятого настроения. Если у вас был враг или оппонент в политике, постановка комедии была тем временем, когда вы могли обоснованно утверждать, что его покойная мать была зеленщицей, или что его жена сбежала с лакеем-фракийцем, или что у него было уродливое лицо и его личность оскорбляла чувства. Ожидалось, что вы добавите несколько ссылок на Мелантия, трагического поэта, который был печально известен и вызывал наибольший смех из-за проказы, или Опунция, который вызывал всеобщее веселье тем, что у него был только один глаз, или Клеонима, потерявшего свой щит на поле битвы, или Патроклида, который

Тарелка 57.—Белые полихромные вазы (“Лецити”)

произошел знаменитый несчастный случай в театре. Любое упоминание кожи вызывало искренний смех, поскольку Клеон интересовался кожаным рынком. Все, что касалось крабов, щекотало публику, потому что все они знали Карцинуса, трагического поэта. Дерзкие

личности, как правило, забавны в данный момент, и они были основой старой комедии. Да покоится это с миром!

Помощь

Содержание

Почти до изнеможения летописцу греческой культуры приходится повторять эту добродетель Умеренности, Самопознания, Самоограничения как секрет всего высочайшего в великую эпоху. В конце концов, это очень примечательное явление. В греческом темпераменте не было ничего, что могло бы объяснить это: напротив, они были легковозбудимыми и горячими людьми Юга. В их религии вообще не было ничего, что проповедовало бы аскетизм. Это не было продуктом реакции, результатом избытка экстравагантности, потому что это относится только к более ранним фазам культуры. Я думаю, что это было в значительной степени обусловлено силой исторических обстоятельств. Те же самые влияния внешнего варварства, которые вынудили их огородить свои государства кольцевой стеной в скалистой цитадели, также побудили их заключить свои души в стену сдержанности. Запад еще не проснулся; именно с Востоком им предстояло сражаться, как духовно, так и физически. Восточное “варварство”, которое на самом деле было цивилизацией, древней и великолепной, зримо демонстрировало все похоти плоти, всю пышность и тщеславие этого порочного мира. Примечательно, что ионийские философы, видевшие Восток совсем рядом, были первыми, кто проповедовал “Познай самого себя” и “Ничего слишком большого”! И афиняне, которые лично нанесли Немезиде, сопутствующей гордыне, были первыми, кто применил это на практике.

Но, похоже, у них была какая-то врожденная тяга к совершенству. Некоторые объясняют это их идеальным физическим здоровьем. Аристофан, как мы только что видели, презрительно смеется над болезнями и уродством. Еврипида обвиняют в том, что он извлекает драматический пафос из лохмотьев. Когда Перикл произносит свою речь над погибшими солдатами, он ни разу не упоминает о доблести или судьбе отдельного человека. Когда Фидий создает свой длинный фриз, хотя позы его людей бесконечно разнообразны, хотя каждая складка драпировки, каждая конечность человека и животного расположены отдельно с учетом их собственной ценности в дизайне, лицам не разрешается выражать какие-либо мимолетные или личные эмоции. Чудовищу, такому как Кентавр, Великан или варвар, может быть позволено иметь морщинистый лоб, чтобы выразить возраст, или искривленный рот, чтобы выразить боль или эмоции, но грек должен быть совершенным и безмятежным.

Этот принцип может быть подробно изучен на надгробных плитах Афин. Часто вы можете получить много информации о характере людей из их отношения к смерти. Турок сажает кипарисы на своих кладбищах, вырезает тюрбан на древке над своими могилами, а затем оставляет мертвых содержать в порядке свои собственные кладбища. Француз украшает свои могилы обычными венками из жестяных цветов. Англичанин рекламирует добродетели богатых покойных и эмоции выживших в библейских текстах или, скорее, неискренних эпитафиях. Итальянец, когда может себе это позволить, воздвигает витиеватые памятники из каррарского мрамора. Варвар-кочевник сжигает своих мертвецов, дикарь из джунглей оставляет труп на дереве для погребения небесными птицами. Египтяне оберегали тело в бальзамах и специях для великого пробуждения. Римляне обычно использовали погребальный костер и методично складировали пепел в гробницах и катакомбах.

Мы видели, что расхождение в похоронной практике, вероятно, указывает на разницу между двумя расами, составлявшими население Древней Греции. Аборигены-южане, по-видимому, сохраняли своих умерших в шахтных могилах и купольных надгробиях, когда позволяли средства, иногда только в глиняных сосудах. Скальные гробницы подобного характера в большом количестве встречаются по всей Малой Азии, особенно во Фригии и Ликийи. Иногда, в более цивилизованные времена, их заменяют большими саркофагами из камня, дерева или фаянса. Такова Гробница гарпий в Ксанфе и скульптуры на ней

Плита LVIII. ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА. [РЕЛЬЕФ НА НАДГРОБНОЙ ПЛИТЕ

это указывает на религиозные верования, сопровождающие эту форму погребения, — крылатых ангелов, которые уносят душу после смерти, независимо от того, называются ли они Судьбами или Гарпиями. Тогда саму душу часто представляют в виде крошечной крылатой фигурки, иногда выходящей из рта умершего. Именно таким образом греческое слово *Psyche* стало означать одновременно и "душу", и "бабочку". Гробницы такого архитектурного характера, очевидно, предназначались как дома для умерших, и, действительно, их дизайн часто повторяет характер домов, занимаемых живыми. В соответствии с той же идеей, предметы, дорогие живым, хоронят вместе с мертвыми, такие как оружие и амуниция воина, драгоценности и личные вещи женщины, игрушки ребенка. Иногда экономические мотивы приводят к простому обычному копированию реального предмета, и многие топоры и мечи, найденные в старых гробницах, слишком слабы, чтобы когда-либо быть изготовленными для практического использования. Иногда в могилы выливали кровь и возлияния, а в гробницу часто клали сосуды с маслом или даже еду и питье, и когда в ход шли деньги, их оставалось столько, сколько можно было сэкономить. Это тоже было превращено в копеечку благодаря Харону, который переправлял души через Стикс. "Подачка Церберу" также была мифологическим объяснением пищи, погребенной вместе с телом.

Но Харон и Цербер, похоже, принадлежат к другому ряду представлений о мертвых. Северяне, такие как ахейцы Гомера, сжигали своих умерших на погребальном костре, собирая их прах в кувшины и урны, а в случае великого человека воздвигали над этим местом курган. Они верили, что душа счастливого воина отправляется в Валгаллу, или Рай, на Островах Блаженных, где он с тех пор живет так, как жил на земле в свои лучшие годы, в постоянных пиршествах и спортивных упражнениях. Душа не могла обрести этого благословенного облегчения, пока не прошла обряд погребения, а отказывать в погребении было ужасным преступлением против греческой морали. После битвы одна сторона, как правило, должна была признать свое поражение, прося о перемирии, чтобы иметь возможность похоронить своих погибших.

В исторических Афинах практиковались как захоронения, так и кремация после периода бездействия государства. Погребение, по-видимому, было более древним обычаем, поскольку предполагалось, что кости Тесея все еще должны где-то существовать, пока в конце концов их не обнаружили на острове Скирос. Благословенные острова и Героическая Валгалла, несомненно, сохранились как литературная традиция, но "Гадес" из обычной греческой религии был "ужасным домом" Плутона и Персефоны, местом тьмы и скорби. Мы видели, что Пифагор учил о бессмертии души; но тогда, как и сейчас, не философия создала популярные представления о смерти. Вера в бессмертие, которая, несомненно, преобладала в Греции, по-видимому, была скорее связана с древнейшей религией земледельческих времен. Такова была мистическая надежда, даруемая посвященным в тайных ночных обрядах Элевсина. Он был тесно связан с сельскохозяйственными божествами, Деметрой-Матерью-Землей, Персефой-Девой, ее дочерью, Триптолемом, богом-мальчиком, и Эвбулеем, божественным свинопасом. Прекрасное мифологическое воплощение доктрины в истории Персефоны, которая была похищена Аидом, чтобы стать его невестой в подземном царстве, когда собирала цветы, а затем по могущественному заступничеству своей матери получила в качестве компромисса свободу вернуться на землю на полгода, явно является притчей о лете и зиме. Похоже, что нынешняя греческая теология в той мере, в какой она касалась Смерти, была основана на натуралистическом наблюдении за сменой времен года и возрождением урожая. Эта теология была наиболее сильна по ту сторону океана, в Малой Азии, в ее связи с поклонением Адонису.

Тем не менее вера в бессмертие была в Греции не более, чем у нас, достаточно сильна, чтобы смягчить жало Смерти или позволить грекам обойтись без похоронных формальностей. Афиняне практиковали обычные траурные обряды с профессиональными музыкантами и певцами панихид, были одеты в черное, женщины рвали на себе волосы и били себя в грудь. Все это было и остается неизбежным, но общественное мнение Греции постоянно требовало порядочности и сдержанности в присутствии

Табличка LIX. СКОРБЯЩАЯ АФИНА

English Photo Co., Афины

Смерть. Старые законы Солона пытаются ограничить траурные мероприятия. Спартанская система была очень строгой в этом отношении, и там женщины содержались в такой дисциплине, что смерть воина на поле боя иногда даже воспринималась женщинами его семьи с патриотическим ликованием.

Наши археологические музеи многим обязаны практике захоронения вместе с умершими предметов, которыми они пользовались при жизни. У спортсмена был бы стригиль, которым он

соскребал пыль и масло с арены, похороненный в его могиле; у женщины было бы ее зеркало в резном медном футляре или ее “пиксис” (шкатулка для драгоценностей).[72] Большинство маленьких терракотовых фигурок в наших музеях взяты из гробниц. Некоторые из них были детскими игрушками: часто кажется, что фигурки были намеренно сломаны перед погребением. Среди самых красивых таких реликвий гробницы - погребальные кувшины для масла, или лециты, датируемые пятым и началом четвертого веков. Они были специально раскрашены для этой цели, как мы можем судить по выбору ими погребальных сюжетов, и представляют собой особый тип керамики. В обычной технике изготовления ваз лучшего периода фон окрашен насыщенной черной глазурью, а фигуры оставлены простыми в естественном цвете терракоты.[73] Но у этих погребальных лецитий корпус вазы покрыт полоской белого или кремового цвета, а на ней фигуры и сцены нарисованы полихромно. Таким образом, мы сохранили очень редкие и красивые эффекты цветного рисунка в этот благороднейший период греческого искусства. Работы великих художников Полигнота и Зевксиса, конечно, полностью исчезли, и мы должны полагаться на эти маленькие баночки для масла, вероятно, работы довольно безвестных мастеров, для нашего ближайшего представления об этом.[74] И здесь мы снова поражаемся эффекту, достигаемому простыми средствами. Даже там, где краски поблекли, мы сохраняем изящество и точность линий рисунка, которые просто поражают. Ни один художник никогда не делал так много одним взмахом кисти. Это подразумевает удивительную уверенность в себе и владение техникой.

В наших музеях также хранится большое количество мраморных плит, украшенных горельефом, которые служили обычным надгробием афинянам, похороненным на кладбище Керамейкос, за Дипилонскими воротами в Афинах. Некоторые из них все еще *находятся на месте* и представляют собой замечательную картину в том виде, в каком они стоят. Одна из самых известных - гробница Гегесона в Афинском музее. Но есть еще очень много менее известных, но не менее красивых, как там, так и в других местах. Насколько нам известно, ни одна из них не является работой названных художников. Великие сооружения, построенные при Перикле и Фидии на Акрополе, должно быть, собрали в Афинах десятки компетентных мелких мастеров и дали им благородное обучение своему ремеслу. На некоторых изображены округлые контуры и изящная драпировка фидийского стиля, на некоторых - тяжелая мускулатура Поликлетита, а на некоторых - маленькие, изящно поставленные головы представителей школы Лисиппа.

Предметы, представленные на лецитах, обычно изображают какую-то часть погребальных обрядов, а на могильных плитах обычно изображена сцена ухода, к которой всегда относятся с необычайным достоинством и сдержанностью. Не слышно ни единого стога, не проливается ни слезинки. Возможно, взгляд отца нашего спортсмена более пыливый и напряженный, чем если бы речь шла о простой земной разлуке с его отважным сыном. По-моему, даже здесь нет портрета. Если это женщина, которая отправилась в свой долгий дом, иногда ее изображают убирающей драгоценности для путешествия. На одном архаичном рельефе, находящемся сейчас в Риме, мать с улыбкой на лице кладет своего ребенка на колени Персефоне. На очень красивой картине, также находящейся в Риме, изображена мифологическая сцена расставания этих типов супружеской любви и постоянства - Орфея и Эвридики. Голова Орфея слегка склонена, но Эвридика прощально улыбается, и рука Гермеса, Хранителя Душ, очень легко лежит на ее запястье.[75], пожалуй, наиболее типичной из всех является Скорбящая Афина,[76], которая, вероятно, была общественным мемориалом солдатам, павшим в войнах, поскольку была найдена встроеной в стену на

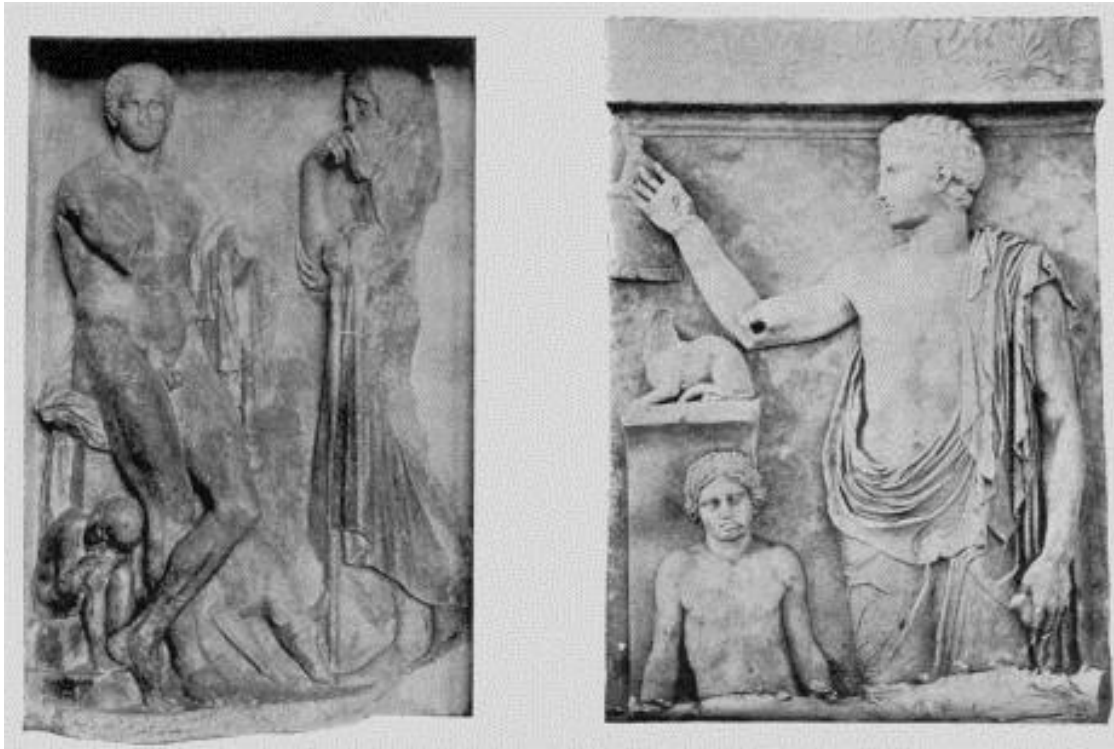

РИС. 1 РИС. 2

Табличка LX. ДВА НАДГРОБНЫХ РЕЛЬЕФА ИЗ КЕРАМЕЙКОСА, АФИНЫ

Акрополь. Он на удивление прост и сдержан. Богиня, одетая в шлем, опирается на свое копье, склонив голову, чтобы прочесть имена, когда-то начертанные на короткой колонне, которая является частью рельефа. Строгие линии ее драпировки указывают на строгость обращения неизвестного художника к своей патриотической теме. Это речь Перикла, высеченная в камне. Я выбрал также два менее известных памятника из Афинского музея, чтобы более четко показать афинский взгляд на смерть. Погибший герой не скорбит, но его более скромные друзья, такие как Великаны и Варвары фриз, могут выражать свои эмоции явно и неприлично. Молодые люди почти всегда сопровождают своих собак на надгробиях. Это крупные животные, возможно, знаменитой молосской породы, похожие на наших пойнтеров. Их потомков сегодня можно увидеть (и пощупать, если только путешественник не знаком с местным обычаем сидеть смирно и притворяться, что ничего не боится) на любой высокогорной ферме Греции. Девушек часто сопровождают маленькие домашние собачки, кудрявые и возбудимые. У больших гончих в каждой черточке явно сквозит уныние.[77] Комментаторы сообщают нам, что кошку (*Felis domesticus*) в Греции не держали в качестве домашнего животного, но когда древние авторы говорят о “волнистохвостом”, который ловит мышей, они имеют в виду ласку. Стал бы кто-нибудь, кроме комментатора, держать ласку в качестве домашнего любимца? И что же это за обезглавленное животное на полке, если не первобытная кошка, привезенная из Египта? Молодой человек на этом рельефе[78] выпускает своих голубей на свободу. И, как вы видите, маленькие мальчики-рабы могут выглядеть огорченными, когда их хозяева уходят. Они не греки; они могут выражать человеческие эмоции.

V

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК

Содержание

Но Греция и ее основы
построены под приливом войны,
Возвышаются на кристально чистом море
мысли и ее вечности.
Шелли.

Афины

Содержание

Осмелюсь предположить, что превосходство Фукидида среди греческих историков несколько исказило истинную перспективу греческой истории. Всепоглощающий интерес, с которым мы следим за его рассказом о Пелопоннесской войне до ее завершения падением Афин, заставляет нас относиться ко всей остальной греческой истории с тем ослабевающим интересом, с которым мы обычно относимся к продолжению. Правда в том, что через некоторое время Афины поднялись с колен, сильно наказанные, изрядно измученные, безусловно, более бедные, но с такой же интеллектуальной энергией и силой художественного творчества, как и прежде. Афины, которые мы хорошо знаем, - это Афины эпохи Реставрации. На самом деле мы почти ничего не знаем об Афинах пятого века, кроме их внешней политики и остатков ее памятников. Восстановленные Афины - это город Платона, Демосфена и Праксителя. Ей еще предстоит стать матерью философии, этики, ораторского искусства, политологии, комедии нравов, логики, грамматики, эссе и диалога как форм литературы. Это единственные Афины, которые мы хорошо знаем изнутри.

Рис. 1.—Аполлон Савроктонос. Рис. 2.—Книдская Афродита.

Фото 61.

Длинные стены должны были быть снесены, чтобы Афины могли быть отделены от своих гаваней и фактически стать внутренним городом, подобным самой Спарте. Они спустились под музыку флейт, и Афины согласились стать "союзником" (эвфемизм для обозначения "смиренного слуги") Спарты. Мораль всего этого для имперских городов, по-видимому, такова: (1) ненадежный характер морской мощи, если она не подкреплена очень сильно денежными средствами; (2) опасность иметь нежелательных союзников или зависимых; и (3) невозможность ведения войны посредством публичных дебатов в демократическом собрании. В двух случаях ближе к концу войны и столетия афиняне пытались провести эксперименты по конституционной революции. Ибо, действительно, на завершающем этапе войны даже граждане Афин могли видеть то, что было болезненно очевидно для остального мира, что она плохо управлялась для целей внешней политики. Популярные институты существуют ради народных свобод. Существуют лучшие способы поддержания порядка, если это ваша главная цель, и гораздо лучшие способы обеспечения "эффективности". Демократия может "царствовать"; она не может "управлять" — во всяком случае, без помощи обученной бюрократии. Прежде всего, при ведении войны собрание граждан на рыночной площади является самым неуклюжим совещательным органом, который только можно себе представить. Мы видели, насколько невежественными они были, когда отправились в сицилийскую экспедицию, не зная ничего, кроме того, что заинтересованные стороны предпочли сообщить им о ресурсах своих союзников и расположении других сицилийских греков. Помимо невежества, они проявили необдуманную страсть, приговорив все мужское население

Митилены к смерти; они были жестоко несправедливы, приговорив к смерти своих адмиралов за то, что они не остановились, чтобы подобрать выживших после кораблекрушения после победы при Аргинусе. Они допустили детские ошибки в стратегии, например, когда выбрали трех враждебных генералов для руководства сицилийской экспедицией, и в управлении государством, когда отказались от мира и перешли на сторону врага своего самого умного гражданина Алкивиада. Но самый действенный аргумент олигархической партии был основан на финансах. С прекращением уплаты дани союзниками стало просто невозможно содержать множество государственных функционеров, которых развивала и требовала демократия. Кроме того, демократия, как мы видели, отождествлялась с анτισпартанской политикой; Спарта не шла ни на какие условия с демократией. И, наконец, когда блистательный Алкивиад был изгнан демократией, он заявил, что персидский сатрап, всеобщий казначей, у него в кармане, и потребовал революции в качестве платы за свое возвращение. Таковы были аргументы, на которые намекали олигархи. Эта партия постоянно работала в клубах и тайных обществах, о методах организации которых мы прискорбно ничего не знаем. В 411 году, то есть через два года после провала сицилийской экспедиции, эти интриганы добились своего, и Афины согласились провести эксперимент с олигархией “до конца войны”. Отныне правительство должно было находиться в руках совета 400 человек, поскольку управление советом является преобладающей чертой олигархии. Но, как и у большинства греческих олигархий, в Афинах также должно было быть своего рода избранное Собрание, состоящее из 5000 состоятельных граждан. Число 5000, по-видимому, представляет собой гоплитский корпус афинской армии. Таким образом, Афины подражали Спарте в ограничении гражданских прав ее полностью экипированных сухопутных воинов и исключении “морской черни”, которая была ее реальной силой на войне. Как обычно в олигархиях, даже это очищенное Собрание, похоже, было скорее для показухи, чем для пользы. Фактически правительство было тем, что его обычно называют, Правительством четырехсот. К счастью для свободы человека, эксперимент не увенчался успехом. Он длился всего три месяца. Четыреста человек, это правда, появились на сцене довольно поздно, если они хотели довести войну до успешного завершения. Но они не смогли сделать ничего полезного, и их приход к власти ознаменовался неудачей на море и потерей Евбы. Убийство, приятно редкое оружие в греческой политике, устранило лидера олигархов, и Афины вернулись к демократии.

Однако в самом конце войны, когда город сдался, Афинам волей-неволей пришлось подчиниться приказу

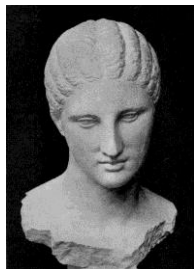

Рисунок LXII. ГОЛОВА ДЕВУШКИ

Эрукманн

Лисандр, ее победитель, пересмотрит ее конституцию в олигархическом направлении. И снова священные законы были брошены в плавильный котел, и были разработаны программы и велись дискуссии относительно точной формы олигархии, которая должна быть принята. Но пока шли предварительные переговоры, администрация попала в руки совета так называемых комиссаров, которым, подобно Оливеру Кромвелю, было поручено пересмотреть конституцию. Как и Оливер, эти люди вскоре оказались у власти, слишком хорошей, чтобы ее терять. Их называли Тридцатью тиранами, и они заслужили это название. Они правили сильной рукой, изгнали своих врагов, разоружили армию граждан и ввели систему частного грабежа, используя копья спартанского гарнизона для выполнения своих приказов. Афины никогда не забывали и не прощали этот кошмар Тридцати. Большинство из них были талантливыми людьми, некоторые из них были философами и литераторами, которые сидели у ног Сократа. Критий, Робеспьер партии, поссорился с Тераменом, ее философом Дантоном, сторонником “умеренной конституции”, и отправил его на казнь. Приятно сознавать, что вскоре честные люди (под этим термином в данном случае подразумеваются демократы) собрались на границах Аттики и под предводительством Фрасибула отвоевали дорогу домой и навсегда разгромили “кроткого Крития” и его банду.

402 год - это год восстановленной демократии. Он называется архонт Евклидов, который является не нашим Евклидом, а другим человеком с тем же именем. Мы больше не слышим об олигархии в Афинах. Отныне она демократия, как и прежде, и даже больше. Там, где раньше афиняне получали дешевую кукурузу, теперь они получали ее даром. Там, где раньше они получали плату в размере трех пенсов за выполнение общественных обязанностей, теперь они получали четыре пенса-полпенни. Согласно Аристотелю, более 20 000 человек получали государственную выплату. Каким бы масштабным бизнесом ни занималась компания, акционеры были настроены на одно — выплачивать друг другу дивиденды с премией в исключительные годы. Трудно сказать, откуда взялись эти дивиденды. Несомненно, в Пейреусе было много коммерческого и банковского бизнеса, в основном в руках наполовину натурализованных иностранцев. У богатых немилосердно проливалась кровь, так что они имели тенденцию эмигрировать или беднеть. И все же в четвертом веке политический вес Афин неуклонно поднимался. Настал радостный день, когда ее адмирал Конон с помощью персов смог восстановить ее Длинные стены. Она основала новую морскую лигу, на этот раз под лучшими гарантиями для союзников. Она даже восстановила нечто вроде империи. Она не могла позволить себе статуи из слоновой кости и золота, но она построила свой театр из камня, заложила стадион и создала множество очаровательных произведений искусства. Короче говоря, хотя ее амбиции были ограничены, жизнь в Афинах четвертого века была очень свободной, наполненной и, я полагаю, очень приятной. Ее государственным деятелям приходилось довольствоваться более мелкими схемами; они были в значительной степени озабочены финансами: действительно, сводить концы с концами было нелегкой работой. Генералы жаловались, что им не платят жалованья, а теперь, когда в моду вошли наемные войска, война стала дорогим развлечением. Афиняне были еще более истеричны, чем раньше, и еще более склонны подшучивать над своими неудачливыми адмиралами. Они говорили больше, чем когда-либо, и делали гораздо меньше. Но в целом ими хорошо управляли, и они сыграли немалую роль в военных действиях и дипломатии Греции. Восстановленная демократия увенчалась успехом.

Пока Афины восстанавливают свои силы, мы можем на мгновение отвлечься и понаблюдать за двумя другими государствами, предпринимающими последовательные попытки удержать

господство в Элладе; все время помня, что северный горизонт уже затянут бурей, которая собирается низвести всю древнюю Грецию до политического ничтожества.

Спарта и Фивы

Содержание

Первый эпизод международной истории Греции в четвертом веке - это господство Спарты, длившееся менее тридцати лет, но обычно рассматриваемое как один из имперских экспериментов Греции. В дополнение к ее собственной постоянной гегемонии над

РИС. 1. МРАМОРНЫЙ ФАВН В ЧЕСТЬ ПРАКСИТЕЛЯ

РИС. 2. ЭРОС ЦЕНТОЦЕЛЛЫ

Табличка LXIII

занимая большую часть Южной и Центральной Греции, Спарта теперь примерила неудобную обувь Афин и оказалась хозяйкой более сотни островных или портовых “городов”. Теперь Спарта, как ей часто напоминали, вступила в Пелопоннесскую войну как защитница свободы Эллады от города-тирана. Отчасти она выиграла благодаря этой очаровательной фразе, но я сомневаюсь, что кто-то всерьез ожидал, что она освободит ионические города и острова. Они не привыкли к свободе и не знали бы, что с ней делать. Они совершенно утратили привычку сражаться или делать что-либо еще, кроме как платить за собственную безопасность. Они были

слишком ленивы и широкомысленны, чтобы сильно беспокоиться о том, куда пойдет их дань. Никто из них не был в восторге от ее предыдущего назначения. Мы не слышим горьких стенаний, когда они обнаружили, что Спарта оптом продавала их обратно персам. Фарнабаз и Тиссаферн, западные сатрапы Великого царя, по-видимому, были добродушными джентльменами с обычным восточным спокойствием и двуличием. Они не были завоевателями или деспотами, но у них были кучи денег, и они были мастерами заключения и нарушения договоров. Спарта и по географии, и по привычке была внутренней державой. Она никогда не производила на свет больше одного компетентного адмирала, и это был человек, находившийся сейчас в зените своего могущества, Лисандр. Поскольку Спарта теперь унаследовала морскую империю и поскольку она не могла и не желала окончательно начать военно-морскую карьеру, возникла необходимость организовать систему гарнизонов и губернаторов в каждом городе, находившемся под ее властью. Эта организационная работа выпала на долю Лисандра — ближайшего аналога цезаря, которого когда-либо создавала Греция. Спартанская империя, какой бы она ни была, была делом рук Лисандра. Конечно, каждое государство, попавшее в руки Спарты, было насильственно преобразовано в олигархию. Это часто представлялось как еще один пример спартанской тирании. Но обзор Греции вскоре убедит нас в том, что олигархия, а не демократия, является нормальным состоянием греческого *полиса*; и, фактически, за несколькими редкими исключениями, демократиями являются только Афины и государства, находящиеся непосредственно под ее влиянием. Но Лисандр был коррумпирован и доверил управление каждым городом группе местных аристократов, которые завоевали или купили его интересы. Таким образом, государствами Спартанской империи, как правило, управлял Совет Десяти, работавший рука об руку со спартанским капитаном и спартанским гарнизоном. Афины, как мы видели, также имели обыкновение посылать гарнизоны туда, где они побеждали. Но все, что мы знаем о спартанском нраве, убеждает нас в том, что мизинец Спарты был толще чресел афин.

Как и Павсаний до него, адмирал Лисандр был опьянен успехом. Совсем небольшой свободы и роскоши было достаточно, чтобы у аскетичных жителей Спарты закружилась голова. Лисандру начали приходить в голову революционные мысли о Спарте, где люди могли бы быть богатыми и свободными, как во всем остальном мире. И инфекция распространилась. Теперь Спарта получала от своей империи тысячу талантов в год, и хотя дома деньги по-прежнему были запрещены, и хотя в Спарте еще не было абсолютно никакой собственной монеты, частные спартанцы, несомненно, быстро богатели. Богатый спартанец был ужасной аномалией: в Лаконии ничего нельзя было купить за деньги, кроме земли. Следовательно, семейные поместья стали быстрее переходить из рук в руки, и класс безземельных, следовательно, не имеющих права голоса мужчин спартанской крови быстро размножался. Спарта хвасталась тем, что она единственная во всей Греции никогда не переживала революций. Она никогда не была так близка к этому, как в настоящем случае, когда Лисандр со своим богатством пытался ниспровергнуть конституцию Ликурга, подкупив дельфийского оракула, а недовольные Низшие слои населения дома планировали тайное восстание. Оба потерпели неудачу: заговор Синадона был раскрыт бдительными Эфорами и безжалостно разгромлен, в то время как Лисандр, играя роль создателя королей, невольно создал царя, равного ему по способностям. Очень скоро завоеватель Афин обнаружил, что он не нужен Спарте, и был вынужден смириться с унижительным испытанием и помилованием.

Новым царем стал Агесилай, чья долгая и важная карьера стала предметом многих биографий. Именно он указал Александру путь славы, показав полную неспособность персов охранять свои

сокровища. Ибо Спарта быстро поссорилась с сатрапами, и Агесилай без особого труда разгуливал по фригийскому и лидийскому побережьям, собирая добычу. Одним из биографов Агесилая был его друг и почитатель Ксенофонт, участвовавший в великом приключении, которое также показало слабость персидской империи.

Британский школьник, скалящий свои юные зубы на “Анабасисе” Ксенофонта, продирающийся сквозь дебри парасангов и парадигм и ломающий голову над тем, что сказал Хирисофос и где они разбили лагерь той ночью, редко осознает романтическую природу предприятия. В Персии шла династическая борьба. Кир, смелый и способный принц, оспаривал престолонаследие с законным преемником Артаксерксом. Зная слабость своих местных войск, Кир задумал усилить их десятью тысячами нанятых греков, поскольку к настоящему времени использование наемников в греческом мире становилось все более частым. Эти войска состояли в основном из спартанцев, их командиром был Клеарх, спартанец, а Ксенофонт Афинский был добровольцем под его командованием. Их завербовали, не зная всей сути предприятия, и только оказавшись в сердце Азии, они, к своему ужасу, узнали, что целью была отдаленная столица. Наконец они достигли Кунаксы, недалеко от Вавилона, где их наступлению противостояло могучее войско. В битве Кир был убит, а местная часть его войска бежала, или сдалась, или была убита. Но греки сражались так доблестно, что победоносная армия Артаксеркса не стала пытаться захватить их в плен, хотя хитроумному Тиссаферну удалось убить их вождей и увести армию в пустыню. Таким образом, Десять тысяч человек оказались выброшенными на берег во враждебной стране, без генералов и проводников, почти в двух тысячах миль от дома. Но, будучи греками, с должным презрением относившимися к варварам, они не хотели падать духом, хотя шанс на благополучное возвращение, должно быть, казался безнадежным. Сильный политический инстинкт города-государства был их спасением. Они превратились в кочующий *полис*, проводили собрания, произносили речи, избирали военачальников, в том числе Ксенофонта, и сохраняли совершенное самообладание и дисциплину. Так начался Катабасис, огромный и опасный поход на северо-запад, через перевалы Тавра и нагорья Армении, в боях с дикими курдами на холмах, борясь с холодом и голодом, совершенно не разбираясь в географии, за исключением веры в то, что если они будут идти достаточно долго в том же направлении, то однажды достигнут моря. Их радостный крик “Таласса! Таласса!”, когда они наконец увидели сверкающие воды Эвксинского залива, эхом отдается в веках. Отныне они проезжали через ряд греческих колоний, окаймлявших южное побережье Черного моря. Хотя их ожидало еще много приключений и они редко были желанными гостями, все же не менее 6000 человек добрались домой и, мы надеемся, жили долго и счастливо. Не столько боевые действия, сколько мужество на марше и чувство дисциплины делают этот поход одним из величайших подвигов в истории Греции.

Что касается Ксенофонта, то он ушел в отставку, чтобы проводить досуг и деньги поближе к своей любимой Спарте. Купив поместье недалеко от Олимпии, он посвятил свои ветеранские дни литературе и спорту. Его “Жизнь в Трифилии” - это портрет отставного полковника-спортсмена с религиозными и аристократическими наклонностями. Он рассматривает свое поместье как обитель богини Артемиды. Он строит для нее святилище - алтарь со статуей из кипарисового дерева по образцу храма и золотой статуей из Эфеса. Совсем рядом протекала река, полная рыбы, и фруктовый сад с пастбищами и горными заповедниками, изобилующими дикими кабанами, газелями и оленями. Каждый год он приносил жертву богине и приглашал своих соседей на праздник. Там была ячменная каша, пшеничные лепешки и сладости. Ранее

дичь доставлялась в результате крупномасштабной однодневной охоты, в которой участвовали сыновья Ксенофонта и все соседи, если хотели.

Ксенофонт - один из самых совершенных и разносторонних

РИС. 1. ГОЛОВА ЮНОШИ

РИС. 2. КРЫЛАТАЯ ГОЛОВА ГИПНОСА

Табличка LXIV

второстепенные писатели. Он написал, помимо своего “Анабасиса”, трактат об охоте, содержащий ценную информацию о разведении лошадей и гончих; он написал мемуары о своем любимом, но малопонятном учителе философии Сократе, который был казнен в Афинах, когда Ксенофонт был в своей экспедиции; он написал также, возможно, самое раннее европейское произведение в художественной прозе, в котором он в общих чертах описал надлежащее воспитание принца и джентльмена под названием “Воспитание Кира”; он написал историю Греции, начинающуюся с того места, где остановился Фукидид, и заканчивающуюся падением империи. Спарта; среди его второстепенных работ - трактаты о финансах, об обязанностях капитана конницы и пламенный панегирик конституции Спарты. Столь же горячее обвинение афинской демократии ложно приписывается его перу. По симпатиям он был аристократом и филолаконником, и афинская демократия заслужила его неудовольствие убийством Сократа и изгнанием его самого. Это было вполне естественно, учитывая, что он нес спартанскую службу на поле боя против нее, и она, кажется, очень великодушно позволила ему вернуться домой до конца его жизни. Благодаря своему разностороннему уму, своим космополитическим привычкам солдата удачи, юношескому увлечению философией и журналистскому духу, который побуждал его писать памфлеты на любую тему, которая его интересовала, не меньше, чем из-за своей неприязни к демократии, Ксенофонт, пожалуй, самая характерная фигура четвертого века, хотя он слишком военный и слишком консервативный, чтобы быть типичным афинянином любого возраста.

Греция, конечно, не наслаждалась миром в течение тридцати лет господства Спарты. Ни на одном этапе греческой истории нельзя было сказать, что земля отдыхала сорок лет. Были бои в Малой Азии против персов и бои в Греции вокруг Перешейка, утомительная и длительная борьба с недовольными союзниками, обычно называемая Коринфской войной. Мы не сможем составить ясного представления о жизни греческого государства, пока не осознаем, что мир был ненормальным состоянием.

В период, о котором мы говорим, в военном искусстве произошли некоторые важные изменения. Как солдат самый консервативный из людей, за исключением священника, так и после религии война является самым консервативным видом человеческой деятельности. Тактика ведения боевых действий мало изменилась со времен персидских войн. Греческое сражение все еще зависело от удара двух линий гоплитов, в основном это был вопрос веса удара. Если вам удавалось однажды перерезать линию обороны противника, то победа была за вами, потому что тогда вы обнаруживали, что его правая сторона, или сторона без щита, открыта для вашего копья. Греческий солдат с тяжелым щитом на левой руке мог защищать себя только спереди и слева. С этой целью мужчины встали плечом к плечу в линию, сделанную как можно глубже, для придания веса в схватке и, боюсь, чтобы предотвратить беспорядочное бегство греков.

Секрет превосходства спартанцев на войне заключался в том, что спартанский гоплит никогда не думал о бегстве. Но сейчас, в четвертом столетии, мы вступаем в научную эпоху, когда люди начинают логически применять свой разум ко всем видам жизнедеятельности вместо того, чтобы полагаться на привычку. Военная служба, как и в случае с "Десятью тысячами", переходит от патриотов-любителей к наемникам-профессионалам. Ясно, что если новые идеи произведут революцию в военном искусстве, превосходство Спарты обречено. Сильные руки и толстые черепа процветали в долине Еврота. Спарта испытала настоящий шок, когда афинский кондотьер по имени Ификрат разделался со спартанской ротой гоплитов новомодным батальоном собственной подготовки - отрядом обученной легкой пехоты. И вот теперь, в положенный срок, Беотия должна была произвести на свет своего гениального человека — Эпаминонда Фиванского.

В 378 году Спарта продала ионические города обратно Великому царю, который прислал из Суз прекрасный договор, в котором говорилось: "Царь Артаксеркс справедливо считает, что Малая Азия и Ионические острова будут принадлежать ему, а остальные города Греции, как большие, так и малые, будут независимыми". Это был действительно конец мечте Спарты о заморской империи. Она сочла это слишком утомительным для сухопутной державы. Вооруженная этим договором, она начала бесчинствовать среди своих соседей. Она напала на аркадский город Мантинею и разорила его на деревни. Один из ее военачальников, проходя мимо Афин, сделал

Табличка LXV. ГЕРМЕС ПРАКСИТЕЛЯ

English Photo Co., Афины

бросился на Пейрея, но, к счастью, был сорван. Другой сыграл ту же шутку с Фивами, на этот раз успешно, поскольку захватил цитадель и разместил в ней гарнизон. Его возмутительное

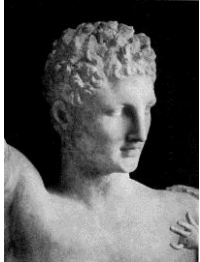
выступление было одобрено дома, но, похоже, оно, наконец, пробудило вялый дух обитателей беотийских болот. Из Афин был организован восхитительно романтический заговор, и группа фиванских патриотов освободила свой город. Среди патриотов был Пелопид, храбрый и умелый солдат, а его другом был Эпаминонд, один из величайших людей во всей истории.

Два качества, в дополнение к обычным человеческим добродетелям мужества и мудрости, по-видимому, отличают Эпаминонда: он проявлял оригинальность даже в военном искусстве и обладал широким кругозором, которого мы требуем от государственных деятелей, но редко находим у греков. Я не вижу никаких доказательств того, что он в полной мере обладал духом панэллинства; прежде всего, он был подчеркнуто фиванцем, кем бы он ни стал впоследствии. Но у него, похоже, был нюх на международную ситуацию. Показателем его успеха и неудачи одновременно является то, что возвышение и падение Фив в точности совпадают с возвышением и смертью Эпаминонда.

И Фивы, и Афины пострадали от бессмысленной агрессии Спарты. Теперь они объединили усилия, чтобы отомстить за это, и в битве при Левктрах (371 г.) Спарта впервые в своей истории потерпела поражение в крупном сухопутном сражении. Победа Фив была полностью обусловлена новой тактикой Эпаминонда. Он сформировал фиванский *элитный* корпус, составленный в манере, поразительно характерной для греческого мышления, из 150 пар влюбленных, поклявшихся победить или умереть вместе. Таким образом, он поставил себе на службу единственное романтическое чувство, которое понимали греки, - отношения между Давидом и Ионафаном или между Ахиллом и Патроком. Этот Священный отряд образовывал переднюю часть левого крыла. Далее, в то время как вся линия спартанцев была выстроена, как обычно, в одинаковую глубину в двенадцать копий, Эпаминонд сделал свой левый фланг глубиной в пятьдесят копий и бросил его вперед в атаку. Дополнительный вес этого глубокого фланга сломил правый фланг спартанцев. Царь Клеомброт и тысяча спартанцев были убиты. Потеря людей была серьезной для такого маленького государства, как Спарта, но потеря престижа была еще хуже. Вот как, по рассказу Ксенофонта, эта новость дошла до Спарты: "Случилось так, что это был последний день Гимнастического фестиваля мальчиков, и поэтому мужской хор был дома. Когда эфоры услышали о катастрофе, они были глубоко опечалены, как, по моему мнению, и должно было случиться, но они не отослали мужской хор и не прекратили игры. Они сообщили имена погибших их родственникам, но предупредили женщин, чтобы они перенесли свою утрату молча и не причитали. Так что на следующий день вы могли видеть семьи убитых, разгуливающих на публике с веселыми, улыбающимися лицами, но что касается тех, чьи мужчины были объявлены живыми, они ходили в унынии и стыде. " Итак, Лакедемон с твердой решимостью вытерпел все, что пошлют боги.

Эпаминонд с истинной проницательностью решил создать уравнивающую силу на Пелопоннесе, чтобы опираться на фланг Спарты, если она когда-нибудь снова попытается установить тиранию над Грецией. Его план состоял в том, чтобы образовать города-государства среди аркадцев и мессенян, этих отсталых детей Природы, которые всегда предпочитали деревенскую жизнь среди своих холмов. Мантиния была восстановлена в статусе государства, Мессения получила новую столицу, а новый великолепный город был специально построен для объединения нескольких разрозненных аркадских деревень в одну интересную федеральную конституцию. Но Великий Город, как его гордо называли, не имел большого успеха. Возможно, аркадийцы были слишком аркадскими в своих привычках, чтобы осуществить план Эпаминонда. Для греческого сознания очень характерно, что известие о фиванском триумфе

было очень плохо воспринято в городе-союзнике Греции Афинах. Афины могли лелеять респектабельную наследственную вражду со Спартой, но Фивы она всегда ненавидела. Фивы были ее ближайшими соседями. Хотя тебе, возможно, придется сразиться со спартанцем, он не мог тебе не понравиться. Ораторы снова обратились к неисчерпаемому прецеденту персидских войн, когда Спарта и Афины вместе противостояли Фивам и Персии. Таким образом, Афины были убеждены отойти от

Фрагмент LXVI. ГЕРМЕС ПРАКСИТЕЛЯ: ГОЛОВА

English Photo Co., Афины

Фивы и заключить союз на равных условиях со Спартой. Но ее действия были не очень энергичными.

Девять лет между битвами при Левктре и Мантинее обычно описываются историками как период фиванской гегемонии. Это правда, что Фивы, вероятно, были на суше самым могущественным государством Греции, и что Эпаминонд сыграл выдающуюся роль в дипломатии того периода, но у нее не было большого числа последователей в государствах, и поскольку Афины, Спарта и Коринф были среди тех, кто отказался последовать за ней, вряд ли можно сказать, что она возглавляла Грецию. Также интересно отметить, что либерально настроенный Эпаминонд считал столь же невозможным, как Афины и Спарта, сохранить единство греческого союза без использования гарнизонов. Он послал войска в Ахайю и Сикион. Фивы также были готовы, как и Спарта, вмешиваться в конституции. Мы можем понять Спарту с ее аристократическими привычками, демонстрирующую предубеждение к олигархии, или Афины, город свободы слова, поощряющий демократию, но то, что Фивы, сами по себе олигархически образованные, теперь должны навязывать демократию своим союзникам, может быть только частью хладнокровной дипломатии, поскольку известно, что олигархии в целом были преданы спартанской стороне. Фивы также не могут быть оправданы за торговлю с врагом. Ибо Пелопид был послан в Сузы защищать древний союз Фив и Персии в битве при Платее! В этих трех отношениях все гегемонии Греции похожи друг на друга, все они замазаны одной и той же краской.

Фива пыталась убить змею, которую она прикончила в Левктре. Несколько раз она начинала выкуривать спартанское гнездо. Дважды она проникала в неприкосновенные пределы Спарты, но каждый раз, когда она смотрела на улицы города без стен и видела спартанских воинов, стоящих с оружием в руках перед своими храмами и очагами, она только смотрела — и находила более неотложные дела в другом месте. Пусть хотя бы один хроникер откажется покинуть этот тонущий корабль. Глупые аркадийцы могли хвастаться своим древним происхождением как дети земли; но спартанцы под предводительством своего старого льва

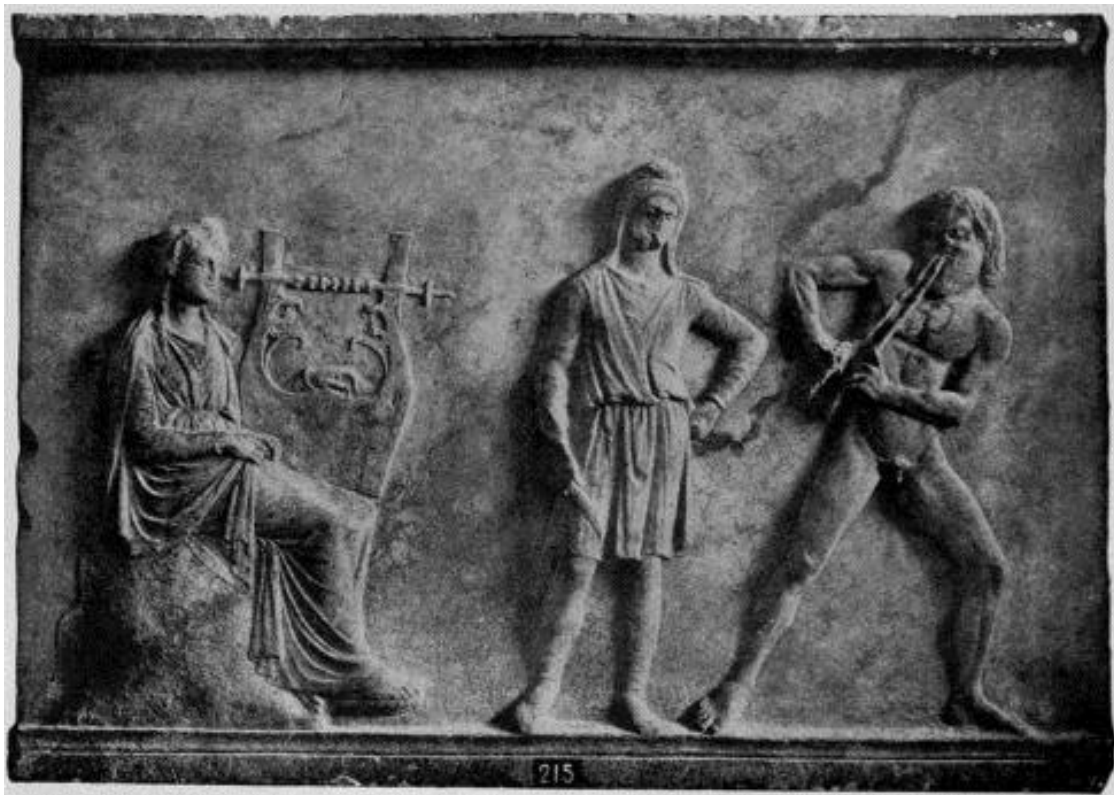
Агесилая все еще могли рассеять аркадийцев взмахом своих копий в “Битве без слез”, в которой не погиб ни один спартанец.

Итак, мы подходим к последней великой битве этой эпохи — битве при Мантинее. Здесь спартанцы и афиняне сражались на одной стороне против Фив. Фиванская тактика была в точности такой же, как при Левктре, и спартанцы ничему не научились на этом опыте. Они видели, как линия фронта продвигается к *эшелону*, они видели углубленное левое крыло, и они не предприняли никаких шагов, чтобы противодействовать этому. Как и прежде, они были разбиты и разгромлены. Но в час поражения случайное копье вонзилось в тело Эпаминонда, и, подобно Вулфу на высотах Авраама, этот герой пал в час победы. Когда он слышал, что два человека, на которых он надеялся как на своих преемников, тоже пали, он воззвал к своим последователям заключить мир со Спартой и так скончался. Звезда Фив померкла с его смертью; и действительно, все огни греческого небосвода вскоре померкли перед восходящим солнцем Македонии - а Филипп учился военному делу у Эпаминонда.

Культура четвертого века

Содержание

В четвертом веке — или, скорее, в той его первой половине, которая составляет тему настоящей главы, — греческое искусство следует своему неизбежному пути развития. Возможно, опустошающее влияние Пелопоннесской войны, этого самого расточительного и неудовлетворительного соревнования, внесло нотку разочарования в высокие идеалы и юношеские надежды, с которыми начинался Великий век. Возможно, что-то есть в расовой теории, которая утверждает, что энергичная северная натура начала уступать влиянию южного климата, в то время как артистический темперамент уроженца Юга вновь заявлял о себе и нарушал равновесие между умом и храбростью. Но, возможно, это было просто действие какого-то закона Природы, по которому все искусства переходят от стадии серьезных усилий к тому ощущению триумфального мастерства, которое так фатально влечет к роскоши. В скульптуре, я думаю, мы увидим, что так было с Грецией. Несомненно, в

Табличка LXVII. АПОЛЛОН И МАРСИЙ

English Photo Co., Афины

четвертое столетие - некоторое ослабление целеустремленности, некоторая потеря идеалов, некоторая тенденция к красоте и вялости.

Но мы пока не должны начинать говорить о вырождении. "Гермес" Праксителя и "Республика" Платона не являются произведениями декаданса. Некоторые современные историки похожи на стервятников в своем чутье на разложение. Они проявляют неподобающее рвение в отслеживании причин упадка и крушения состояний, так что начинают вскрытие задолго до того, как у их пациента испускают дух. Греция четвертого века все еще очень активна и энергична, все еще совершенствует старые искусства и изобретает новые. Афины четвертого века слишком похожи на Англию двадцатого века, чтобы англичанин мог чувствовать себя вполне комфортно, используя термин "дегенерация".

Например, в политике она начала делать жизнь богатых людей гораздо менее комфортной. С помощью налогов на незаработанный доход она начала выводить капитал из страны, так что миллионеров больше нельзя было найти, чтобы в одиночку совершить "литургию" по оснащению линкора, но для этой цели их приходилось объединять в компании. Государственные деятели тоже отбрасывали почтенную сдержанность старого режима, выставя напоказ самые грязные финансовые соображения и противопоставляя класс классу, напоминая бедным, насколько лучше было бы, если бы они были богатыми. Сейчас для бедных сделано даже больше, чем раньше; их научили обращаться к государству за дешевой едой и даже бесплатным образованием. Был введен принцип оплаты членства. Консерваторы были

встревожены растущим числом государственных чиновников, открыто получающих зарплату из Казны за выполняемые ими обязанности, вместо того, чтобы пренебрегать этими обязанностями или ожидать, что богатые будут выполнять их в свободное время и окупать себя менее одиозными общественными способами. В международных отношениях наблюдалось некоторое ослабление националистического угара; в колониальных системах наблюдался заметный прогресс в направлении федерализма, сопровождавшийся деволюционным процессом перехода к местному самоуправлению. В театре наметилось движение в сторону более легких развлечений и высокоразвитых музыкальных комедий, с щедрой демонстрацией одежды и декораций. Любимые хористки получали большие доходы и иногда действительно очень респектабельно выходили замуж. В спорте также росла тенденция к профессионализму, что вызывало большое сожаление у старомодных людей. Боксеры и борцы больше не придавали значения грации своих движений, потому что они обнаружили, что победа, как правило, приходит более последовательно при упорных тренировках и животной диете. В литературе, как мы сейчас увидим более подробно, поэзия начинала уступать место прозе, а проза становилась более деловой и научной. В общественной жизни мыслители начали поднимать проблему секса, и даже сами женщины, возможно, присоединились к борьбе за какую-то меру справедливости для своего пола. Еврипид, действительно, склонный заходить в своем подходе к социальным проблемам дальше, чем позволяет современная деликатность, фактически заставил свою Медею произнести эти дерзкие слова: “Я бы предпочла трижды стоять на поле боя, чем один раз родить ребенка”.

Если бы нам пришлось резюмировать новую характеристику четвертого века в одной фразе, мы, возможно, были бы правы, сказав, что профессиональный дух давал о себе знать во всех направлениях. Мы видим это в военном искусстве, где гражданские гоплиты, с их чрезвычайно простой тактикой и стратегией, уступают обученным отрядам под командованием профессиональных капитанов. Государственные деятели теперь - это уже не знаменитые генералы того времени и не люди, выделяющиеся по рождению и богатству для высокого положения, а опытные ораторы и часто профессиональные защитники. Литература больше не находится в руках таких людей, как Эсхил и Софокл, которые тоже были солдатами или полководцами, хотя Ксенофонт, конечно, является ярким примером писателя, который выделяет литературу среди других своих занятий. Но сейчас есть профессиональные софисты, обучающие ораторскому искусству и различным литературным искусствам. Книги свободно циркулируют, возникают школы профессиональных философов, как в академическом саду Платона. Такая специализация, естественно, предполагает повышенное внимание к техническим процессам, более научное и менее гуманное мировоззрение и рост самосознания. Например, именно сейчас начинают писать конституционные истории. Пока люди молоды и

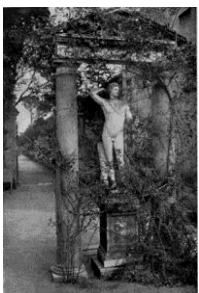

Рисунок LXVIII. МЕЛЕАГР: ГОЛОВА ПОСЛЕ СКОПАСА

сильные, они склонны принимать свои конституции как должное. Греция сейчас достигла полного расцвета и начинает становиться интроспективной и эмоциональной.

Вкусы публики в вопросах искусства несколько изменились. Обедневшие государства четвертого века больше не расточают свое богатство на великолепные храмы и роскошные статуи из слоновой кости и золота. Частные посвящения занимают больше времени художника, и хотя сюжеты по-прежнему носят религиозный и идеальный характер, все же боги стали гораздо более человеческими. Здесь мы, вероятно, можем увидеть влияние Еврипида. Герои эпического цикла больше не представляли особого интереса сами по себе. Ясон и Медея лишь затронули для Еврипида захватывающую проблему супружеских отношений. Итак, Аполлос и Афродита четвертого века такие же люди, как Мадонны и святые Себастьяны шестнадцатого. Психология вторгается в искусство. Аллегорические олицетворения становятся популярными среди скульптурных объектов. Портретная живопись также начинает, хотя и медленно, практиковаться с некоторым реализмом. Обнаженная натура в скульптуре, которая до сих пор ограничивалась в основном спортивными произведениями, где она явно уместна и необходима, теперь распространяется даже на изображения божеств, и под резцом Праксителя Афродита раскрывает свою красоту и скромность. Эрос, также ее сын и мучитель, становится популярным типом, но пока не как пухлый младенец греко-римских времен, а как “эфеб”, почти взрослый, с длинными крыльями за плечами. Гермес, как мы уже отмечали, начинает заменять более энергичного Аполлона как юношеский тип небесной красоты. Тем не менее это растущее поклонение человеческой грации еще не претерпело какого-либо видимого налета чувственности. Ведет ли это к этому - вопрос будущего, но греческое искусство еще не утратило своей сдержанности и достоинства.

Скульптура

Содержание

Между тем художник значительно продвинулся в технических деталях мастерства. Теперь только иностранный правитель мог давать заказы на статуи из таких великолепных материалов, которые были в распоряжении Фидия. Бронза по-прежнему была обычным материалом для важных работ, но мрамор, который раньше использовался главным образом для украшения архитектуры, теперь широко использовался для изготовления статуй даже великими мастерами. Имея более удобные инструменты для сверления, распиливания и заострения (где использовался этот скорее механический процесс), великие художники четвертого века могли играть на мраморе, как если бы это был воск или глина. Они могли бы представлять текстуры и поверхности по степени их отделки, так что кожа обуви имеет поверхность, отличную от кожи стопы в "Гермесе Праксителя". Существует чрезвычайно тонкий контраст между шкурой леопарда и плотью молодого сатира, выполненного тем же художником в замечательной копии туловища, которая находится в Лувре. В то время как более ранние художники пытались изобразить волосы с помощью бороздок, выдолбленных на поверхности головы, или изображая каждый локон как отдельную нить, Пракситель открыл чудесное впечатление завитков, которое можно было создать, грубо перекрыв несколько массивов и оставив игру света и глубокой тени,

чтобы указать на подвижную и живую поверхность. Теперь они владели новыми секретами скульптурной анатомии. Пракситель открыл значение канавки, которая проходит вертикально вниз по передней части тела между грудными и брюшными мышцами с каждой стороны. Он обнаружил также анатомическое различие между мужским и женским надбровьем в том выступе плоти, известном художникам как переключатель Микеланджело, который нависает над бровями. Поместив глазные яблоки глубже под бровь и подчеркнув длинный опущенный изгиб верхнего века, художники четвертого века значительно улучшили свое владение экспрессией и эмоциями - преходящими качествами, к которым в пятом веке особо не стремились стремиться. Скопас, действительно, довел это открытие до грани допустимого, поскольку сохранившиеся несколько неполных фрагментов его работы почти театральны по интенсивности своего взгляда. Мрамор, конечно, требует собственных методов, отличных от методов обработки металла. Во многом благодаря материалу различные

Табличка LXIX. ДЕМЕТРА КНИДОССКАЯ

Мэнселл и Ко.

опоры, такие как стволы деревьев, колонны и урны, должны быть вставлены в мраморные статуи по кругу. Таким образом, стало неизбежным заставить фигуру откровенно опираться на свою опору, и таким образом, мы получаем те грациозные позы полулежачи, которые Пракситель часто называл симптомом декаданса.

Фидий и Пракситель столь же выдающиеся имена среди древних скульпторов, как Полигнот, Зевксис и Апеллес среди художников. Из них двоих Пракситель пользовался наибольшей похвалой, и его работы имели самую высокую ценность на римском рынке. Учитывая это, удивительно, как мало мы знаем о его личности — практически ничего, за исключением того, что он был афинянином и сыном или братом другого знаменитого скульптора по имени Кефизодот. Рассказываются правдоподобные истории о его отношениях с Фриной, которая, как говорят, была его моделью для книдийской Афродиты. Далее говорят, что она уговорила его подарить ей Эроса, посвященного в Теспии, сначала заставив его пообещать ей лучшую из всех его статуй, а затем выяснив, какую он считал лучшей, распространив ложное сообщение о пожаре в его студии. Период его деятельности, по-видимому, продолжался примерно с 370 по 330 год до н. э.

Тремя его шедеврами были "Книдская Афродита", "Юный сатир" и "Эрос Феспии", но у нас есть длинный список других его работ. О первой Плиний говорит нам, что это была лучшая статуя не только Праксителя, но и всего мира, и что многие специально отправились в Книдос, чтобы увидеть ее. Он добавляет историю о том, что Пракситель сделал две фигурки Венеры и

предложил их жителям Коса по той же цене. Одна была задрапирована, другая обнажена, и коаны предпочли первую, “считая ее строгой и скромной”. Мы должны помнить, что обнаженные богини были новинкой. Другая была куплена Книдосом, и в Сос горько пожалели, когда узнали, насколько более знаменитой стала обнаженная Афродита. Царь Вифинии Никомед впоследствии предложил погасить весь государственный долг Книда, “который был огромным”, если они только продадут ему статую, но приятно узнать, что маленький остров предпочел сохранить и свои долги, и свою богиню. Очевидно, именно в качестве морской богини, “Нотр-Дам де Бон Секурс” (Euploia), эти островитяне выбрали Афродиту, рожденную из пены, своей покровительницей.

Монеты Книдоса указывают на позу статуи с достаточной четкостью, чтобы мы могли идентифицировать Венеру в Ватикане как копию книдийской Афродиты.^[79] Папские приличия сочли нужным прикрыть ее ноги, начиная чуть ниже бедер, драпировкой из жести. Это, если вообще что-либо могло, нарушило бы тот аспект совершенной скромности, который сквозит в каждой черточке ее позы и выражения лица. Она не замечает людей-зрителей; в ней нет застенчивой чопорности, как в отвратительной Венере Медичи, которая была попыткой более позднего и низменного поколения подражать тому же типу. Она оставила свой халат висеть над высоким кувшином с водой и выходит из ванны или направляется к ней, не без того, чтобы съежиться, и не от незнания своей красоты. Даже в этой несовершенной копии мы узнаем качества, которые заставили Люциана восхищаться статуей — “рисунок головы и лба, тонко подведенные брови и взгляд глаз, такой нежный, но в то же время такой яркий и радостный”. В другом месте он добавляет, что “на ее губах играет гордая улыбка”. Голова прелестной девушки из паросского мрамора, ныне находящаяся в Глиптотеке в Мюнхене, кажется мне настолько явно похожей на младшую сестру той же богини, что она должна иметь какое-то отношение к оригиналу Праксителя.^[80]

В Капитолийской галерее также хранится копия “Молодого сатира” Праксителя, “называемого греками περὶφοητός”, то есть всемирно известного.^[81] Читатели Готорна, вероятно, помнят его красноречивое описание “Мраморного фавна”, и хотя мы, лучше знакомые с древними оригиналами, можем признать, что это только *после* (и не очень близко) к Праксителю, все же даже в том виде, в каком она стоит, статуя обладает особым очарованием. Скульптор передал впечатление юного лесного создания, только наполовину человека, застенчивого и дикого, как животное, и как

Табличка LXX. СКУЛЬПТУРНАЯ КОЛОННА ИЗ ХРАМА АРТЕМИДЫ В ЭФЕСЕ

Мэнселл и Ко.

беспечный и счастливый. Его улыбка такая же ленивая, как и его отношение. И все же мы замечаем сдержанность, с которой его животные черты проявляются всего лишь в форме заостренного уха и “неклассическом” профиле лица. Его вес не только перенесен на одну ногу, как у всех статуй Праксителя, но и другая ступня грациозно обвита вокруг нее. Это единственная полная древняя копия Сатира, но в Лувре есть изуродованный торс, настолько прекрасный по отделке и фактуре, что некоторые критики предполагают, что он оригинальный.

Об Эросе, которому Фрина посвятила в Феспии, у нас нет определенных копий. Но очевидно, что многие эроты в наших галереях были вдохновлены этим шедевром, и самым красивым является Эрос Ченточелле, фигура в три четверти, превосходного дизайна, хотя и довольно небрежного исполнения.^[82] Я также полагаю, что бронзовая голова неаполитанского юноши вполне может восходить к Эросу Праксителя, хотя томный блеск глаз и чувственная полнота губ, безусловно, преувеличены.^[83]

Но, конечно, если мы хотим узнать настоящего Праксителя, нам нужно всего лишь взять билет в Олимпию и поклониться там в святилище Гермеса. Здесь впервые перед нами бесспорно оригинальная работа, выполненная рукой великого мастера. Этот Гермес был найден более тридцати лет назад немецкими археологами в том самом храме Геры, где его видел Павсаний. Никакая копия, слепок или фотография не могут сделать больше, чем слегка затенить несравненную красоту мрамора. По фотографии мы можем оценить изящество всего дизайна, в котором достоинство так чудесно сочетается с изяществом, а сила - с шармом.^[84] Это Гермес, божество-покровитель молодого аркадского пастуха, Гермес -музыкант на черепаховой лире, ткач коварства, приносящий удачу и любезно сопровождающий души в их последнем путешествии. Он беззаботно балуется с маленьким мальчиком, младенческим богом вина, но его глаза и нежная улыбка предназначены для кого—то более далекого - не для зрителя-человека. Можно отметить, как доказательство того, что технические триумфы греческого искусства были достигнуты не вдохновением, а тяжелой работой над установленными типами, что изображение ребенка выполнено не очень успешно. Греческие скульпторы еще не могли в достаточной степени отойти от условностей, чтобы скопировать круглые контуры детского личика. Критики расходятся во мнениях в своих попытках реконструировать мотив приподнятого правого плеча. Очевидно, в правой руке он держал какой-то предмет, очаровывающий младенца Диониса, возможно, виноградную гроздь или обвитый змеями жезл, принадлежавший Гермесу. В том виде, в каком она изображена на фотографии, мы можем узнать самую красивую статую из существующих, но мы не можем увидеть мастерство, с которым выполнены поверхности и текстуры. Мы не знаем наверняка, обычно ли греческие скульпторы четвертого века создавали свои собственные статуи от начала до конца собственными руками. Мы точно знаем, что обработка поверхности считалась очень важной частью работы, и что использовались различные приспособления, такие как полировка воском, чтобы получить максимальную отдачу от зернистости мрамора для изготовления деталей из плоти. Пракситель особенно известен тем, что нанял колориста для окрашивания своего мрамора.

В дополнение к Гермесу, у нас есть прямые литературные свидетельства существования большой группы Артемиды и Аполлона, работы Праксителя, на Мантинее. Нам также сообщают о некоторых рельефах на архитектурном основании этого сооружения, и соответствующие по тематике рельефы очень тонкой работы были раскопаны на Мантинее. Таким образом, существует очень справедливое предположение, что эти панели были спроектированы, если не

выполнены, мастером, создавшим группу. Одна плита, проиллюстрированная здесь,^[85] показывает состязание между арфистом Аполлоном и полуживотным Марсием, играющим на этом варварском инструменте - флейте. Марсий вызвал Аполлона на состязание и, потерпев неминуемое поражение, был заживо освежеван в наказание за свою самонадеянность. Наказание деликатно указывает фригийский раб, который держит нож в центре. Художники четвертого века редко упускали из виду психологический момент, и Пракситель подчеркивал контраст между величественным богом в его величественных одеждах арфиста

Рисунок LXXI. ФИГУРА ЮНОШИ: ИЗ КЕРИГО

English Photo Co., Афины

и обнаженный, неистовый сатир, раздувающий щеки, как не стыдились делать варвары, играющие на флейте. Очевидно, что "Марсий" - это цитата Праксителя из знаменитой фигуры Мирона. Мы отмечаем, как технический момент в истории рельефной скульптуры, эффект, создаваемый большим расстоянием между фигурами. На других плитах изображены красивые, хотя и изуродованные фигуры Муз, которые выступали в качестве судей на конкурсе.

У нас есть копии также другого оригинала Праксителя, Аполлона Савроктоноса (истребителя ящериц),^[86] но переписчик, очевидно, преувеличил элегантную стройность молодого бога почти до карикатуры. Но на основе наших знаний о Гермесе, я думаю, мы можем воссоздать в воображении изысканную статую даже из женственной копии Ватикана. Истинный Аполлон не опирался бы всем своим весом на дерево; следовательно, наклон его бедер был бы менее резким. Его лицо было бы гораздо более тщательно вылеплено, с меньшей женственной плавностью контуров. Но переписчик заметил и постарался передать прелестное выражение лица, которым Пракситель одарил все свои головы. Небрежная грация, впечатление молодости и игривой силы присущи оригиналу и в высшей степени характерны для художника. Мотив статуи, по-видимому, был новым и довольно смелым изобретением; мы не знаем ни о каком культе Аполлона, убивающего ящериц. Это правда, что Аполлон был божеством, к которому обычно обращались в случаях стихийных бедствий, таких как нашествие полевых мышей или саранчи, но представляется более вероятным, что Пракситель, желая представить Аполлона в новом обличье, намеренно решил изобразить его играющим мальчиком. Ясно, что Пракситель был в высшей степени оригинальным и изобретательным гением, который не боялся создавать свое собственное впечатление об устоявшихся типах. Он был первым, кто осмелился изобразить Афродиту обнаженной; из грубого и звероподобного сатира он сделал восхитительного лесного эльфа, а могучего атлета Аполлона превратил в стройного юношу.

От Скопаса Паросского, второго великого скульптора четвертого века, у нас не осталось никаких важных останков. Две изуродованные головы, найденные на месте храма в Тегее, где он создал свою великую сцену калидонской охоты на кабана, указывают на новую нотку пафоса и эмоций, которую он привнес в резьбу по человеческой голове. Мы знаем, что Скопас работал над Мавзолеем и одной из тридцати шести скульптурных колонн великого храма в Эфесе, но ничто из того, что осталось от обоих этих зданий, не может быть приписано ему с уверенностью. Возможно, его самой известной работой был Палатинский Аполлон в Риме. Мы можем получить лучшее представление о его стиле, изучив голову, а не тело, прекрасной статуи Мелеагра^[87] в Риме, которая, по мнению наиболее компетентных археологов, является копией работы Скопаса.

Третий - Лисипп Сикионский, необычайно плодовитый художник, о стиле которого мы можем составить очень четкое представление, хотя оригиналов у нас нет. Его любимой работой были атлетические фигуры, а его любимой техникой было литье из бронзы. Его открытием стало добавление грации и красоты, которые могли возникнуть в результате уменьшения пропорции головы к телу. Везде, где мы находим маленькие кудрявые головки, очень легко балансирующие на сильном, энергичном теле, мы можем проследить влияние Лисиппа. Его самой известной статуей был молодой атлет, соскребающий масло со своей руки с помощью стригиля. Император Тиберий влюбился в этот “Апоксиоменус”, как его называют, и перенес его с фасада терм Агриппы в свою собственную спальню, но народ Рима поднял такой шум, что ему пришлось восстановить его. Современные критики показали, что наш “Апоксиоменус”^[88] не является точной копией этой статуи. С другой стороны, “Агиас”, недавно обнаруженный в Дельфах^[89] является современной мраморной копией бронзовой работы Лисиппа и дает нам очень прекрасный пример его стиля. Лисипп также был обычным скульптором Александра Македонского, и мы можем проследить происхождение всех многочисленных портретов македонского завоевателя от лисипповых оригиналов. Лисипп был как теоретиком, так и скульптором-практиком и, подобно Поликлиту, создал свой собственный теоретический “Канон” скульптурных пропорций. Он был (с

Табличка LXXII. АРЕС “ЛЮДОВИЗИ”

Андерсон

возможное исключение Дьявола) первый признанный импрессионист, ибо Плиний записывает его высказывание: “Другие скульпторы изображали людей такими, какие они были, в то время как он изображал их такими, какими они казались”.

У нас есть много прекрасных работ четвертого века неизвестного авторства. Прежде всего — несомненно, одна из шести величайших статуй в мире^[90]— это Деметра Книдосская в Британском музее, статуя, настолько проникнутая духом греческой трагедии, что, если бы не определенные технические моменты, она должна была бы принадлежать пятому веку.^[91] Это Мать-Земля, Богоматерь Скорбей, скорбящими глазами, но не в отчаянии, оплакивающая свою дочь Персефону. Влияние Праксителя прослеживается в ее бровях и губах. Мастерство исполнения этой статуи, которая, за исключением храмовых рельефов, является лучшим греческим оригиналом в нашем музее, заслуживает тщательного изучения. Очень красив также этот скульптурный барабан с одной из тридцати шести колонн великого храма “Дианы Эфесской”, еще одного сокровища нашего музея.^[92] Вряд ли время пощадило бы ту колонку, которую спроектировал сам Скопас, но мы можем проследить некоторое его влияние в эмоциональном характере лиц и многое от Праксителя в изяществе поз и поэтичности концепции. Нанесение рельефа на округлую поверхность само по себе является работой большой сложности, и мы видели, как смело это пытались сделать в том же храме художники гораздо более ранних времен. Это сцена похорон, подобная той, что может быть изображена на чердачном надгробии. В центре изображена почтенная фигура, увы, без головы! застегивает мантию на плече, готовясь к путешествию; слева от нее Гермес, очень молодой и мальчишеский, протягивающий свой кадуцей, как бы указывая вниз, но смотрящий вверх, в точку над головой женщины. Справа от нее другая фигура, которую из-за его длинных крыльев и мальчишеского облика мы, возможно, приняли бы за Любимую, если бы его печальные глаза и тяжелый меч не выделяли его как Смерть— прекрасная концепция, найденная также на новом рельефе Людовизи и на некоторых афинских лецитах. Некоторые думают, что эта женщина - Алкеста, и вряд ли кто-то, кроме, по крайней мере, героини, мог занимать такое место в таком здании. Сделать обоих этих посланцев смерти такими молодыми и очаровательными - идея, типичная для четвертого века, и особенно для Праксителя.

Во многих бронзовых изделиях наших музеев мы можем очень четко проследить новое влияние Лисиппа. Прекрасным примером является фигура юноши^[93] недавно извлеченный на поверхность при романтических обстоятельствах у острова Кitera (Кериго), который находится в крайней южной точке Лаконии, Он был частью груза трофеев из Греции, награбленных римским генералом Суллой и потерпевших кораблекрушение у мыса Матапан. До сих пор не было сделано удовлетворительного предположения относительно названия статуи или мотива ее позирования. На мой взгляд, вытянутая рука, готовая схватить, указывает на спортсмена, играющего в игру “поймай”. “Молящийся мальчик”, одно из сокровищ Берлина, представляет собой исключительно совершенную бронзу, полную изящества, вероятно, работы Боэтоса, знаменитого скульптора начала третьего века.^[94] Людовизи Арес^[95] представляет собой мраморную копию оригинала, в которой безошибочно прослеживается влияние Лисиппа, а спокойное отношение красивого бога войны, столь свободного от каких-либо следов свирепости, характерно для того, как в четвертом веке были цивилизованы и очеловечены все его темы. Как и Медуза Ронданини,^[96] голова Горгоны переводится с точки зрения декоративной красоты — это может быть дизайн дверного молотка. Змеи есть, и взгляд холодный, но в лице нет ничего страшного. Прекрасная крылатая голова, первоначально принадлежавшая статуе Гипноса (Спящего) в полный рост, является одним из самых ярких бронзовых экспонатов Британского музея.^[97] Это явно связано с периодом, когда появилась фигура Смерти, “брат Сна”, на эфесской колонне. Этот пример был покрыт красивой зеленой патиной под воздействием воздуха,

РИС. 1. МЕДУЗА “РОНДАНИНИ”

РИС. 2. РЕЛЬЕФ Из МАВЗОЛЕЯ

Табличка LXXIII

современные бронзовщики часто имитируют нанесение кислот. Но геркуланумские бронзы, которые восемнадцать столетий хранились в герметичной оболочке из лавы, сегодня находятся почти в том же состоянии, что и тогда, когда они покидали мастерскую. Хотя они были созданы, без сомнения, во времена римской империи, Лисипп снова является художником, влияние которого наиболее отчетливо заметно, как, например, в яркой паре Борцов или Сидящем Гермесе.

Я уже говорил, что старые города Греции в тот период были в основном слишком бедны, чтобы заниматься великими архитектурными работами. Однако в Эфесе был сожжен ее великий храм Артемиды предприимчивым человеком с очень современными амбициями прославить свое имя перед публикой. Из опасения усилить его успех я не буду здесь повторяться, но когда Александр Македонский предложил восстановить храм из своего собственного кармана, эфесяне отказались, возможно, на том основании, что их храм уже рекламировал злоумышленника, и они не хотели, чтобы это стало еще одной рекламой благодетеля. Поэтому они сами перестроили его с таким великолепием, что он стал одним из Семи чудес света.

Реклама, видите ли, витала в воздухе. Почти крайнее самоподавление личности проходило, и в том же духе богатый правитель Карики, который в глазах греков был тираном, а в глазах персов сатрапом, решил воздвигнуть гробницу для себя и своей жены, которая также должна была стать чудом света. Его звали Мавсолус, и Мавзолей, который он построил, состоял из усыпальницы с колоннами, возведенной на высоком пьедестале и увенчанной пирамидальным сооружением из постоянно сужающихся квадратных рядов каменной кладки, все это увенчано колоссальной портретной статуей Мавсола и его жены Артемизии в колеснице. Значительные останки были найдены сэром Чарльзом Ньютоном в Галикарнасе и сейчас находятся в Британском музее. Мы знаем, что над этой работой работали Скопас и другие известные художники. Самой важной реликвией является колоссальная статуя Мавзолея, которая, учитывая ее состояние, находится в удивительно хорошей сохранности.^[98] Перед нами, пожалуй, впервые за всю историю искусства реалистичный портрет. Лицо принца ни в малейшей степени не заурядно, на самом деле имеет отчетливо варварский профиль, но сохраняет собственное достоинство и самооценку и явно наводит на мысль об иностранном плутократе. Рельефы^[99], украшавшие пьедестал, также отличительны и интересны. Мы наблюдаем, как и в случае с мантинейской основой, что цифры расположены на большом

расстоянии друг от друга. Их позы явно надуманы для декоративного эффекта в системе соответствий, гораздо менее утонченных и, следовательно, гораздо менее эффективных, чем на фризе Парфенона. Дизайнер, которым, возможно, был сам Скопас, не побрезговал изобразить жестокие действия в битве амазонок, которая является его темой. И все же в каждой фигуре есть красота и замечательное техническое мастерство.

Еще одним известным произведением декоративной скульптуры, относящимся к этому периоду, является колоссальная группа Ниобидов. Она была привезена в Рим откуда-то из Малой Азии, вероятно, из Киликии, и, по-видимому, скопирована несколькими греко-римскими художниками самых разных мастей. Оригинал датируется, без сомнения, четвертым веком. Похоже, он представлял собой группу отдельно стоящих статуй, установленных на пьедестале либо под открытым небом, либо в колоннаде. Общее расположение фигур напоминает фронтовую композицию, поскольку вся группа была бы пирамидальной, с самой Ниобой в качестве вершинной фигуры. Трагедия Ниобы - пример божественной ревности, вызванной чрезмерным человеческим счастьем и гордыней, ибо Ниоба так гордилась красотой своей большой семьи, что ликовала по Лито, у которого было всего двое детей, Аполлон и Артемида. Соответственно, она и весь ее выводок были убиты безболезненными стрелами двух богов. "Сюжет" группы представляет собой психологическое исследование, типичное для четвертого века, показывающее, как различные члены обреченной семьи встретили свою смерть. И здесь техника великолепна; каждая фигура выдержана в широком архитектурном духе. Настоящие фигуры в том виде, в каком они есть у нас, в основном во Флоренции, разного достоинства. Вероятно, лучшим является самый недавно обнаруженный, который проиллюстрирован здесь.^[100] Но все они отличаются довольно холодным совершенством изготовления.

Табличка LXXIV. СТАТУЯ МАВСОЛА ИЗ МАВЗОЛЕЯ

Мэнселл и Ко.

Другие Искусства

Содержание

Здесь ничего не было сказано о живописи, потому что греческая живопись - это, по сути, дело профессионального археолога, который может изучить то, что Плиний и другие говорили о ней, и попытаться найти в ней какой-то разумный смысл, ссылаясь на керамику и скульптуру. Конечно, влияние Полигнота, Паррасия, Зевксиса и Апеллеса должно быть прослежено даже в скромных декораторах pitcher, pot и pipkin. Но у нас нет никаких остатков оригинальных работ

ни одного из этих художников, а древний искусствовед - неясный и ненадежный ориентир. Кажется, у него были самые нелепые каноны искусства, и он считал величайшим триумфом живописи, когда птицы прилетали поклевать виноград на картине. Единственные греческие картины, которые у нас есть, - это настенные росписи и мозаики Помпеи, которые по праву принадлежат римскому департаменту, и несколько египетских ящиков для мумий, написанных греческими художниками. Поэтому, если вам угодно, мы оставим греческую живопись знатокам, отметив, что Апеллес четвертого века считался величайшим из всех греческих мастеров.

Обычный исследователь культуры также не может получить особого удовлетворения от греческой музыки. Довольно отрадно размышлять о том, что, в конце концов, в Афинах знали не все, но оставили одну или две вещи для нашего открытия. Одной из них была гармония. Мы слышали, как опытные ученые давали любопытные и не совсем неприятные интерпретации греческой музыки, а выдающиеся композиторы, такие как сэр Хьюберт Пэрри, написали очень красивые арии, которые, как говорят, являются греческими. Вообще говоря, мы можем разделить современные воспроизведения греческой музыки на два класса: те, которые являются греческими, и те, которые являются музыкой. Несомненно, что греки придавали музыке очень большое значение, на самом деле гораздо большее, чем мы. Это был важнейший инструмент образования в древности, и философы от Пифагора до Платона очень серьезно настаивали на его моральной и духовной эффективности. Греки делили музыку на три основных вида в зависимости от используемой тональности. Дориец

Лад был самым низким по тону. Это была музыка семиструнной или восьмиструнной кифары, используемой в боевых песнях и танцах. Спартанцы были настолько консервативны в вопросах музыки, как и во всем остальном, что, когда знаменитый Тимофей Милетский появился в их городе со своей новой двенадцатиструнной арфой, эфоры приказали порвать струны. Фригийский лад был основан на мажорной гамме с плоской седьмой (от G до G), а лидийский - на мажорной с четкой четвертой (от F до F). Лидийская музыка была музыкой "мягкой, жалобной флейты", и ее высокие звуки были осуждены строгими критиками материка как слишком чувственные. Духовая музыка, как мы видели на памятниках, первоначально считалась варварским уродством, но званый обед четвертого века вряд ли был бы полным без хотя бы одной партии на двойной трубе в исполнении хорошенькой *авлетрис*. Греческие пастушки до сих пор используют что-то вроде двойной трубы, а в современном примере, который я видел, одна труба использовалась как "гудящая", как у волынок. Этот инструмент, вероятно, является скромным пережитком "сиринкса", на котором играли аркадские пастухи в древности и современные импресарио шоу Панча и Джуди, — фактически, свирели. Лучшим инструментом, на котором играет *аулет*, на самом деле был бы двойной кларнет. Флейта в том виде, в каком она у нас есть, не была известна в древности.

Греческий гончар так и не продвинулся ни на шаг дальше краснофигурного стиля пятого века. В начале четвертого века не происходит заметных изменений стиля; техника немного более совершенна, цель немного менее энергична. Серия панафинеиных амфор^[101] (эти большие кувшины, расписанные фигурами Афины и атлетическими предметами, предназначенные для раздачи призов на Панафинеиных играх) продолжается непрерывно, и их дизайн мало меняется, поскольку они должны соответствовать традиционному типу. Согласно обычаю, их фигуры должны были быть черного цвета, и, соответственно, художник подчинился обычаю,

оставив части своей вазы естественного красного цвета обожженной глины и обработав эти части как

Пластина LXXV. НИОБИД

Андерсон

панели, на которых он рисовал свои фигуры черным цветом.^[102] Мы заметили одно изменение: вазы больше не подписаны художником. Из этого мы делаем вывод, что керамика больше не поручается для украшения известным мастерам, таким как Иерон и Дурис, а в большей степени производится механическим способом в больших количествах скромными мастерами на фабриках. Это соответствовало бы возросшему профессионализму, который характеризует этот период во всех сферах жизни. Ближе к концу века, то есть во времена Александра, оказалось, что вазы чаще изготавливались из металла; не то чтобы у нас сохранились какие-либо металлические вазы, но фаянс принимает формы, которые можно объяснить только имитацией металла. Таким образом, поверхность часто рельефная, а вазы, по-видимому, отлиты в формах.

Монеты и драгоценные камни^[103] демонстрируют повышенное техническое мастерство. Не следует забывать, что типы монет, как правило, имеющие религиозное значение, склонны очень медленно реагировать на художественную моду того времени. Особенно это касается афинской чеканки. Изображение Афины с совой и оливковой ветвью на реверсе всегда носит традиционный и несколько архаичный характер. В других местах монеты и драгоценные камни четвертого века достигают высшей точки своего совершенства, и это точка, которая никогда не была превзойдена. Как обычно, Сиракузы лидируют по красоте дизайна, и ее новая серия "тиранов", "Дионисий I и II", возрождает великолепные типы Гело и Гиерона и улучшает их. Декадрахмы этого периода, изображающие голову нимфы Аретузы в окружении дельфинов и несущую на реверсе колесницу, запряженную четверкой лошадей, на полном скаку, считаются нумизматами самыми красивыми монетами из существующих. На лучших из них стоит подпись их гравера Эвенета. Чеканка золотых монет началась здесь примерно во время отражения афинской армады. Коринфские монеты с летящим Пегасом на аверсе и головой Афины в коринфском шлеме на реверсе также достигли вершины своей красоты в этом столетии. Но даже в таких отдаленных местах, как Пантикапей, зернохранилище на Юге России, и на маленьком острове Тенедос, который, по мнению историка, *существует в конспекту* и немногим больше, работали граверы непревзойденного искусства. Незадолго до начала века три города острова Родос объединились в единую республику, которая быстро разбогатела благодаря торговле и хорошему управлению. Была выпущена превосходная золотая монета с изображением бога солнца Гелиоса на аверсе и розы (Родос) в качестве каламбурной эмблемы на реверсе. Только при Александре Македонском и его преемниках портреты смертных

правителей начинают появляться на греческих монетах. Затем она быстро развивается, и некоторые из варварских монархов Востока изображаются греческими художниками с большой энергией и реализмом.

Наконец, архитектура демонстрирует схожие тенденции к техническому оснащению и менее строгий дух в использовании орнамента. К этому периоду относятся новый храм в Эфесе и уже упомянутый Мавзолей, а также родственный им могильный памятник из Ликийи, известный как Памятник Нереидам, из-за изящных фигур морских нимф, установленных между колоннами на высоком основании святилища. В Афинах у нас есть новый каменный театр Диониса, новый стадион для спортивных состязаний, небольшой хорагический памятник Лисикрату и новые стены Пейрея, построенные Кононом с помощью персов. Роскошный коринфский ордер сейчас более популярен, чем ступенчатый дорический. Изобретение этого красивого шрифта с изогнутыми листьями аканта, обрамляющими оригинальные завитки ионической капители, приписывается афинскому скульптору Каллимаху, разностороннему художнику времен Перикла.^[104] Открытие нового сверла для резки камня сделало это возможным. Естественно, было дано легендарное объяснение его происхождения. Каллимах был поражен красотой колонны, на которую женщина поставила корзину с цветами в память о девушке, чью могилу она отмечала, а из треснувшего камня под корзиной вырос живой акант. Самое раннее появление коринфской капители, насколько нам известно, можно найти в

Табличка LXXVI. БОКСИРУЮЩИЕ АТЛЕТЫ. ИЗ ПАНАФИНЕЙСКОЙ АМФОРЫ

храм в Бассе. Он становился все более популярным, особенно во времена Римской империи. Из-за более тонкой оси Витрувий сравнивает коринфский орден с молодой девушкой, ионический - с матроной, а дорический - с мужчиной.

В терракотовых статуэтках, которые в таком большом количестве были найдены в Танагре и других местах, мы видим одни из самых восхитительных, а также наиболее характерных образцов искусства четвертого века.^[105] Обычно их находят в гробницах, и, похоже, они были сделаны специально для этой цели. Они редко изображают божества, хотя у нас есть несколько примеров Эроса и, возможно, Афродиты. Самый распространенный предмет - молодая девушка, закутанная в мантию. Действительно, создатель такой посуды по-гречески называется Коропластес - "Девушка-моделист". Распространены бытовые сцены: разговаривающие девушки, танцоры, животные и так далее. Некоторые из них соединены, и многие из них, очевидно, были задуманы как игрушки. Иногда их покрывали глазурью, но гораздо чаще краски наносились непосредственно на глину после того, как она была извлечена из формы. Поэтому краски во многих случаях полностью исчезли. Помимо их исключительной грации и

очарования, они представляют нам чрезвычайно интересные образцы греческого костюма. В Британском музее собрана очень прекрасная коллекция, которая заслуживает изучения. Некоторые из них, похоже, сделаны по образцу знаменитых статуй того периода.

Литература и философия

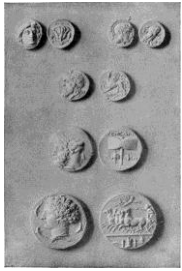
Содержание

Сейчас, как мы уже заметили, век Прозы. Поэзия в настоящее время почти исчезла, отчасти, возможно, потому, что афинский театр уже был так хорошо обеспечен материалом великих мастеров предыдущего поколения, а отчасти потому, что публичное декламирование больше не было единственным средством публикации литературы. Это правда, что Агафон, член литературного кружка, в который входили Сократ и Платон, почитался почти наравне с тремя великими трагиками, но всему его творчеству было позволено погибнуть. Четвертый век - это эпоха "Средней комедии", переходный этап, на котором отказывались от политических отсылок и их место занимали очертания нравов и общественной жизни. Но никакие великие имена не связаны с этой сценой, и никакие реликвии не сохранились. "Новая комедия нравов", великим мастером которой был Менандр, начинается ближе к концу четвертого века и занимает первую половину третьего.

Проза, естественно, делится на три категории: история, включая политические и экономические труды, ораторское искусство и философия.

Пятый век породил двух великих историков Геродота и Фукидида, оба из которых рассматривали свой предмет с возвышенной точки зрения, преследуя явно этические цели. Типичный историк четвертого века имеет гораздо более ограниченный кругозор. Вместо того чтобы пытаться указать на мораль или проиллюстрировать более широкие аспекты жизни, он довольствуется исследованием и повествованием фактов прошлого ради них самих или для любой цели, к которой читатель может захотеть их применить. Таковы были Эфор и Феопомп, чьи работы, хотя и утерянные для нас, послужили основой, на которой такие писатели, как Плутарх, строили свои повествования. Однако, несомненно, у этих историков часто были свои причины служить делу. Конституционная история Греции, первоначально составленная различными авторами того периода, полна противоречий, которые отчетливо указывают на теории, построенные под влиянием заинтересованных мотивов и в соответствии с определенными политическими тенденциями. Достопочтенные фигуры Солона и Ликурга, многие биографические подробности, касающиеся Мильтиада и Фемистокла, были сочинены людьми, в мотивы которых редко входила бескорыстная любовь к истине. С другой стороны, историки четвертого века теперь подходят к своей работе с гораздо более четкими представлениями о правилах доказывания. Ксенофонта я уже описывал как одну из характерных фигур того времени. Он всегда проявлял сильную склонность к Спарте, и особенно к своему другу царю Агесилаю.

Ораторское искусство как раздел литературы, основанный на формальных правилах риторики, является творением этого периода. У греков было

Табличка LXXVII. МОНЕТЫ ЧЕТВЕРТОГО ВЕКА До н.э.

1. РОДОС. 2. АФИНЫ. 3. ПАНТИКАПЕЙ. 4. ТЕНЕДОС. 5. СИЦИЛИЙСКАЯ ДЕКАДРАХАМА.

люди всегда были риторам. Мы отметили, что даже у Гомера убеждение силой слова было данным богом атрибутом царей и старейшин. Греки, да и римляне тоже, вступали в бой под влиянием ораторского искусства, подобно тому как наши горцы приходят в боевое неистовство от красноречия пиброха. Никто не сомневается, что все речи в истории Фукидида являются его собственным изобретением, но если они имеют хоть какое-то сходство с реальностью, мы должны верить, что греческого солдата в пятом веке побуждал к сражению очень трезвый и логичный стиль речи, включая категоричную оценку шансов в его пользу. Современного читателя часто убаюкивают слова Брасида или Никия, призывающие своих людей к битве. Фукидид, по-видимому, научился своему необычно искусственному стилю риторики у Антифона, который был первым профессиональным ритором, занявшимся политикой. Но даже Антифон довольствовался тем, что руководил операциями через своих учеников. В четвертом веке опытный профессиональный оратор выступает на Пниксе в качестве государственного деятеля, избирается генералом и отдает приказы профессиональным солдатам, которые теперь командуют армиями и флотах. Профессия адвоката неизбежно выросла из юридической системы, вошедшей в моду в Афинах. Там, где решения по искам принимались сотнями присяжных, естественным образом возник довольно жестокий стиль ведения дел. Хотя по закону стороны судебного процесса должны были вести свое собственное дело, для них стало обычным обращаться к таким спичрайтерам, как Лисий, Исей и Демосфен, с просьбой выучить речь и произнести ее как можно более драматично. Мы должны ожидать, что такие выступления будут очень эмоциональными и будут состоять в основном из ораторской болтовни. То, что, напротив, они по большей части строго логичны, что пурпурные пассажи тщательно избегаются, а ссылки на национальные чувства не выходят за рамки дозволенного, является самым ярким доказательством высокого интеллектуального уровня среднестатистического афинского гражданина, входившего в состав жюри. Это правда, что подсудимые одевались в траур и приводили жен и семьи в лохмотьях и слезах, чтобы вызвать сочувствие своих судей, но их аргументы должны быть разумными и должны включать многочисленные ссылки на букву закона. Из так называемых “Частных речей” Демосфена мы получаем редкие сведения о социальной жизни Афин четвертого века, о банкире Формио, разбогатевшем после рабства, получившем свободу и женившемся на дочери своего хозяина, об элегантном хулиганстве богатых молодых людей, которые ссорятся в лагере и нападают друг на друга на афинском рынке, о необычайной роскоши Мейдиаса, разъезжавшего в посеребренном седле, или о ссорах соседей по деревне из-за водных путей и права проезда. В одной из последующих глав нам придется рассмотреть публичные выступления Демосфена как противника македонских завоевателей. Для европейской литературы он, несомненно, является отцом ораторского

искусства. Цицерон научился своему искусству у Демосфена, а Берк - у Цицерона. Ум - отличительная черта Демосфена; его стиль сдержан и логичен. Я не думаю, что он был высокоморальен или даже более чем сносно честен, но он был таким тонким защитником, что у меня, например, всегда возникает инстинктивное желание встать на другую сторону.

Исократ, “красноречивый старик”, умерший около 338 года до нашей эры, - интересная фигура, очень типичная для своего времени. Он стал профессором риторики и содержал школу, в которой у него было сто учеников, каждый из которых платил ему по 1000 драхм за курс. Он получал целых тридцать талантов за написание одной речи. Но он был чистым теоретиком; он почти никогда не произносил своих речей, которые были написаны для частного чтения и тщательно отшлифованы для этой цели. Некоторые современные историки видят в нем государственного деятеля широких и возвышенных взглядов. Это правда, что он выступал за мир, сокращение расходов и реформы для Афин. Верно также, что в своей великой панегирической речи, на написание которой у него ушло десять лет, он высказался за согласованные действия Эллады против персов. Но я боюсь, что Исократ как панэллинец - мошенник. Панэллинские речи по тексту “Персидские войны” были постоянным блюдом на олимпийском фестивале. Горгий Леонтинский, среди прочих, произнес подобную речь в

Табличка LXXVIII. ГРЕЧЕСКИЕ ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Мэнселл и Ко.

прошедшие годы. Несомненно, доказательством мертвенности панэллинских чувств в Греции является то, что собравшиеся государства могли периодически аплодировать подобным речам, а затем расходиться по домам и подписывать мир, который Великий Царь ниспослал из Сузов. Более того, сам Панегирик написан в очень необычном для подлинного интернационалиста тоне. Он начинает очень радостно: “Афины и Спарта объединились плечом к плечу, когда они стояли на Платеях, Афины и Спарта ... Да, но именно в таком порядке, заметьте. ... Афины должны быть на первом месте. ... Спарта есть и всегда была хулиганом и подлецом ... разве ты не помнишь ... ?” Таков дух панегирика. Этот стиль также нельзя сравнить со стилем Демосфена. Как бы тщательно она ни была сконструирована, от нее пахнет лампой; в ее интонациях чувствуется утомительная сладковатость, а в тоне - отвратительный запах самосознания и самодовольства.

Обращаясь теперь к философии, мы сразу сталкиваемся с проблемой Сократа и его реальной личности.^[106] Сам мудрец ничего не написал, но о нем писали два ближайших ученика, Ксенофонт и Платон. Между ними двумя мы должны сформировать наше представление об этом человеке. Вполне вероятно, что Ксенофонт упустил многое из внутреннего смысла учения

своего учителя, но несомненно, что Платон использовал Сократа в качестве ориентира для своих собственных идей со свободой, которая могла быть допустима только в стране, где портретная живопись еще редко практиковалась как искусство. Сократа можно кратко описать как человека, который повсюду задавался вопросом “Почему?” Это привычка, которую мы слишком склонны подавлять в детях: афиняне казнили Сократа за это. Помните, что это была эпоха, когда софистика — то есть формальная профессия высшей мудрости — начала распространяться, когда профессора того, того и другого были за пределами Афин. Вы можете довести любого профессора до слез, спросив его “Почему?” с достаточной настойчивостью, особенно если за вами следует вереница восхищенных молодых людей из хорошей семьи. Сократ был очень настойчивым и абсолютно бесстрашным. Поэтому суд присяжных из афинских граждан приговорил его к употреблению цикуты по обвинению в растлении молодежи атеистическими доктринами. Он определенно не был атеистом. Он был глубоко религиозен в самом высоком смысле этого слова. Он возражал, или, по крайней мере, Платон возражал, против теологии Гомера как недостойной, поскольку в ней боги смеются и плачут. Но он постоянно говорил о “Боге”, “божественном принципе” и даже о “Даймонионе”, или божественном духе в своей собственной груди. Более того, Аполлон, говоря устами дельфийского оракула, провозгласил его мудрейшим из людей.

В целом, нет никаких сомнений в том, что осуждение Сократа было, как и осуждение Христа, политическим ходом. И Критий, и Ферамен, виднейшие лидеры олигархической революции, были среди учеников Сократа. И Анит, и Мелит, его обвинители, принадлежали к демократическим реакционерам, которые их свергли. Если мы можем судить по Платону и Ксенофону, Сократ, несомненно, был острым критиком бесчисленных софизмов, на которых строилась демократия. При всем том Сократ был хорошим гражданином и патриотом. Он участвовал во многих афинских битвах, солдаты восхищались его презрением к холоду и опасности, он сделал все возможное, чтобы предотвратить несправедливый приговор генералам Аргинуса, он навлек на себя враждебность Тридцати тиранов.

Суд и смерть Сократа представляют собой сцену, которая по своему пафосу и благородству стоит особняком в истории. На первом судебном процессе он был осужден только большинством в шесть голосов. Афинский закон позволял ему при таких обстоятельствах предложить альтернативное наказание. Соответственно, он предложил развлекаться всю оставшуюся жизнь за государственный счет вместе с офицерами и благотворителями государства в Президентском зале. Эта сократовская ирония была расценена судьями как оскорбление, и на втором слушании он был приговорен к смертной казни большим большинством голосов. Платон описал свой конец в трех великих диалогах — “Апологии”, “Федоне” и “Критоне”. В “Апологии” Сократ завершает свое обращение к присяжным следующими словами: “Я прошу вас только об этом. Когда мои сыновья вырастут, господа, если они, кажется,

Табличка LXXIX. КОРИНФСКАЯ КАПИТЕЛЬ

Мэнселл и Ко.

если вы заботитесь о богатстве или о чем-либо еще, а не о добродетели, накажите их, молю вас, тем же наказанием, каким я поразил вас, и если они притворяются кем-то, когда они ничто, сделайте это упреком им, как я сделал это вам. Если ты сделаешь это, мы получим правосудие из твоих рук, я и мои сыновья. Ах, я вижу, что теперь всем нам пора уходить отсюда, мне навстречу моей смерти, тебе - к твоей жизни. Но кто из нас лучше справится с поручением — этого никто не может сказать, но только один Бог”.

Диалог “Федон”, пожалуй, самое возвышенное произведение в литературе. Он претендует на то, чтобы стать последним обращением Сократа к друзьям, которые пришли разделить с ним последние минуты его жизни. Он проповедует бессмертие души, неважность смерти, более того, настоятельную необходимость освобождения от сковывающих и вводящих в заблуждение оков тела, если философ хочет видеть вещи такими, какие они есть, и наслаждаться познанием реальности. Он называет это “мифом”, используя современную греческую мифологию о Стиксе, Аиде и Тартаре для усиления своей доктрины об Аде, Рае и Чистилище. Его друг Критон просит указаний относительно его погребения.

“Похороните меня так, как вам нравится, ’ ответил Сократ, ‘ если вы схватите меня и я не сбегу от вас”. Он посмотрел на нас со спокойной улыбкой и продолжил: ‘Нет, господа, я не могу убедить Критона, что я тот Сократ, который сейчас беседует с вами. Он думает, что я тот, кого он вскоре увидит мертвым, и спрашивает, если можно, как ему меня похоронить. Я произнес длинную речь, чтобы доказать, что, когда я выпью яд, меня больше не будет с вами, но я уйду, чтобы насладиться теми благами, которые ожидают ушедших; только я боюсь, что все это потеряно для Критона, вместе со всеми моими утешениями для себя и для вас. Так что вы должны быть моими поручителями перед Критоном в залоге, прямо противоположном тому, который он дал моим судьям. Он внес залог за то, что я останусь здесь. Вы должны поручиться, что я, конечно же, не останусь, а скроюсь и исчезну. Тогда Критон будет меньше страдать, и когда он увидит, что мое тело сжигают или хоронят, он не будет горевать обо мне, как будто со мной случилось что-то неприятное, и он не скажет на похоронах, что он предает земле Сократа”.

Затем история его мучительной и мужественной смерти рассказывается языком необычайной простоты и достойной сдержанности. “Таков, Эхекрат, был последний конец нашего товарища, как мы бы сказали, лучшего, мудрейшего и справедливейшего человека из всех, кого мы когда-либо знали”.

Сократ много сделал для придания греческой философии нового направления. Более ранние философы были в основном озабочены физической вселенной, пытались обнаружить ее происхождение и, следовательно, ее “принцип”; это было склонно вырождаться в то ничтожное любопытство к простым явлениям, которое многие люди все еще склонны называть “естественной наукой”. Сократ искал не столько исток, сколько конец вещей; он заставил философию заняться природой реальности и, попутно, этикой и поведением.

Развитие идеальной философии, вероятно, можно приписать, в основном, Платону, а не Сократу. Возможно, обычный английский читатель найдет простейшее изложение

платоновской теории идей в "Оде о намеках на бессмертие" Вордсворта. Если говорить очень кратко, то материальный мир, воспринимаемый человеческими чувствами, является лишь копией или бледным отражением реальностей, "заложенных на небесах". Душа приходит в этот мир

"Не в полном забвении
И не в полной наготе".

Мы узнаем формы вещей по их сходству с образцами, воспринятыми душой в другом месте. Таким образом, как говорит Платон в "Меноне", всякое обучение - это процесс воспоминания. Слова апостола Павла, обращенные к Коринфянам, являются почти словесным отголоском этого учения Сократа: "Ибо сейчас мы видим в зеркале смутно, но потом лицом к лицу: теперь я знаю частично; но тогда я буду знать так, как меня знают".

Доктрины Платона о Любви были странным образом извращены в массовом сознании из-за странной языковой ошибки в использовании слова "платонический". Они изложены в двух совершенно разных диалогах, почти шумном "Симпозиуме",

Табличка LXXX. ПЯТЬ СТАТУЭТОК ТАНАГРЫ

Мэнселл и Ко.

где Сократ и его друзья соглашаются разнообразить выпивку серией бесед о Любви и самым изысканным произведением под названием "Федр", в котором Сократ и его друг беседуют на ту же тему, лежа в тени раскидистого платана на травянистом берегу Илисса.

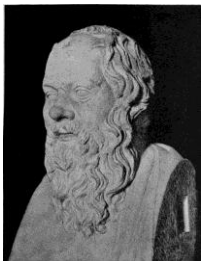
Человеческая душа, переходящая из вечности в жизнь, не совсем забыла "море красоты", видением которого она когда-то наслаждалась. Все красивые вещи напоминают нам об этом, и (еще раз процитирую Вордсворта):

"Следовательно, в тихую погоду,
хотя мы находимся далеко от суши,
наши души видят то бессмертное море,
Которое привело нас сюда".

Таким образом, все люди обладают естественным стремлением к красоте, как бы сильно их проблески ее ни были затемнены и искажены их земным опытом, и в своих возлюбленных они видят отражение реальности красоты. Импульс к продолжению рода является частью

стремления человека к бессмертию; именно из добра и красоты должно быть рождено бессмертное.

С политическими взглядами Платона, выраженными особенно в “Республике”, мы сможем более подробно ознакомиться в следующей главе, когда перейдем к рассмотрению политических теорий, возникших в условиях города-государства. Ясно, что в руках таких людей, как Сократ и Платон, философия узурпировала место, которое, согласно нашим представлениям, должна занимать религия в умах людей. Греческая религия, или, по крайней мере, официальное поклонение Олимпийцам, как оно определено Гомером, Гесиодом и трагическими поэтами, никогда не оказывало большого влияния на мораль своих почитателей. Но теперь философия определенно претендовала на то, чтобы учить добродетели. Не только софисты, такие как Протагор и Гиппий, но даже такие философы, как Сократ и Платон, утверждали, что правильное поведение основывается на разуме и, следовательно, на образовании. Отсюда вытекали прискорбные последствия того, что добродетель должна была быть присуща богатым и знатного происхождения. Философия с самого начала была снобистской; в конце концов она лишила всех, кроме немногих избранных, каких-либо шансов на спасение, и, будь ее воля, лишила бы их каких бы то ни было политических прав. Сократ редко проводит различие между мудрым и образованным, равно как и между мудрым и добрым. Сила греческой философии в ее серьезном неприятии материализма, в присущем ей презрении к низменным, тривиальным и временным занятиям. Но при этом оно ощущало и прививало презрение к честному труду и тем самым все дальше и дальше отдалялось от практической жизни. За это, конечно, в значительной степени ответственен институт рабства.

Табличка LXXXI. БЮСТ “СОКРАТА”

Мэнселл и Ко.

VI

МАКЕДОНСКИЙ МИР

Содержание

εἴ περ ἴσῃν ῥώμην γνώμῃ, Δημόσθενες, εἴ χεῖς
οὔποτ' ἂν Ἑλλήνων ἤρξεν Ἄρης Μακεδῶν.
Плутарх.

Александр и его работа

Содержание

Судьба этого старого бога Кроноса, вытесненного его собственными детьми, которых он тщетно пытался поглотить, является более или менее общей участью всех родителей, имеющих энергичных отпрысков. У афинян был ночной фестиваль, на котором молодые люди бежали эстафетой, каждый член команды передавал свой факел другому, и, как говорит Эсхил в прекрасной метафоре, “первый становится победителем, даже если он последний в беге”. Итак, на данном этапе нашей истории мы начинаем осознавать появление новых сил в греческом мире, новых держав на периферии эллинского круга, которые теперь выходят на свет и занимают свое место в факельной гонке цивилизации. Таковы были Родос, новая торговая республика, Кария при Мавсоле, Фессалия при Ясоне, Кипр при Эвагоре, Пергам при Аттале, две Лиги, Этолийская и ахейская, и прежде всего Македония при Филиппе и Александре. Поток культуры и разума, исходивший из Афин и других древних городов, теперь пульсировал на кончиках пальцев Греции. Многие из этих новых держав более чем наполовину варвары. Это либо монархии, либо конфедерации. Что обычно происходит, так это то, что появляются лидеры, которые сами в достаточной степени наделены цивилизованным интеллектом, чтобы использовать скрытую силу в расе диких и нецивилизованных воинов. В военном смысле дело обстоит так, что у старых держав вошло в привычку заменять свои гражданские ополчения оплачиваемыми профессиональными солдатами, и их граждане, соответственно, стали вялыми и недружелюбными. Правители, подобные Филиппу Македонскому, смогли собрать гораздо больше местных рекрутов и приучить их к профессиональной тактике того времени. С экономической точки зрения сказывалось богатство. Старые города были, частично, без сомнения, из-за их собственной недальновидности, в состоянии финансового истощения, в то время как Филипп, благодаря своему контролю над золотыми рудниками, Аттал и Эвагор - благодаря своему личному богатству, а фокейцы - из-за своего кощунственного захвата сокровищ Дельф, все еще были в состоянии ввести в бой крупные силы. Таким образом, старые силы остались позади в гонке в силу неподвластных им обстоятельств. Фактически, какое-то время казалось, что времена города-государства подходят к концу, и более крупные образования, будь то королевства или конфедерации, занимают свое место в соответствии со своим естественным превосходством.

Поэтому современные историки, вскормленные бисмаркизмом и приверженные физической силе, отворачиваются от старых городов и объявляют их безнадежно выродившимися. Это утверждение заслуживает рассмотрения. В некоторых отношениях это ложь. Если признаком исторического упадка является то, что движущая сила расы каким-то таинственным образом парализована, так что изобретения прекращаются и больше не создаются новые формы или эксперименты в культуре или политике, то мы можем с некоторой уверенностью утверждать, что Греция даже в третьем веке еще не была в таком состоянии. В этой главе мы познакомимся с некоторыми из ее новых изобретений в литературе, философии и искусстве. В политике федеральные системы Западной Греции были явно новыми и многообещающими. Даже на войне она достаточно храбро сражалась в Херонее, как и много позже против вторгшихся галлов. Даже Афины, когда настал их черный час и им пришлось подчиниться гарнизонам и

чужеземным правителям, никогда не соглашались, а снова и снова поднимали восстания против них. Спарта на короткое время в третьем веке совершила самый трудный из всех политических подвигов, а именно реформацию и возрождение самой себя изнутри. В Селлазии при Клеомене III, в 222 году до н.э. немногие оставшиеся спартанцы сражались против огромных сил противника со всей своей древней возвышенной преданностью и умерли как подобает мужчине, как это сделали их предки при Леониде. Настолько верно, что моральным и духовным качествам народа не приходит внезапный конец, что часто случается с государством, когда его величие зависит от материального благополучия или физической силы.

Но самым серьезным симптомом более поздней Греции был реальный расовый упадок, от которого в истории нет ни лекарства, ни милосердия, - сокращение численности населения. Спартиатская раса Лакедемонян, например, почти вымерла. На момент битвы при Левктре их было не более 1500 человек, а после этого мы слышим об экспедициях, в которых участвовало не более тридцати настоящих спартиатов. В меньшей степени так было во всей древней Греции, и было ли это вызвано малярийной лихорадкой или экономическим кризисом, это сделало политический упадок этих государств неизбежным.

Теперь необходимо немного вернуться в начало четвертого века, чтобы взглянуть на возвышение Македонии и ее завоевателей. В начале века Македония все еще была почти нецивилизованной; ею правила монархия, окруженная рыцарской аристократией, очень похожей на гомеровскую модель. В то время его цари начали приобретать достаточное образование, чтобы немного вмешаться в греческую политику, и Архелаю, в частности, хватило хорошего вкуса пригласить Еврипида и Агафона к своему двору. Филипп II получил трон, подавив своего юного подопечного, законного короля. В то время Македония была захвачена еще более дикими варварами с запада, и прошло много времени, прежде чем Филипп смог выступить против них. В конце концов он добился этого благодаря организаторскому гению, который он проявил при перестройке своей армии, проницательной государственной мудрости, с которой он заключал и разрывал договоры, и еще больше благодаря богатству, которое он получил и использовал для подкупа своих врагов. Короче говоря, Филипп был организатором, который время от времени предшествует завоевателю и возвращает лавры для своего преемника. Экспансия на запад была бы трудной и невыгодной. К востоку лежали важные города полуострова Халкидия, золотые прииски горы Пангей, защищенные городом Амфиполь, довольно ветхим царством Фракия, а дальше был свободен путь к Черному морю и в Азию. Теперь Афины и их возрождающийся флот выбрали это поле коммерческой деятельности. Следовательно, конфликт был неизбежен.

Государственным деятелем, возглавлявшим антимакедонскую партию в Афинах, был оратор Демосфен. Его блестящая серия филиппик и олинфийских речей полна обличений коварного монарха, полна трубных призывов к древней доблести Афин, которые иногда звучат довольно пусто для современных ушей. Демосфен не был исключительно честен, но нет никаких оснований сомневаться в чистоте его патриотизма. Он сам подавал пример личного ношения щита в строю и, должно быть, на протяжении всей своей общественной карьеры осознавал, что ему грозит покушение или казнь, если враг одержит победу. Мудрость его противостояния Филиппу также была поставлена под сомнение. События должны были доказать, что эти македонские цари не были варварами; напротив, их самым горячим стремлением было считаться греками, и они испытывали, как они часто свидетельствовали, большую любовь к греческой культуре и глубокое почитание Афин как ее родины. Это должно было доказать

будущее; настоящее же показало лишь иноземного монарха, пожирающего по частям рынки Афин на севере. Возможно, Демосфену следовало бы понять, что Македония слишком сильна для Афин, но никто не мог всерьез ожидать, что древняя Греция уступит этому выскочке без борьбы. Во-первых, у Македонии не было и никогда не было действительно сильного флота. Но ее армия, безусловно, была непреодолима.

Филипп учился стратегии у ног фиванского Эпаминонда. Созданная им армия включала в себя *элитный* корпус благородных конногвардейцев, сподвижников короля. Это были самые ранние первоклассные конные войска в истории, и именно с их помощью впоследствии были совершены лихие подвиги Александра. Для пехоты его великим изобретением была фаланга. Это явно была модификация глубокого построения, изобретенного Эпаминондасом. Оно состояло из шестнадцати шеренг, вооруженных копьями длиной 21 фут. Они стояли в тесном порядке, так что острия первых пяти шеренг выступали вперед, образуя ошетилившуюся изгородь из копий. Остальные одиннадцать шеренг, как нам со всей серьезностью сообщили, держали свои копья наклонно в воздухе, чтобы отразить снаряды! Пусть военный читатель найдет военное оправдание этому необычному расположению. Мне это кажется еще одним подтверждением моей гражданской точки зрения о том, что греческая тактика в первую очередь была направлена на то, чтобы не дать армиям разбежаться. Мы видим, что когда Александр взял персидские войска в свою фалангу, он выстроил в шеренгу двенадцать шеренг персов с рядом македонцев *в тылу*. В любом случае войска, стоявшие сомкнутым строем, вооруженные оружием длиной 7 ярдов, должны были быть бесполезны ни для чего, кроме оборонительных целей; и, на самом деле, победы Александра обычно одерживались молниеносной атакой короля во главе его рыцарей.

Нам нет нужды касаться жалких “Священных войн”, которые вынудили Филиппа вторгнуться в Грецию по приглашению Фив. Именно при Херонее в 338 году Филипп разгромил смешанную греческую армию, в рядах которой Демосфен сражался как гоплит. Филипп был щедр к грекам, и особенно к Афинам. В следующем году заветное желание его сердца было исполнено, ибо он был избран президентом Всеэллинского союза, которому предстояло осуществить свой великий план мести за персидское вторжение в Грецию походом на Вавилон. В следующем году он был убит, и его блестящий сын Александр не может быть оправдан за соучастие в преступлении.

Грандиозная идея принадлежала Филиппу, зародившаяся, возможно, на основе изучения Исократа и, безусловно, вдохновленная примерами Ксенофонта и Агесилая. К сожалению, в Греции это не вызвало никакого энтузиазма. Персия находилась далеко, и деньги от Великого царя можно было получить, не сражаясь за них. Среди греческих государственных деятелей разгорелась грязная борьба за взятки. Как только они услышали о смерти Филиппа, они разразились неподобающим ликованием и высказали комплименты его убийцам; они надеялись, что все вернется на круги своя и что больше не будет разговоров о допотопных крестовых походах. Они не принимали в расчет Александра, потому что Филиппу редко наследовал Александр.

Этот молодой человек, покоривший мир и умерший в возрасте тридцати трех лет, вполне естественно пленил воображение потомков и послужил образцом для амбициозных генералов более поздних времен. Юлий Цезарь вздохнул, подумав о своей неполноценности в достижениях. Август посетил его могилу и носил его портрет на кольце. Наполеон сознательно

подражал ему. Как солдат он был не только организатором победы, хотя, конечно, в этом отношении он был многим обязан своему отцу, и стратегом, знающим толк в поле боя, но и лихим командиром кавалерии, человеком, способным скакать прямо на вражеского короля, первым прорваться в брешь и в одиночку ворваться во вражеский город. Он делал подобные вещи безнаказанно; он никогда не проигрывал сражений. Он был галантен с дамами, Баярдом и Синей Бородой по очереди. Он женился на прекрасной восточной принцессе по имени Роксана, он ездил верхом на прекрасном боевом коне по имени Буцефал. Если Лисиппу и Апеллесу можно доверять, у него было лицо греческого бога. В нем был как раз тот налет рассеянности, который каким-то образом дополняет представление о популярном герое. Ему посчастливилось умереть молодым, в час победы.

И какова должна быть оценка этого ослепительного человека трезвым историком? Мы можем преуменьшить его триумфы, указав на то, что персидская империя была беспомощна перед ним, подобно спелому плоду, ожидающему, когда его соберут. Мы, конечно, можем обвинить его в безумных завоеваниях, не останавливаясь для организации, в пренебрежении своим собственным королевством и неспособности адекватно реагировать на политическое состояние древней Греции. Мы можем указать на необычайно быстрый крах его империи. Но затем он внезапно умер в разгар своей работы и не оставил взрослого наследника, который мог бы стать его преемником. В некоторых отношениях, я думаю, мы все должны признать, что он проявил замечательные способности государственного деятеля. Хотя

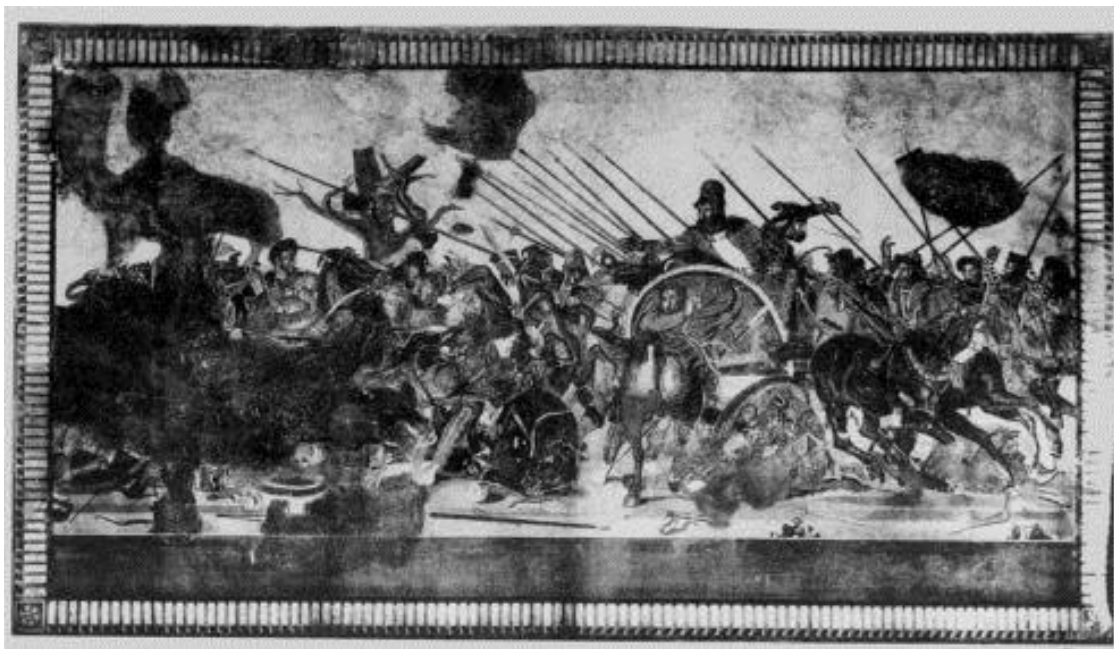

Фото 82. —Александр у Иссы (мозаика Помпеи.)

Броги.

наполовину варвар по происхождению, он был энтузиастом эллинизма, и его план состоял в том, чтобы распространить его на острие копья по всему цивилизованному миру. Разрушая Фивы, он пощадил один дом — дом Пиндара. Именно как миссионер греческой культуры он прошел по пылающим пустыням Азии. Он взял с собой поэтов и художников. Время от времени

он останавливал свое шествие, чтобы продемонстрировать удивленным жителям Востока греческую атлетику и греческое искусство. Он насаждал греческие города везде, где у него было время остановиться, от Александрии в устье Нила до Кандахара (другая версия его имени). Он обладал искусством, которое делает апостола успешным, - даром быть всем для всех людей. В Египте, стране религии и тайн, он совершил торжественное паломничество в пустыню и добился того, что его приняли как сына бога, которого греки называли Амоном. В Персии он признал достоинства персидской провинциальной системы и назначил своих собственных сатрапов или даже сохранил существующие. Он относился к персидским женщинам с почтением, к которому они привыкли, и добавил одну в свой дом так, как они тоже привыкли. Македонцы роптали по поводу его восточной одежды и манер, но в душе Александр всегда был греком, строки Гомера всегда звучали в его ушах, и он воображал себя реинкарнацией Ахилла, преследующего своих фригийских гекторов по пыльным равнинам Трои. Без сомнения, он был безумцем, отправившись так далеко через эти изнуряющие пустыни в Туркестан, через эти ужасные ущелья Гиндукуша. Только мятеж его армии заставил его повернуть назад, когда он достиг самой дальней из Пяти рек Пенджаба. А потом было безумием вести свою армию домой по пылающим берегам Персидского залива. Этот опыт, по-видимому, преподал ему урок, который он вполне мог усвоить раньше, а именно ценность морской мощи для завоевателей и строителей империй. Когда он умер, он планировал морскую экспедицию вдоль берегов Африки. Недовольство Афин лишило его флота, который должен был принадлежать панэллинской армии, и Александр был вынужден уничтожить персидский флот путем осады его арсенала и главной квартиры, островного города Тир. Несомненно, у большинства завоевателей есть налет безумия. Самый здравомыслящий из них - Юлий Цезарь, а самый безумный - Карл XII. Но у Александра Македонского были периоды просветления, когда он проявлял непревзойденную государственную мудрость. Именно в этом отношении он отличается от вульгарного типа авантюриста и стоит среди цивилизованных завоевателей, таких как Вильгельм Нормандский с его Книгой Страшного суда, Наполеон с его Кодексом и Юлий Цезарь с его Юлианскими законами и его календарем. Эта интеллектуальная гибкость была отличительной чертой греческого образования Александра, хотя до сих пор остается трудным проследить в его карьере влияние Аристотеля, его наставника.

После его смерти в Вавилоне в 323 году вся империя развалилась на куски. Он неразумно разделил свои армии ветеранов между различными генералами, и каждый из них утвердился в качестве монарха огромной территории. Большинство из них, естественно, желали подражать своему хозяину и сохранить для себя как можно большую часть его империи. В результате запутанной борьбы следующего поколения постепенно возникли три великих царства: Македония, воинственная и беспокойная при различных недолговечных династиях, Азия, огромная и богатая при династии Селевкидов, и Египет при древней династии Птолемеев. Все эти царства были в основном греческими. В сельской местности, без сомнения, сохранялись восточная жизнь и язык, но в городах и для целей управления и язык, и цивилизация были греческими. Таким образом, Александр выполнил свою работу. Фактически он присоединил к греческому миру всю Малую Азию, Финикию и Египет. Любопытные следы эллинизма обнаружены даже в далекой Индии.

В этом мире "Преемников", как их называют, древние государства Греции не так уж малы. Родос продолжал оставаться свободным, богатым и счастливым. Афины, как я уже отмечал, время от времени подвергались угнетению, а иногда и порабощению македонскими правителями на севере, но по большей части они продолжали оставаться свободной демократией, ведя свои

дела так же яростно, как и прежде, хотя теперь, конечно, как держава второго сорта. Спарта стояла угрюмо в стороне, не вступая ни в какие конфедерации,

Табличка LXXXIII. “САРКОФАГ АЛЕКСАНДРА” Из СИДОНА: ОХОТА НА ЛЬВОВ

Seban & Joaillier

но население ужасно сократилось. Я упоминал о ее примечательных экспериментах по проведению реформ в третьем веке при Агисе и Клеомене. Это закончилось сокрушительным поражением при Селласии от Ахейского союза и македонян. Такие города, как Аргос и Коринф, сохранили свои свободы, присоединившись к Лигам. Эпир был новой державой, достигшей славы тем же путем, что и Македония, при предприимчивом царе по имени Пирр. К сожалению, он повернул на запад, а не на восток, в поисках миров для завоевания, и там встретил другую восходящую силу - расу настоящих солдат, которые быстро расправлялись с греческой фалангой, даже при поддержке тяжелой кавалерии в виде индийских слонов. Именно эти римляне, когда они в свое время нанесли ответный визит, поставили “Точку” в этой главе греческой истории и сами взялись за написание следующей.

Александр в искусстве

Содержание

У нас есть множество произведений искусства, изображающих Александра Македонского, и поскольку он, как говорят, предоставил скульптору Лисиппу исключительное право изображать свой царственный облик и поручил Апеллесу стать его царским художником, мы можем предположить, что большинство портретов восходит к оригиналу одного из этих художников. У нас есть достаточно описаний картин Апеллеса, чтобы показать, что он обращался со своей моделью со всей подобострастностью придворного живописца. Там был Александр в облике

Зевса, владеющий молнией, Александр в компании Ники и Небесных Близнецов, Александр, торжествующий бог войны, Александр верхом на Буцефале. Единственная реликвия, которая может дать нам представление об обращении с подобными сюжетами в изобразительном искусстве, - это очень красивый мозаичный пол в Помпеях.^[107] На ней изображен завоеватель, бросающийся с непокрытой головой в наступление персидских телохранителей при Иссе, своей величайшей победе. Вы видите Дария в его восточной “митре”, встревоженного и испуганного, только что выводящего свою колесницу из боя. Сцена представлена с большим чувством, и лицо Александра, к счастью, сохранено. Особенно точно изображены лошади. Поскольку часть мозаики изображает сцену Нила с крокодилами, ибисами, змеями и гиппопотамом, мы должны сделать вывод, что оригинальная картина была сделана в Александрии.

Та же сцена с большей яркостью изображена на знаменитом саркофаге из Сидона. По одну сторону от него Александр и Парменион сражаются с персами при Иссе, а по другую - охотятся на львов.^[108] Немногие произведения искусства могут сравниться с этим памятником по великолепию или историческому интересу. Это особенно интересно в истории искусства, потому что дает нам лучший пример применения цвета к скульптуре и полностью оправдывает этот процесс.^[109] Здесь также представлены прекрасные образцы греческой лепнины и узоров. Материал - пентелический мрамор, привезенный из Афин. Этот саркофаг сейчас находится в музее в Константинополе.

Из множества бюстов и голов Александра ни один не дает нам очень благоприятного примера работы Лисиппа. Так называемый Умиравший Александр ужасно напряжен и эмоционален. Голова в Британском музее, однако, вероятно, ближе к оригиналу, хотя очень короткая верхняя губа и тяжелая челюсть делают ее довольно неприятным портретом.^[110] Нам говорят, что одному Лисиппу было разрешено создавать портреты Александра, потому что “другие, желавшие изобразить изгиб его шеи и эмоциональный взгляд его глаз, не смогли передать его мужественный и львиный облик”. Следует отметить, что Лисипп создал знаменитую группу, изображающую охоту Александра, и еще одну - конный отряд Александра, так что константинопольские рельефы могут восходить к лисипповым оригиналам.

Александр Македонский. С монеты Фракии

Александр даже при его жизни поклонялись как богу. Среди прочих божественных притязаний он утверждал, что является сыном Аммона. В этом образе он изображен с бараньими рогами этого египетского божества на монете Фракии, отлитой Лисимахом, одним из его военачальников и преемников.

Рисунок 84. ЧАСТЬ ВОСТОЧНОГО ФРИЗА САРКОФАГА АЛЕКСАНДРА.

Александр был первым из смертных, чей портрет был изображен на греческих монетах, и только благодаря оказанным ему божественным почестям это позволено даже завоевателю мира. Многие из более поздних королей последовали его примеру, и портреты на монетах теперь стали обычным явлением.

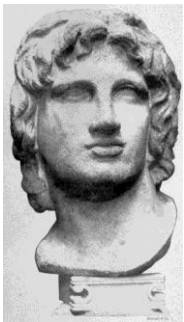
Александрия

Содержание

Изучая раннюю цивилизацию Европы, то есть историю средиземноморских полуостровов, не следует забывать, что в экономическом плане Египет является ключом ко всему положению дел. По природным ресурсам это, безусловно, самая богатая страна в этом регионе. Однако до сих пор она была отрезана от остального мира своей собственной цивилизацией и религией, хотя греки время от времени заимствовали у нее идеи, а иногда вмешивались в ее исторический ход. Теперь Александр дает ему греческое правительство и греческую столицу. Чтобы сокрушить финикийский флот, который был главной морской поддержкой Персидской империи, он был вынужден разрушить город Тир. Но это был не просто стратегический ход. Он намеревался, чтобы торговля и морская мощь Леванта отныне находились в руках Греции. Он блестяще преуспел в достижении своей цели. Финикия сошла с исторической сцены и выжила только в своей великой колонии Карфагене.

Город Александрия был построен по математическому плану греческими архитекторами. Его положение в дельте Нила было чрезвычайно благоприятным для торговли, особенно потому, что трудное судоходство по его водам было смягчено строительством огромного маяка, одного из Семи чудес света. При разделе империи Египту посчастливилось выпасть на долю Птолемея, мудрого и просвещенного правителя, как и большинству его потомков с тем же именем. Все они проводили политику торговли и мирной экспансии. Между Александрией, Родосом, Пергамом, Афинами и Сиракузами было оживленное транспортное сообщение, и Александрия превратилась в величайший город мира. Он был в высшей степени греческим, но с примесью ориентализма, характерного для его окружения.

Наряду с торговлей Птолемеи культивировали литературу, основав своего рода университет или колледж под названием Музей. Оно состояло из храма Муз, комнат для его членов, общей столовой, уединенных прогулок для учителя-странника и, прежде всего, великолепной библиотеки, ради которой египетские цари стремились собрать все книги в мире. В третьем веке здесь было собрано полмиллиона рукописей. Главный библиотекарь был хозяином всего учреждения, которое было скорее местом исследований и литературного производства, чем образования. В то же время Птолемей взял за правило привлекать к своему двору всех выдающихся литераторов греческого мира. Нельзя отрицать, что александрийская культура была богатой и энергичной. Были достигнуты большие успехи в естественных науках и математике, были изобретены новые и многообещающие формы литературы, но в то же время уединенная атмосфера музея, как это неизбежно бывает в университетских учреждениях, приводила к довольно холодному и академическому типу работы. В Александрии, например, появились первые критики и первые литературоведы, в задачу которых входило главным образом разъяснение и комментирование произведений Гомера. Один из этих ученых изобрел греческую систему придыханий и ударений, чтобы облегчить чтение стихов. Самым известным из них был Аристарх, Отец Критики. В области естественных наук и математики мы должны упомянуть нашего старого друга Евклида, который до позавчерашнего дня царил в сердцах школьников. Здесь работал Архимед, великий инженер и основоположник механики, статики и динамики. Его исследования в этих направлениях оставались непревзойденными вплоть до семнадцатого века *anno Domini*. Рассказывают удивительные истории о его изобретениях и о его рассеянности. Однажды, когда он заходил в ванну, льющаяся через край вода дала ему ценную научную подсказку. Он был так доволен, что забыл одеться, но побежал домой по улицам, крича: “Эврика! Неureka!” В Александрии тоже жил Эратосфен, который первым измерил окружность земли и разработал систему хронологии истории.

Табличка LXXXV. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Мэнселл и Ко.

В Музее было много других историков с меньшей репутацией.

В поэзии Александрия связана с некоторыми важными событиями, главным образом с литературным возрождением древних обычаев. Таким образом, Аполлоний Родосец попытался возродить эпос и написал длинную поэму гекзаметром об аргонавтической экспедиции Ясона. Она, конечно, довольно холодна и формальна, ей далеко до Гомера, но она имеет значительные заслуги в области поэзии. Александрия возродила также элегическое двустишие, главным образом для коротких эпиграмм, некоторые из которых по красоте и колориту напоминают греческие драгоценные камни. В качестве примера мы можем привести эпигramму Каллимаха, из которой я взял двустишие в начале своего Введения и которая была так очаровательно переведена Уильямом Джонсоном Кори. Я процитирую еще одну элегическую эпигramму Мелеагра, чтобы показать, насколько современной по тону и тематике стала эта изысканная лирика в первом веке до нашей эры:

“Бедное глупое сердце, я кричал "Берегись",
Я поклялся, что ты будешь схвачен,
Так нежно парящий в ловушке,
Охваченный своей ложной любовью.

- Воскликнул я, и ты, наконец, пойман,
Тщетно бьешься в сетях.
Сам Господь Любовь крепко связал тебя
И запутал твои шестерни в своих кольцах.

“И он поджег тебя в своем огне,
погрузил твою теряющую сознание душу в наркотики,
В удушающие ароматы желаний,
В обжигающие слезы, чтобы утолить твою жажду”.

Пока это в основном записи о возрождениях, но в лице Феокрита, который, хотя и был сицилийцем по происхождению, большую часть своей активной карьеры провел в Александрии, мы имеем изобретателя новой и наиболее важной отрасли литературы. При нем пасторальная поэзия была свежим и подлинным творением. Его идиллии - это, как следует из их названия, серия эпизодических картин о жизни пастухов на Сицилии. Мы не нашли здесь места, чтобы говорить о более поздних событиях истории Сицилии, которая в IV и III веках вновь стала полем ожесточенной битвы между карфагенскими захватчиками и умными сиракузскими тиранами, такими как Дионисий и Агафокл. Странно думать, что прекрасная деревенская жизнь, изображенная Феокритом, могла существовать среди холмов и долин Сицилии, несмотря на все потрясения истории. Мистер Эндрю Лэнг полностью оправдал Феокрита от обвинения в искусственности, указав, что пастухи современной Греции поют языком изысканной и страстной поэзии, которая является совершенно естественной и спонтанной. Большая часть Идиллий звучит как цитаты из таких песен Природы. Феокрит был, конечно, источником той пасторальной условности, которая породила так много искусственного в

искусстве и литературе среди большей части высшей красоты. Мы сразу вспоминаем Вергилия, Спенсера, Сиднея, Мильтона, Ватто и дрезденскую пастушку. Феокрит - литературный отец всего этого. В его знаменитой "Пятнадцатой идиллии", в которой с изысканным юмором описывается беседа пары сицилийских дам, направляющихся на фестиваль Адониса в Александрию, мы имеем зачатки другой литературной формы — пантомимы. Это рудиментарный стиль драмы, который стремится изобразить небольшие жанровые сцены из жизни без попытки создания сюжета. Геронд с Коса был главным мастером этого искусства.

Двумя учениками Феокрита были Бион и Мосх, оба выдающиеся элегические поэты. "Панихида по Дафнису" Биона и "Плач по Биону" Мосха послужили прообразом для "Плача по Дафнису" Вергилия, "Ликиды" Мильтона, "Адонаиса" Шелли и "Тирсиса" Мэтью Арнольда.

Афины и их философы

Содержание

Таким образом, в Александрии эллинский гений был столь же плодотворен, как и прежде. Но там он рос под стеклом и не был чисто западной культурой. Мы должны думать о греческих птолемеех, потомках македонских полководцев, которые, с одной стороны, писали греческую поэзию и приглашали греческих ученых критиковать ее, но, с другой стороны, принимали дань уважения и

Плита 86. Рельеф из Пергама.

В. Титзенталер, Фото. Берлин, W.

преклонение перед восточными властителями и фактическая женитьба на их сестрах по обычаю фараонов. В Египте Отец Зевс завладел рогами Амон-Ра и стал Зевсом Амоном. Афродита, богиня, рожденная из пены, снова приняла свою восточную природу и соединилась с юным Адонисом в странном и похотливом восточном ритуале. Адонис не был греческим юношей, а мистическим олицетворением весны, и его почитатели рвали на себе волосы и оплакивали его с таким же неистовством, с каким жрецы Кармила резали себя ножами в честь Ваала. По всей Малой Азии эллинизму приходилось смешиваться с азиатскими элементами, теряя при соприкосновении всю свою утонченную строгость и милую рассудительность. Так зародилось поклонение Кибеле, Великой Матери Востока, с ужасными мистериями, совершаемыми евнухами-жрецами. Даже скульптура, которой богатые Атталиды украсили свой великий алтарь Зевса в Пергаме, хотя и греческая по сюжету и исполнению, отличается почти азиатской роскошью и чувственной красотой.^[111] Страсть и усилие заменяют спокойствие и

достоинство, как это происходит в новых азиатских школах ораторского искусства. Яростный штурм Александром ворот, отделяющих Восток от Запада, породил странный гибрид во многих городах Восточной Греции.

Но в некоторых кругах чистый греческий дух все еще создавал прекрасные и разумные произведения как в искусстве, так и в литературе. Мне кажется невозможным думать о вырождении в связи с Афродитой Мелосской, известной широкой публике как Венера Милосская.^[112] Если она обладает очарованием и обходительностью Праксителя, то она обладает достоинством и широтой Фидия. Если не следовать педантам, которые придают какое-то значение расположению ее драпировок, в ее облике нет ни малейшей черты вульгарности. Без сомнения, если бы у нас была оригинальная Дама Книдоса, мы бы знали лучше, но в настоящее время эта великолепная статуя по праву считается воплощением женской красоты в скульптуре. И все же все археологические свидетельства доказывают, что ее автор жил в самом конце второго века в азиатском городе Антиохия, на Меандре. Она была найдена в пещере на маленьком острове Мелос, спрятанная там бог знает каким набожным прихожанином или перепуганным пиратом? На самом деле она окружена тайной. Никому не удалось восстановить ее отсутствующие руки, хотя, безусловно, наиболее правдоподобной теорией является та, которая заставляет ее держать щит вместо зеркала таким же образом, как при Победе при Брешии. Никто не нашел в греческой скульптуре ничего другого, что могло бы принадлежать тому же художнику или даже к тому же этапу искусства. Я называю ее здесь только для того, чтобы доказать, что вы не можете полностью закрыть историю греческого искусства Праксителем или любыми другими известными скульпторами, видя, что неназванный художник, живший двумя столетиями позже, мог создать статую того же уровня совершенства.

Одной из самых интересных фигур среди воинов, последовавших за Александром, был Деметрий, Осаждавший города, получивший свой титул в результате знаменитой, но безуспешной осады Родоса. Он завоевал Македонское царство и поработил Афины. В ознаменование морской победы, одержанной им в 306 году до н.э., он установил в Самофракии замечательную статую Победы, стоящую на носу военного корабля.^[113] Ее крылья распростерты, ее одеяние развевается ветром, она сама жизнь и движение. Наряду с Венерой Милосской она является главным украшением скульптурных галерей Лувра. Читателю следует сравнить ее с более ранней скульптурой Пеония. Он увидит, что ее драпировка намного богаче, а концепция в целом гораздо более сенсационна. Обе статуи очень красивы, но человек с чистым вкусом, вероятно, предпочтет более раннюю.

За все это время в дорогом городе Паллада не произошло никаких существенных изменений. Она потеряла большую часть своих колоний и морских владений, а во внешней политике была всего лишь пешкой в руках македонских и египетских царей. Но по большей части она оставалась свободной демократией, управляемой своим свободным Собранием. Пейрей по-прежнему оставался важным торговым центром. Интеллектуально Афины по-прежнему правили миром не только благодаря своим прошлым достижениям, но и благодаря продолжающемуся превосходству своих философов. Ее главный литературный продукт

Табличка LXXXVII. АФРОДИТА МЕЛОССКАЯ [ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

Алинари]

в те дни была поставлена Новая комедия о Менандре и его школе. Творчеством Менандра полностью завладели римские поэты Плавт и Теренций, которые сделали немногим больше, чем перевели его комедии на латынь, а иногда объединили две из них в одну пьесу - процесс, известный под вполне уместным техническим названием “контаминация”. От римских комедиантов они перешли почти непосредственно к елизаветинской эпохе, так что в истории драмы Шекспира “Мера за меру” начинается почти с того места, на котором остановился Менандр. Следует признать, что недавно обнаруженные большие фрагменты Менандра не повышают нашу оценку этого драматурга.

Если мы обратимся теперь к философии, то обнаружим, что великое имя Аристотеля затмевает все остальное.^[114] Если у нас есть истинное чувство исторической пропорции, мы, вероятно, признаем, что слова Аристотеля покорили мир в гораздо более истинном смысле, чем копия его великого ученика. Ибо Аристотель - отец индуктивного метода, святой покровитель всех тех, кто наблюдает и проверяет факты, чтобы открыть законы, управляющие ими. Он родился в Стагире, во Фракии, но приехал в Афины, чтобы стать учеником в Академии, той приятной оливковой роще, где Платон был мастером. Двадцать лет он провел таким образом в учебе, а затем Филипп поручил ему обучать Александра и других знатных юношей Македонии. Как только эта задача была выполнена, он вернулся в Афины и там основал свою знаменитую перипатетическую философскую школу, названную так потому, что его лекции читались на тенистых аллеях, окружавших Лицей. Утром он обсуждал сложные вопросы с узким кругом адептов, а прохладным вечером читал отточенные лекции более широкому кругу. Слава о его учении распространилась по всему миру, и все самые способные умы Греции собрались, чтобы послушать его. Всю свою жизнь он получал самую щедрую поддержку от Александра, который взял за правило собирать диких животных со всех сторон, чтобы обогатить свои зоологические исследования. Отношение монарха к образованию разительно отличалось от поведения афинской демократии. Какой-то жалкий иерофант возбудил против Аристотеля судебное преследование за нечестие, точно так же, как они это сделали против Сократа, и вынудил его удалиться из Афин на последние годы своей жизни.

Аристотель взял все знания в свою компетенцию и приступил к нанесению их на карту для дальнейшего исследования. Здесь невозможно даже перечислить все его дошедшие до нас сочинения, и это лишь малая часть того, что он написал. Что касается научного метода, то он писал о логике и диалектике, и здесь он был первооткрывателем силлогизма и различал

индуктивный и дедуктивный методы рассуждения. Для литературы он проанализировал поэзию и риторику, установив принципы, которым были вынуждены следовать все последующие критики. В своей Этике он определяет природу добродетели в истинно эллинском смысле. Добродетели - это среднее между двумя пороками. Таким образом, щедрость - это добродетель, крайностями которой являются расточительность и бережливость; мужество - это среднее между безрассудством и трусостью. В области естествознания он написал первый трактат по зоологии, в котором перечислил около 500 различных видов. Впервые в мировой истории люди сочли нужным понаблюдать за окружающим миром. Большая часть этой научной работы была недоступна человечеству и оставалась таковой в течение двух тысяч лет. Римляне изучали его, но едва ли продвинулись ни на шаг. В Темные века Европа потеряла даже возможность следовать за ним, и большая часть его учения была заимствована у мудрецов Аравии. Средневековые схоласты довольствовались сокращенными переводами своих научных знаний. Только в пятнадцатом и шестнадцатом веках Европа снова обрела возможность изучать и понимать его. В семнадцатом и восемнадцатом годах такие люди, как Бэкон и Ньютон, начали делать некоторые успехи. Даже сейчас он является нашим мастером в Логике, в Критике и, прежде всего, в политике.

Платон рассматривал политическую науку в трех великих диалогах, величайшим из которых является "Республика". Предполагаемая цель этой работы - определить природу справедливости, и для этого Сократ и его друзья намеревались построить

Таблица LXXXVIII. ПОБЕДА САМОФРАКИИ

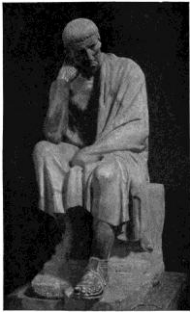
Алинари

Идеальная Республика. Еще до того, как они зашли очень далеко, становится очевидным, и это действительно признается, что такое состояние, которое они представляют, не может существовать на земле, хотя оно может быть создано на небесах для примера. Это небольшой греческий город-государство. Платон различает три элемента в каждом государстве: производителей, воинов и мыслящий элемент. Из них он выделяет три жестких класса, хотя образование, на важности которого повсюду настаивает Платон, должно обеспечивать средства роста для всех. Музыка и гимнастика являются двойной основой платоновского образования. Думающая часть общества должна иметь единственное право на управление. Они должны жить простой коммунистической жизнью, скорее как знать Спарты, но без своей военной активности. Чтобы ничто не могло нарушить их абсолютного единства, Платон предписывает, чтобы жены и дети были общими, так же как и все имущество. Эти странные доктрины привели к тому, что Платона считают отцом социализма, но следует отметить, что у

Платона коммунизм пропагандируется только для ограниченного круга аристократов и что он основан не на экономических соображениях, а на этике в духе аскетизма. В более позднем диалоге Платон с сожалением признает, что законы необходимы государству, видя, что вы не можете удержать своих философов на троне, когда они у вас там есть. Это признание может быть вызвано неспособностью Платона реализовать свои идеалы на практике. У него был исключительный шанс. Он был приглашен в Сиракузы, чтобы сформировать характер и политику молодого тирана Дионисия II. Он утверждал, что бесполезно предлагать идеальную систему правления молодому человеку, который недостаточно образован, чтобы оценить ее. Поэтому он решил начать с образования принца и начал его с геометрии. О проблеме можно легко догадаться.

Аристотель подходил к политике с более практической точки зрения. Верный своему индуктивному методу, он сначала собрал сведения обо всех существующих формах правления в греческом мире, которых насчитывается более сотни. К сожалению, недавно обнаруженное “Афинское государство” - единственный сохранившийся пример. Затем в своем великом трактате под названием “Политика” он попытался критиковать практическую государственную мудрость с научной точки зрения и, в свою очередь, также сконструировал нечто вроде идеального государства. Для него, как и для всех греческих мыслителей, политика была всего лишь разделом этики. Государство возникло для того, чтобы дать людям возможность жить; оно существует для того, чтобы дать людям возможность жить хорошо. Следовательно, цель государственного деятеля состоит в том, чтобы поставить во главе дел нужных людей, а это означает Аристократию. Рассматривая все греческое общество с точки зрения философа, он считал всех тех, чье экономическое положение требовало, чтобы они были в основном заинтересованы в получении средств к существованию, слишком озабоченными низменными заботами, чтобы обладать политической добродетелью или быть пригодными для управления. Следовательно, его правящий класс обязательно является классом богатых, как это было у Платона, хотя ни один философ не признал бы богатство единственным или даже главным критерием. Аристотель также рассматривает монархию как хорошую форму правления, если вы могли бы гарантировать, что монарх должен быть лучше людей, которыми он управляет, и должен править в их интересах, а не в своих собственных. Существует также хорошая форма Республики или Свободной Конституции, при которой все граждане по очереди занимают свои посты. Но каждая из этих трех разумных форм правления таит в себе особую опасность — аристократия вырождается в олигархию, когда немногие правят ради собственной выгоды, Монархия - в тиранию, а Свободная Конституция - в демократию.

Во всех его произведениях очевидно, что он считает афинское правительство плохим, но мы должны помнить, что он видел его только в период упадка. Наиболее ценной частью его учения является то, что он определяет государство как партнерство не во всем, а только в том, что касается его *telos* — хорошей жизни. Кроме того, она состоит не из отдельных лиц, а из более мелких партнерств, таких как семья. Именно на этом основании он критикует доктрину коммунизма. Поскольку вся цель политической жизни состоит в обеспечении нравственной полноты, очевидно, что гражданин не отдает все свое существо государству. Таким образом, оба философа сходны в том, что отвергают притязания рабочего класса, который, не следует забывать, в значительной степени

Табличка LXXXIX. СТАТУЯ АРИСТОТЕЛЯ

Андерсон

состоял из рабов. Следовательно, оба являются аристократами. Оба рассматривают государство как существующее для достижения моральных, а не экономических целей. Оба считают законы и конституцию чем-то священным и явно недоступным для граждан. Ни один из них не задумывался о политическом прогрессе, который, на самом деле, является идеей очень современного происхождения. Таков был философский идеал города-государства, в чем-то лучшего, а в чем-то хуже нашего.

После Аристотеля греческие политические мыслители подхватили и развили оброненные им намеки на Смешанную конституцию, в которой три элемента - монархический, аристократический и демократический - должны быть тонко смешаны, как это было в Спарте и Риме.

В Афинах возникли другие философские школы, которые благодаря своему более существенному влиянию на жизнь и поступки обычных людей не менее важны в истории человеческой цивилизации. Зенон основал в афинской Стоа Пойкиле стоическую философию, а Эпикур преподавал доктрины, носящие его имя, в то самое время, когда Аристотель читал лекции в Лицее, а преемник Платона - в Академии. Оба были в основном озабочены правилами правильного поведения в жизни. Стоики учили, что мудрость и добродетель являются истинной целью человека. Добродетель состоит в том, чтобы жить в соответствии с Природой, и делом мудрого человека становится обнаружение того, что существенно, и отличие этого от того, что просто случайно и эфемерно. Удовольствие, похвала, даже сама жизнь относятся к числу случайных вещей. В своих лучших проявлениях стоицизм очень строго настаивал на долге и презрении к боли и смерти. Таким образом, она ухватила за все, что было самого благородного в римском характере, и воздвигла при Империи ряд мучеников, которые одни противостояли тиранам, потому что не боялись смерти. В устах Марка Аврелия и Эпиктета оно приближается к возвышенному. Проникая сквозь азиатский темперамент и смешиваясь по ходу дела с высшим учением фарисейства, оно во многом сформировало философию некоего еврея из Тарса, а через него оказало жизненно важное влияние на христианство. В другой сфере его настойчивость в отношении Естественного права принесла плоды в римской юриспруденции и лежит в основе всех правовых систем Европы.

Эпикур, с другой стороны, считал удовольствие целью жизни, не просто телесное удовольствие, с которым ассоциируется его имя, но то, что в сумме своих моментов формирует то, что мы называем счастьем. Для счастья было необходимо, чтобы люди отбросили все унижительные

страхи, порожденные суевериями, и знали, что боги — если они действительно существуют — слишком заняты наслаждением небесным счастьем, чтобы снисходить до наказания и огорчения смертных у них под ногами. Итак, эпикурейцы приняли материальную теорию, во многом благодаря Демокриту, которая объясняла вселенную на атомарных принципах. Смерть была всего лишь разделением тела и души на их изначальные атомы. Менее благородные умы среди них, несомненно, учили максиме “Давайте есть и пить, ибо завтра мы умираем”, но для такого ума, как у римского поэта Лукреция эпикуреизм - это прекрасная и возвышенная вещь с ее бесстрашным духом исследования и горьким презрением к суевериям.

Мы должны упомянуть также киников, главным учителем которых был Диоген, поскольку они прививали презрение к удовольствиям и аскетизм, которые заставляли некоторых из них вести отшельнический образ жизни или, подобно нищенствующим монахам, не носить ни посоха, ни сумы и не заботиться о своей одежде. Излишне говорить, что цинизм так и не стал популярной доктриной.

Таким образом, очевидно, что интеллектуальная жизнь в Афинах в третьем веке все еще была в полном расцвете. Но уже тогда было заметно ослабление. Эти греки все еще могли мыслить ясно, даже благородно, но только после того, как они обратили в свою веру римлян, благородные мысли смогли воплотиться в благородные действия. Что же касается греков, то их неугомонный язык и тонкий ум увлекли их к логическим изощрениям и детской любви к парадоксам. Был день, когда Афины отправили в Рим посольство из трех глав своих главных философских школ. Их блестящие выступления очаровывали и изумляли простых римлян. Карнеад доказал, что добродетель выгодна, и римляне были в восторге. На следующий день он доказал, что это невыгодно, и римляне были поражены. Однако Катон, самый истинный римлянин из всех, считал, что Риму было бы лучше без таких блестящих гостей. И, вероятно, он был прав.

VII

ЭПИЛОГ

Содержание

ἡ πόλις ἡμῶν ... τὸ τῶν Ἑλλήνων ὄνομα πεποίηκε
μηκέτι τοῦ γένους ἀλλὰ τῆς διανοίας δοκεῖν εἶναι.
Исократ.

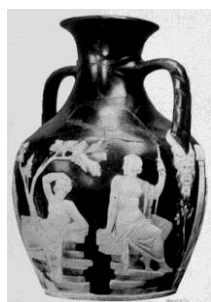
Согласно Исократу, плодом деятельности Афин стало то, что Эллада перестала быть географическим выражением и стала определением интеллектуальной точки зрения. В этом самом истинном смысле греческая история не может закончиться. Она распадается на главы, которые будут продолжены, как только человек снова начнет думать. Всякий, кто с самого начала своего действия уже предвидит его конечный результат и с искренней простотой применяет к нему свои средства, всякий, кто знает, что гордыня и тщеславное хвастовство непременно повлекут за собой свое собственное наказание, из какой бы страны или века он ни

происходил, он грек. В этом смысле мы не можем закрыть греческую историю. Греция, как сказал Ювенал в очень избитой фразе, победила римлян, своего завоевателя-варвара, и римляне взяли на себя миссию распространения эллинизма на Запад. История римской цивилизации начинается только во втором веке, когда Рим впервые вступил в контакт с Грецией. В другом месте, я надеюсь, мы увидим, как после этого греческая культура проникла во все в Риме, снабдила его искусством и литературой, обучила философии, наложила отпечаток на ее родную религию и почти уничтожила ее, и даже написала ее историю. Потеряв Элладу, Европа погрузилась в вековую тьму: обретя ее, европейские народы снова начали думать. Шекспира мы прослеживаем через латинян к Менандру, Мильтона через Вергилия к Гомеру и Феокриту, Бэкона к Аристотелю, сэра Томаса Мора к Платону и так далее с другими. Так что каждый, кто сегодня читает книги или увлекается искусством в Европе, косвенно заимствует у Греции.

Более того, совершенно очевидно, что Греция не перестала существовать как географическое выражение. Чем больше мы изучаем современную Грецию, тем больше убеждаемся, что эллинская раса ни в коем случае не вымерла. Греция, это правда, была завоевана римлянами в 146 году до н.э. Они были вынуждены частично из-за агрессии Пирра, а частично из-за расширения своей собственной империи предпринять какие-то действия в Восточном Средиземноморье. Там они почувствовали себя физически как мужчины среди детей, интеллектуально как дети среди мужчин. Нет ничего более поразительного, чем почти благоговейный дух, с которым римские солдаты впервые передвигались по старым городам Греции. Но греки были невозможными соседями, и в конце концов, после бесконечной снисходительности, римляне были вынуждены своим мужским чувством порядка взять на себя ответственность за контроль над Грецией. Коринф был разрушен в качестве предупреждения, Македония стала провинцией. Но такие города, как Афины и Спарта, были предоставлены самим себе, хотя, конечно, их внешняя политика находилась под контролем Рима. Афины все еще продолжали говорить, писать и преподавать. Она стала своего рода университетским городом, в который знатных римлян отправляли на учебу. Даже когда Ахайя была включена в список римских провинций во времена Августа, это не означало, что Афины перестали быть свободным городом. Во времена Империи более культурные императоры, такие как Нерон и Адриан, любили проводить время в Греции, пытаясь приобщиться к ее интеллектуальному престижу. Итак, мы имеем Нерона, выступающего на Олимпийских играх, и Адриана, перестраивающего большую часть Афин. Именно Адриан попытался достроить гигантский храм Зевса Олимпийского, начатый Пейсистратом. Афинские философские школы продолжали привлекать незнакомцев со всех концов света, пока христианство не начало видеть своего злейшего врага в стоиках, которые проповедовали многие из его доктрин. Юлиан Отступник на мгновение задумался о возрождении греческой философии, чтобы победить христианство, позаимствовав многие из его доктрин, но в конце концов указ Юстиниана закрыл афинские философские школы в 529 году нашей эры. Тем временем тучи варваров-захватчиков постоянно проходили над землей. Готы разорили Грецию при Аларихе. Славяне завоевали и заселили большую его часть, в конечном счете существенно не изменив ее национальности. Ее завоевали норманнские захватчики, и незадолго до нашего собственного завоевания Гарольд Хардрада с триумфом вошел в Афины. Затем пришли латинские крестоносцы и венецианцы. На протяжении всего тринадцатого и четырнадцатого веков в Афинах правили франкские герцоги. В 1456 году халиф Омар завоевал ее, и с тех пор, после временного периода венецианского триумфа, турки жестоко правили Грецией вплоть до славной войны за независимость, в которой

лорд Байрон сыграл роль пророка и воина. В 1830 году Греция была объявлена независимым королевством, и вскоре после этого у нее появился молодой европейский король из Баварии. Эксперимент не увенчался успехом. Грекам удалось избавиться от одного короля, и Европа услужливо предоставила другого из своего неисчерпаемого запаса младших сыновей. И все же постель греческого короля - это не совсем ложе из роз. В 1897 году маленькое королевство ввязалось в войну со своим большим соседом, Турцией, для которой у нее не хватало ресурсов и организации. Ее фланги были повернуты, ее армии наголову разбиты, и она потеряла большую часть того авторитета, который завоевала в войне за независимость. Но ее истинной стихией по-прежнему, как и в древние времена, является море.

Мы уже видели, что греческое искусство все еще время от времени создает шедевры вплоть до имперских времен. С литературой это еще более верно. Долгое время после того, как с лучшими образцами римской литературы было покончено, Греция продолжала выпускать новые произведения. Греческий роман, например, "Лукиан и Гелиодор" - это нечто совершенно новое и имеющее огромное значение в истории литературы. Биографии Плутарха - это новое направление, как и путеводители таких писателей, как Павсаний.

Тарелка ХС. ПОРТЛЕНДСКАЯ ВАЗА

Мэнселл и Ко.

Случай с Лукианом, в частности, показывает, что сириец второго века нашей эры мог писать на чистом аттическом греческом. В нем мы имеем прототип Свифта и Стерна, блестящего насмешника и творческого гения. Вместе с ним умерла, смеясь, греческая литература.

Остается только бросить взгляд на упадок греческого искусства и увидеть, какую форму оно приняло. Римляне, когда они грабили Коринф, перевезли огромное количество награбленного в Рим, и у богатых сенаторов быстро возник вкус к греческому искусству. Чтобы удовлетворить их вкусы, за работу взялись греческие художники. С некоторыми из их работ в виде портретов мы еще встретимся, когда будем иметь дело с Римом. Греческие архитекторы также разработали греко-римский стиль, в котором они сочетали, иногда с самыми удачными результатами, массивную римскую мощь с греческой элегантностью и изяществом. В мелких ремеслах, таких как гравировка по драгоценным камням, греческие художники продолжали создавать изысканные изделия для римского рынка. Знаменитая Портлендская ваза - хороший пример такого рода работ.^[115] Хотя материал - стекло, это подлинная камео-гравировка, и, должно быть, она потребовала бесконечного труда. Материал вазы состоял из двух слоев стекла, белого поверх темно-синего, а затем белый цвет был отшлифован вручную, чтобы оставить рисунок белым на синем фоне - схема декора, с большим успехом воспроизведенная художниками

Веджвуда. Одна из трагедий Британского музея заключается в том, что это бесценное сокровище было разбито на куски безумным посетителем. Однако его отремонтировали с большим мастерством. В греческих городах Южной Италии, где вкус покровителей оставался греческим, мы находим сохранившиеся, как, например, в Помпеях и Геркулануме, произведения насквозь греческие во всех отраслях искусства, созданные в разное время вплоть до первого века нашей эры. Учитывая хороший вкус покровителя, греческие художники не утратили способностей к изобразительному искусству.

Но у каждой национальной добродетели есть свой характерный недостаток, который всплывет на поверхность, как только будет устранен стимул национального самоуважения. Сильная порода завоевателей склонна к

Группа Лаокоон

становится жестоким и порочным, когда теряет способность побеждать. Чувствительный, артистичный народ в последние дни склонен к чувственности и слабости. Индустриальная

коммерческая гонка вырождается в грязную жадность. Вот почему потеря национальной гордости является такой серьезной потерей в истории. Характерной добродетелью греков было, как мы видели, их гибкое развитие интеллекта, их

Табличка ХСІ. БЫК ФАРНЕЗЕ

Броги

приспособляемость к окружающей среде. Это привело к тому, что в дни своего упадка они с готовностью опустились до положения льстецов и паразитов. Мы находим этого персонажа связанным с “Голодным греком” времен Ювенала. В истории мы встречаем его как приспешника аристократии или коварное орудие императоров. Римляне начинали как мужественная раса воинов, а закончили как жестокие обжоры с жаждой сенсаций, которые греки были только рады удовлетворить. Отсюда мы получаем греко-римское искусство в худшем смысле этого слова, убогий материал, созданный подлецами для удовлетворения вкуса хулиганов. Большинство скульптурных галерей Европы могут предоставить примеры. Ватикан и музей Неаполя полны ими. В девятнадцатом веке, когда вкус Европы опустился до самой глубокой искусственности, работы такого рода очень понравились критикам. Будет только справедливо по отношению к ним сказать, что у них было не так уж много возможностей узнать лучше, поскольку подлинные греческие работы лучших периодов в основном лежали под поверхностью нераскрытыми. Из этой массы низкопробного материала критики выбрали один или два примера для восхищения. Даже такие великие люди, как Лессинг и Винкельман, основывали превосходные критические принципы на этих прогнивших основах. “Лаокоон”, сенсационное произведение родосских скульпторов первого века до нашей эры, было взято Лессингом в качестве текста его великого рассуждения о правильных функциях искусства. Мы, с другой стороны, можем видеть, что этот запутанный треугольник извивающихся форм, выражающий неистовые эмоции боли и ужаса, имеет театральный и сенсационный характер, противоречащий самому духу греческой умеренности. Точно то же самое верно и в отношении двух шедевров Фарнезе, Быка[116] и Геркулеса. Подобные факты дают повод задуматься о непостоянстве вкуса и подверженности ошибкам художественной критики. Беспокойство, симптом перенапряжения нервов, является признаком декаданса, который мы можем наблюдать на позднегреческих вазописях. Пространства покрыты тривиальным орнаментом, рисунок вялый, единственная цель - красота. Энергия композиции растрочена на тривиальные детали. Короче говоря, название болезни, от которой должно было погибнуть греческое искусство, - вульгарность. Идеализм без романтизма был секретом греческого искусства в его лучших проявлениях. Когда мы находим романтику без идеалов, мы достигаем надира.

Позднегреческая вазопись: из *Пелики* в Британском музее.

МОЛЯЩИЙСЯ МАЛЬЧИК

Мэнселл и Ко.

Глоссарий

Содержание

Для пояснения слов, отмеченных знаком А, обратитесь к архитектурным схемам на стр. 107.

Акротерион, А.

Эгис, нагрудник, украшенный головой Горгоны и бахромой из змей, атрибут Зевса и Афины.

Агора, рыночная площадь.

Амфиктиония, соседние государства, объединенные в религиозный союз.

Амфипростиль, здание с колоннами на обоих концах.

Аниконический, без образов, ранняя стадия религии.

Антропоморфизм, религиозная привычка представлять богов в виде людей.

Архитрав, А.

Архонт, правитель или магистрат; коллегия из девяти человек в Афинах.

Aretē, добродетель; строго говоря, качество мужчины.

Аулет, женщина, играющая на кларнетах.

βασιλεῖς, короли или вожди.

Кадуцей, обвитый змеями жезл Гермеса.

Кариатида, колонна, вырезанная в виде девушки.

Целла, неф или главное помещение храма.

Хитон, туника, застегивающаяся на левом плече.

Хламида, короткая накидка, которую носили спартанцы и солдаты.

Хтонический анимизм, поклонение подземным духам, обычно включающее культ мертвых и репродуктивных сил Природы.

Хорегус, человек, который снаряжал хор для театральной постановки; обычно богатый человек, на которого эта обязанность возлагалась как своего рода налог.

Хризелефантин, сделанный из золота и слоновой кости.

Декадрахма, монета достоинством в десять драхм (франков).

Дем, приход.

Дом, жилище, напоминающее средневековый зал.

Экклезия, афинское собрание.

Эхинацея, А.

Антаблемент, та часть классического здания, которая опирается на колонны и поддерживает крышу; она включает архитрав и фриз.

Энтасис, система оптической коррекции, используемая в греческой архитектуре (см. стр. 161).

Эфеб, юноша лет восемнадцати.

Эфорат, совет “надзирателей” в Спарте.

ἦθος, характер, духовные качества.

Герусия, Сенат и сенаторы Спарты.

Геронт, Сенат и сенаторы Спарты.

Гутта, А.

Гармосты, спартанские правители завоеванных городов.

Гегемония, лидерство, неопределенный сюзеренитет.

Шестиэтажный, с шестью колоннами.

Иерофант, жрец мистерий.

Гоплиты, тяжеловооруженная пехота.

В антисес считается, что колонны в торце здания, между концами изготовленных боковых стен, находятся в антисе.

Культовый, с изображениями, этап религиозного поклонения.

Куанос, синяя прозрачная паста, напоминающая стекло.

Киликс, кубок.

Лецитус, сосуд для масла, определенная форма греческой керамики.

Литургия, общественная обязанность, налагаемая в качестве налога на богатых.

Мегарон, зал.

Метопес, А.

Палестра, площадка для борьбы.

Парабасис, ода, исполняемая хором в греческой драме при выходе на сцену.

Пеплос, длинное женское одеяние или мантия.

Периойки, соседи, второй класс в спартанской кастовой системе.

Периферия, окруженная колоннадами.

Перистиль, колоннады, окружающие здание.

Пиктографическое письмо, форма письма, в которой символы представляют собой рудиментарные рисунки.

Пникс, холм в Афинах, где собиралось Собрание.

Продомос, суд первой инстанции.

Сатрап, персидский наместник.

Сколион, застольная песня, в которой гости принимали участие по очереди.

Застой, междоусобица, партийность, измена.

Стела, памятник в виде прямой плиты, надгробия.

Стратеги, полководцы, афинская магистратура.

Стригиль, инструмент, используемый спортсменами для соскабливания масла и песка с неба.

Стилобат, пол, от которого поднимаются колонны (А).

Телос, намеченная цель или конечный результат.

Таламос, внутренняя комната, спальня хозяина дома.

Талассократия, господство на море.

Толос, свод или купол, любое круглое здание.

Триглифы, А.

Ксоанон, изображение в основном в виде ствола дерева.

БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание

[Приведенный ниже список книг будет служить двум целям: в качестве руководства для читателя, желающего подробнее разобраться в каком-либо особом вопросе, и в качестве признания некоторых обязательств автора. Сюда включены только работы на английском языке.]

Общая история Греции

Бери, профессор Дж. Б. История Греции. Макмиллан.

Самая актуальная “студенческая история”; богато иллюстрированная; кладезь фактов в узком изложении.

Гроуте Г. История Греции. С древнейших времен до смерти Александра. 10 томов. Мюррей.

Холм, Адольф. История Греции от ее начала до завершения обретения греческой нацией независимости. Перевод Ф. Кларка. 4 тома. Макмиллан.

Короткие главы с подробными примечаниями, написанные с либеральной и сочувственной точки зрения.

Специальные работы о ранних периодах

Берроуз, профессор Р. М. Открытия на Крите и их влияние на историю древней цивилизации. Мюррей.

Эванс, сэр Артур. Основную работу можно найти в ежегодниках Британской школы в Афинах. Макмиллан.

Гранди, доктор Г. Б. Великая персидская война и ее предварительные этапы. Изучение свидетельств, литературных и топографических. Мюррей.

Лэнг, Эндрю. Гомер и его эпоха. Лонгманс.

Mosso, Angelo. Дворцы Крита и их строители. Фишер Анвин.

Мюррей, профессор Гилберт. Возникновение греческого эпоса. Издательство "Кларендон Пресс".

Риджуэй, профессор У. Ранняя эпоха Греции. 2 тома. Издательство Кембриджского университета.

- Минос скорее Разрушитель, чем Создатель так называемой минойской культуры Кносса. (Лекция, прочитанная в Британской академии 26 мая 1909 г.)

Политика

Баркер Э. Политическая мысль Платона и Аристотеля. Метуэн.

Фаулер, У. Вард. Город-государство греков и римлян. Макмиллан.

Гринидж, А. Х. Дж. Справочник по конституционной истории Греции. Макмиллан.

Вибли Л. Греческие олигархии: их организация и характер. Метуэн.

-- Политические партии в Афинах во время Пелопоннесской войны. Диссертация принца-консорта. 1888. Издательство Кембриджского университета.

Мифология и религия

Фарнелл Л. Р. Культы греческих государств. 5 томов. Издательство Кларендон Пресс.

Фрейзер, Дж. Г. Адонис, Аттис, Осирис. Макмиллан.

Харрисон, Джейн Э. и Верралл, М. де Г. Мифология и памятники Древних Афин. 1890.

Лоусон, Дж. К. Новогреческий фольклор и древнегреческая религия. Издательство Кембриджского университета.

Reinach, Salomon. Орфей. Общая история религий. Heinemann.

Скульптура и искусство

Гарднер, профессор Э. А. Справочник по греческой скульптуре. Новое издание с приложением. В двух частях; Приложение отдельно. Макмиллан.

Джонс, Х. Стюарт. Избранные отрывки из древних авторов, иллюстрирующие историю греческой скульптуры. Макмиллан.

Мюррей, А. С. Справочник по греческой археологии. Мюррей.

Перро и Чипиез. История искусства первобытной Греции. 2 тома. Чепмен и Холл.

Waldstein, Charles. Очерки об искусстве Фидия. Издательство Кембриджского университета.

Уолтерс, Х. Б. Греческое искусство. Метуэн.

- Искусство греков. Метуэн.

Чеканка

Хед, Б. В. История нумизматики. Руководство по греческой нумизматике. Издательство Clarendon Press.

Хилл Г. Ф. Греческие и римские монеты. Макмиллан.

Бронзы

Мюррей, А. С. Греческие бронзы. Сили.

Каталог Британского музея.

Вазы

Каталоги Британского музея: Греческие и этрусские, Белые афинские вазы.

Литература

Джебб, сэр Ричард. Букварь по греческой литературе. Макмиллан.

Джевонс Ф. Б. История греческой литературы от древнейшего периода до смерти Демосфена. Гриффин.

Топография, Социальная Жизнь и т.д.

Греция Бедекера. Фишер Анвин.

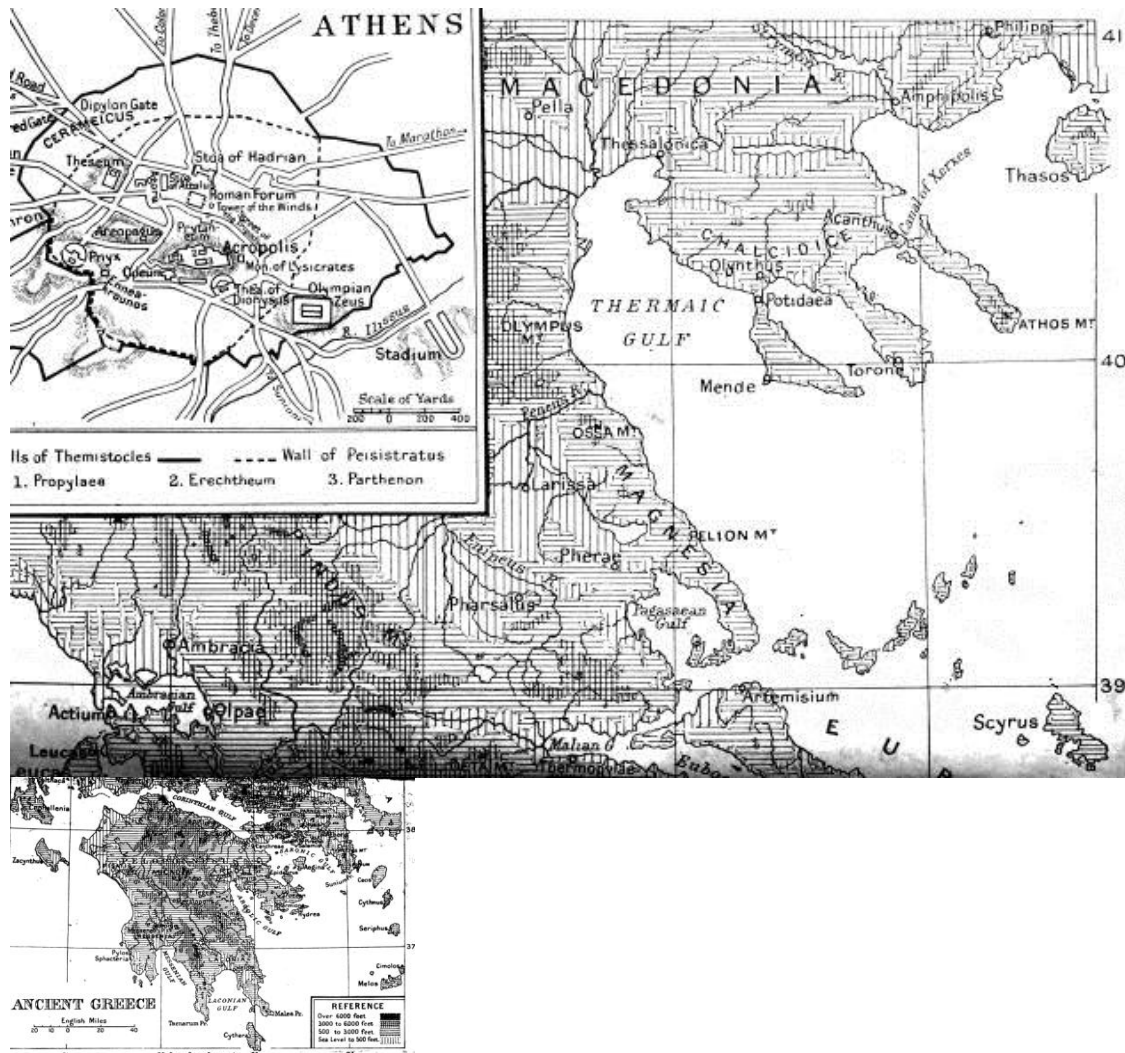
Беккер, В. А. Хариклы, или Иллюстрации частной жизни древних греков. Переведено преподобным Ф. Меткалфом. Лонгманс.

Фрейзер, Дж. Г. Описание Греции Павсанием. 6 томов. Макмиллан.

Фримен, К. Дж. Школы Эллады. Макмиллан.

Гардинер, Э. Норман. Греческие спортивные состязания и фестивали. Макмиллан.

Напечатано издательством BALLANTYNE & COMPANY LTD В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ BALLANTYNE PRESS
На Тависток - стрит, Ковент - Гарден ,
Лондон

СНОСКИ:

- [1] Этот и подобные технические термины объясняются в Глоссарии в конце книги.
- [2] Табличка I, фиг. 1 и 2.
- [3] Таблички 2 и 3.
- [4] Табличка 4.
- [5] Табличка 5, рис. 2.
- [6] Табличка 6.

- [7] Табличка 7.
- [8] Табличка 8.
- [9] Табличка 9.
- [10] Табличка 10.
- [11] Табличка 5, рис. 1.
- [12] Табличка 11.
- [13] Табличка 12.
- [14] Табличка 12.
- [15] Табличка 13.
- [16] Табличка 14.
- [17] Табличка 15.
- [18] Табличка 16.
- [19] Табличка 17.
- [20] Табличка 18.
- [21] См. Вазочку, рис. 3 (Панафинейская амфора).
- [22] Табличка 19, рис. 1.
- [23] Табличка 19, рис. 2.
- [24] Табличка 20, рис. 1.
- [25] Табличка 20, рис. 2.
- [26] Табличка 21.
- [27] Табличка 22.
- [28] Табличка 23.
- [29] Табличка 24.
- [30] Табличка 25.
- [31] Табличка 26.
- [32] Тарелка 27 и ваза-поднос, рис. 1.
- [33] Табличка 28.
- [34] Тарелки 24 и 76 и ваза-тарелка, рис. 3.
- [35] Табличка 29, рис. 1.

[36] Табличка 29, рис. 2.

[37] Табличка 30, рис. 2.

[38] Табличка 30, рис. 1.

[39] Табличка 31.

[40] Табличка 32.

[41] Табличка 33.

[42] Табличка 34, рис. 1.

[43] Табличка 34, рис. 2.

[44] Табличка 35.

[45] Табличка 36.

[46] Табличка 37.

[47] Табличка 38.

[48] Табличка 39.

[49] Табличка 40.

[50] Табличка 41.

[51] Табличка 42.

[52] Табличка 43, рис. 1.

[53] Табличка 44.

[54] Табличка 45.

[55] Табличка 46.

[56] Табличка 47, рис. 1.

[57] Табличка 38.

[58] Табличка 25.

[59] Таблички 31 и 32.

[60] Табличка 59.

[61] Табличка 47, рис. 2.

[62] Табличка 48.

[63] Табличка 43, рис. 2.

[64] Табличка 49, рис. 1.

[65] Табличка 49, рис. 2

[66] Табличка 50.

[67] Табличка 51.

[68] Табличка 52.

[69] Табличка 53.

[70] Табличка 54.

[71] Табличка 55.

[72] Табличка 56, рис. 1.

[73] Тарелка 56, рис. 2; и Тарелка-ваза, рис. 2.

[74] Тарелка 57; и Тарелка-ваза, рис. 4.

[75] Табличка 58.

[76] Табличка 59.

[77] Табличка 60, рис. 1.

[78] Табличка 60, рис. 2.

[79] Табличка 61, рис. 2.

[80] Табличка 62.

[81] Табличка 63, рис. 1.

[82] Табличка 63, рис. 2.

[83] Табличка 64, рис. 1.

[84] Таблички 65 и 66.

[85] Табличка 67.

[86] Табличка 61, рис. 1.

[87] Табличка 68.

[88] Табличка 20, рис. 2.

[89] Табличка 51.

[90] Другими пятью моими работами были бы Гермес Праксителя, Афродита Мелосская, "Тезей" Парфенона, Коллеони Верроккьо и "Святой Жан-Батист" Родена.

[91] Табличка 69.

[92] Табличка 70.

[93] Табличка 71.

[94] См. нижнюю часть [стр. 266](#).

[95] Табличка 72.

[96] Табличка 73, [рис. 1](#).

[97] Табличка 64, [рис. 2](#).

[98] Табличка 74.

[99] Табличка 73, [рис. 2](#).

[100] Табличка 75.

[101] См. [стр. 112](#).

[102] См. Табличку 76 и вазочку, [рис. 3](#).

[103] Номера 77 и 78.

[104] Табличка 79.

[105] Табличка 80.

[106] Табличка 81.

[107] Табличка 82.

[108] Табличка 83.

[109] Табличка 84.

[110] Табличка 85.

[111] Табличка 86.

[112] Табличка 87 и [фронтиспис](#).

[113] Табличка 88.

[114] Табличка 89.

[115] Табличка 90.

[116] Табличка 91.